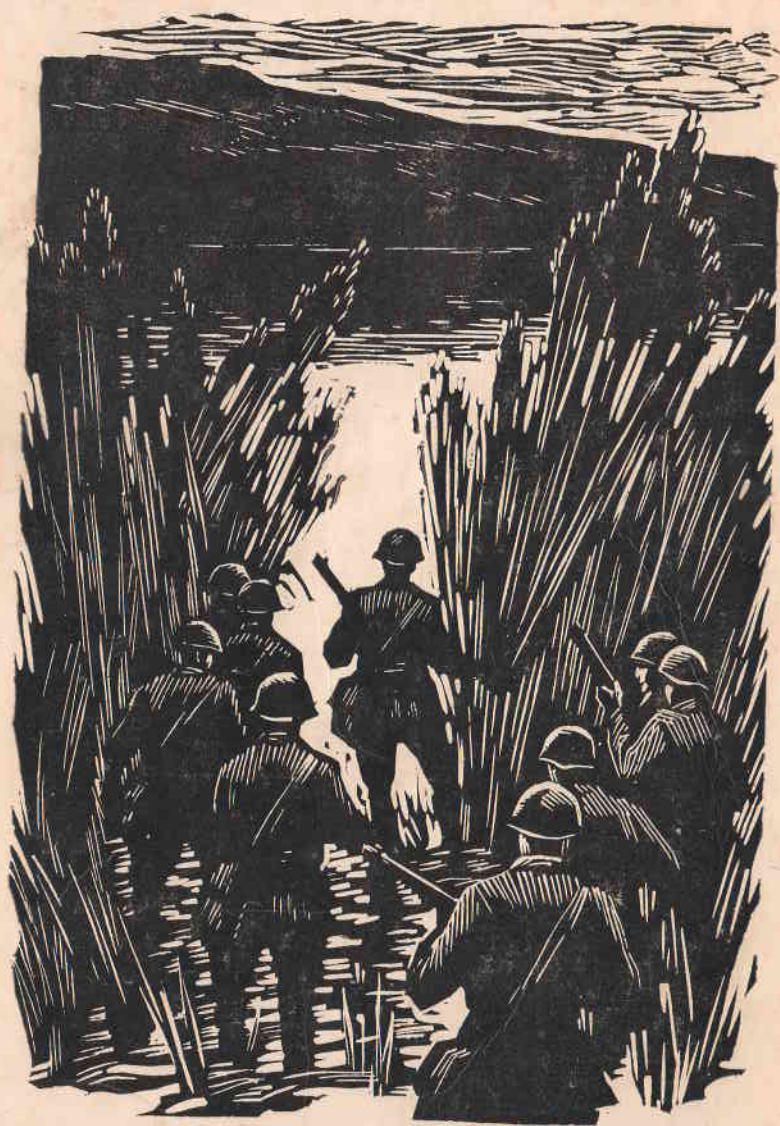

Рз
с17

ФЕДОР САМОХИН

ЧОЛПОНБАЙ

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Количество предыдущих
выдач _____

аи

P2
C17

Федор Самохин

ЧОЛПОНБАЙ

ПОВЕСТЬ

Второе издание, переработанное и дополненное

ABONEMENT

ОШСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИНВ N 439114

9

0438

0734

ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1982

Для среднего и старшего школьного возраста

Художник А. Осташев

ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ

1

Нежно пахли нагретые солнцем деревья лесополосы. Изредка набегавший ветерок шевелил вербовые ветки. Сквозь них падали на молодую траву солнечные лучи.

Семнадцатилетний юноша с волнением ждал начала конных скачек. На парне рубашка из черного ситца, обут он в большие ботинки с сыромятными шнурками, на голове белый войлочный колпак. Лицо у него широкоскулое, смуглое, губы полные, словно припухшие. Под густыми темными бровями сверкают быстрые большие глаза. По сложению он один из тех, о которых говорят: «Нескладно скроен, да крепко шит». Юноша держит за повод высокого тонконового гнедого коня. Это Чолпонбай Тулебердиев, молодой колхозник из сельхозартели имени Тельмана. Он прибыл на скачки на колхозном коне по кличке Бурный.

К конникам подошел лейтенант — работник районного отдела Осоавиахима. Он остановился в трех шагах от наездников и, повернувшись лицом к зрителям, объявил:

С $\frac{70803-322}{М 452 (17)-82}$ 181.82.4803010102

Р2
ББК 84.98P7

Рецензент Р. Г. Деева

© Переработка и дополнения. Оформление.
Издательство «Мектеп», 1982 г.

— Начинается аламан-байга¹. Участвуют лучшие молодые конники колхозов района!

Он перечислил фамилии всех участников соревнования.

Не один год опытный тренер колхоза Туткуч Эралиев обучал скаковому делу своего соседа Чоке, как ласково называл он Чолпонбая. И вот сейчас, стоя в толпе зрителей, Туткуч переживал за своего юного наездника: на районных скачках тот участвовал впервые.

Раньше других рванулся наездник из колхоза имени Калинина, джигит Эсен. Он сразу вырвался вперед. Чолпонбай поднял камчу, хлестнул коня. По коже Бурного пробежала мелкая дрожь, конь выбросил передние ноги; взял с места в галоп; через мгновение он вытянулся в струнку и вихрем понесся по проселочной дороге. Дробно застучали кованые копыта. Вот один наездник остался позади, второй, третий, четвертый... Близо уже конник из колхоза имени Калинина. Пригорок, густо поросший бурьяном, решал исход скачек. Его Чолпонбай преодолел одновременно с калининцем, а дальше произошло то, чего не ожидали зрители, напряженно следящие за поединком джигитов: Бурный сделал бешеный рывок вперед. Не оглядываясь, Чолпонбай почувствовал, что соперник отстает на корпус лошади.

Перед глазами Чолпонбая мелькнул неглубокий овраг. Конь в прыжке словно повис в воздухе и, коснувшись земли, неудержимо рванулся вперед. Степная дорога стлалась под ноги резвого скакуна.

Чолпонбай повернул голову, скосил глаза и увидел, что остальные конники отстали от него не меньше как на сто метров. Он прижал ноги к бокам коня. Бурный напрягся еще сильнее, казалось, что он вкладывает в свой бег последние силы, но они у него не убывали.

Впереди полыхнул красный флажок. Скоро финиш. Видна белая полоска — это лента. Ее надо разорвать раньше других, иначе к чему эта бешеная скачка? Конь словно чувствовал состояние всадника и стрелой неся к цели. Минута, вторая — и вот концы белой ленты затрепетали на широкой конской груди. Следом прискакал калининец. Чолпонбай уже остановил коня, сошел на землю. Эсен подъехал к Чолпонбаю и, указывая пальцем на свою словно облитую мыльной пеной лошадь, сказал:

¹ Аламан-байга — скачки на дальние расстояния.

— Будь мой конь помоложе, никогда бы тебе, Тулебердиев, не обогнать меня.

— Все могло бы случиться, — великодушно согласился Чолпонбай.

Дрожащей от пережитого волнения рукой он погладил гриву Бурного. К победителю устремились люди. Широко шагал лейтенант. А за ним спешил низкорослый, полный, с лицом, смахивающим на женское, Токтогул Джергунчинов — председатель родного колхоза. Подошел поздравить своего ученика и Туткуч Эралиев.

Когда джигита плотным кольцом окружили зрители, лейтенант громко объявил:

— Чолпонбай Тулебердиев занял первое место. Районный отдел Осоавиахима награждает его Почетной грамотой и карманными часами.

Токтогул взял у Чолпонбая поводья. Сильные руки болельщиков подняли джигита, подбросили его вверх. Чолпонбай, не привыкший к таким почестям, засмутился, повторяя одно и то же:

— Хватит, ребята, довольно!

В эту радостную минуту не один старый наездник с доброй завистью смотрел на Чолпонбая.

Председатель колхоза обнял джигита:

— Молодец, Чоке. Обрадовал всех нас.

— Вам, Токтогул-ака, спасибо за такого тулпара.

Со скачек Грозненским трактом возвращались в родной аил вдвоем — Чолпонбай и Туткуч.

Километры дороги обозначены каменными столбиками. Из-под копыт коней звонко вылетают мелкие камешки. Дорога однообразна. В такие минуты думается о сокровенном.

«Туткуч хороший и добрый человек, — думал Чолпонбай. — Как бы я выглядел сегодня на скачках, не будь его, умелого и терпеливого наставника? А директор школы Казыбек Абдыкеримов?» Чолпонбай вспомнил, как два года назад весной перестал ходить на уроки: у него порвались сапоги. Казыбек Абдыкеримович узнал об этом и привез способному ученику свои сапоги. Это был всем подаркам подарок!

Иногда мальчик бывал вспыльчивым, к этому его вынуждали классные шалуны, а вообще Чолпонбай отличался спокойным характером. Ростом он был намного выше своих одноклассников. Сидел за партой, не зная куда девать крепкие

руки и длинные ноги. Часто мальчишки кричали: «Дядя, нагнись, я волосок у тебя вырву!», «Чоке, достань с потолка паука», «Чоке, сильный ветер вверх?». Чолпонбай терпел, старался не обращать внимания на эти неумные шутки, но иногда выходил из себя, хватал первого попавшегося и давал ему тумака. Попадало иногда и его друзьям Сагымбеку и Ашимбеку, но дружки никогда не ходили в учительскую жаловаться. Другие ребята бегали в канцелярию. Казыбек-ака всем говорил: «Не лезьте к Чолпонбаю, не дразните его. Он большой, но лучше других учится». А когда дети уходили из школы, Казыбек-ака садился рядом с Чолпонбаем и, не повышая голоса, доверительно вел разговор:

— Силы человеку для пользы даны. Их надо употреблять к месту. И зачем тебе руку на мелюзгу поднимать? Подумай, Чолпонбай.

...Проселочная дорога от Грозненского тракта ответвлялась в сторону. Она вела в аил имени Тельмана. Поселок небольшой — всего две улицы. На самом краю аила стоит такой же, как и у других колхозников, приземистый глинобитный домик с двумя небольшими окошками. Около дома сарай для овец и лошади, на крыше дома сложено ровным стожком прошлогоднее сено. Двор не обнесен изгородью. Выйдешь из дома — и сразу увидишь белое низкое здание начальной школы, дальше — большой пустырь, заросший травой, а чуть в стороне — колхозный двор.

Глава семейства Тулеберды Таракулов после долгой болезни умер шесть лет назад, в тридцать пятом году, оставив в наследство многочисленной семье старый кетмень, которым он разрывал земляные перемиčky и пускал воду на чужие огороды, курджун из овечьей шкуры, в котором много лет носил лепешки и бутылочку с насваем...

Мать Сураке растила пятерых сыновей. Жили бедно. Зимой мальчишки учились, а летом брали кетмени, вилы и шли в поле, на табачные плантации.

Легче стало жить, когда старший брат Токош начал постоянно работать в колхозе. Всей семье хорошо запомнилось, как Токош на бричке подъехал к дому и сгрузил десять мешков пшеницы — первый большой заработок Токоша и его братьев. А нужда глядела из каждой щели глинобитного дома. Надо было одеть ребят, подремонтировать дом. Год от года жизнь в колхозе улучшалась, поправлялись дела и в семье Тулебердиевых. К сорок первому году в доме Сураке

был уже достаток. Дети подросли. Трое ребят работали в колхозе.

При въезде в аил Чолпонбая и Туткуча ждали колхозники. Первым к Чолпонбаю подбежал Долон — худой и рослый паренек. Прошлой осенью комсомольцы колхоза избрали его своим секретарем. Он подошел к Чолпонбаю, обнял и затряс его руку:

— Поздравляем. Слышали, победителем домой едешь?

Около дома Чолпонбая встретили братья и мать Сураке. Все уже знали (наверное, узун-кулак — длинное ухо — принесло хорошую весть), что их Чоке за первенство на скачках получил районную грамоту и часы. Остановив коня, Чолпонбай спрыгнул на дорогу, прижал к своей груди мать. А потом вытащил из нагрудного кармана часы и протянул ей.

— Возьми, апа. И в нашей семье теперь есть награда.

Сураке взяла часы, внимательно осмотрела их, сказала горделиво, чтобы ее услышали все собравшиеся:

— Ты смелый, Чоке, вырос. Награды в наш дом принесут и другие мои сыновья.

2

В домике Тулебердиевых никогда не слышно было ссор, криков. Пять сыновей — молодец к молодцу — вскормила, вспоила старая добрая Сураке. На сыновей жаловаться не приходилось. Ребята росли уважительными, дружными, работающими.

Постоянные заботы о детях, нелегкая работа на табачных плантациях наложили на темное лицо Сураке свой отпечаток — множество морщин. А густые, когда-то иссиня-черные, волосы подернулись белым налетом. Кисти рук у Сураке усохли, ладони огрубели, а на пальцах выросли твердые заскорузлые бугорки мозолей.

Когда все сыновья собирались в доме вместе и усаживались на кошму вокруг столика, на котором, как обычно, стоял пузатый белый фарфоровый чайник, большая тарелка с румяными и пышными лепешками, то Сураке рядом с детьми, рослыми и здоровыми, казалась худенькой, маленькой и беспомощной, но она всеми была любима и всем дорога.

Сураке всегда садилась на угол кошмы, поджав под себя правую ногу, брала в руки чайник и по очереди каждому сыну наливала в пialу чай.

Хорошая весть, как беркут, имеет крепкие и размашистые крылья, летает быстро и высоко. О победителе скачек в айле имени Тельмана узнали в тот же день.

Первым в дом Тулебердиевых пришел друг покойного отца старый Дулат. У него белая борода, реденькие седые усы. Он вошел в дом и остановился у дверей. Сураке поднялась навстречу гостю, ребята поставили на столик новенькую расписную пиалу.

— Дорогой гость пожаловал! Милости просим,— пригласила Сураке Дулата.

Она принесла подушку, положила на кошму. Старик прошел в комнату, опустился перед низким столиком.

— Как здоровье семьи? Ничего дурного не случилось?— осведомился старик.

— Спасибо. Пожаловаться не можем.

— Все хорошо, значит? — Дулат поудобнее уселся около столика, поджав под себя ноги.

— Все благополучно. В наш дом Чоке радость принес,— похвалилась Сураке.

— Слышал, слышал о Чоке, о его успехах на скачках,— улыбнулся Дулат, взглянув на Чолпонбая.

Затем, поставив наполовину отпитую пиалу, обратился к Токошу:

— Ты ученый человек, скажи: говорят, Гитлер войной пошел на всю Европу...

— Это правда, аксакал. Фашисты уже захватили много стран.

— Ай-яй-яй,— сокрушенно покачал головой Дулат. — Что же, его аллах ума лишил, что ли?

— Наверное, так, аксакал,— согласился Токош. — Слушаю я радио и думаю, что Гитлер пойдет войной и на нас.

— Ой, что ты говоришь, Токош,— ужаснулась Сураке. — Не надо войны... Я помню, как басмачи издевались над людьми. Давно это было, а страшно вспомнить...

— И я, Сураке, помню те худые времена,— вздохнул Дулат. — Нет ничего хуже войны. Но если она начнется, наши джигиты снова оседлают коней. Все за свою землю будем драться.

Дверь открылась, и в комнату вошел Туткуч Эралиев. Он успел привести в порядок коней, сходил домой, переоделся.

— Салам дому хорошему! — с поклоном приветствовал всех Туткуч,— я не опоздал к беседе?

Поговорили о весне, севе, конях, но как бы ни важен был разговор о хозяйственных делах колхоза, а беседа сама собой снова перешла к военным событиям, как самым важным для всех сельчан.

Сидящие в комнате по-разному понимали происходившие события, но мысли их сходились на одном — надвигается что-то неотвратимое и грозное.

3

Чолпонбай сидел на полу в полутемной комнате, придвинув круглый низкий столик к маленькому окошку. Предвечернее солнце разостлало по полу розовый коврик. На цветастом старом ширдаке аккуратными стопочками лежали тетради, а перед Чолпонбаем была раскрыта книга по алгебре. Чолпонбай всегда старался сделать уроки сначала по литературе, родному языку, которые были самыми трудными для него, а потом приступал к алгебре и геометрии: задачи давались легко. Решал двумя, а иногда и тремя способами. Чолпонбай уже складывал тетради в сумку, когда в дверях показался Сагымбек, розовощекий, круглолицый, как месяц в полнолуние. В черных глазах сверкали озорные огоньки. Дружок прерывисто дышал, моргал глазами. За пазуху у него были засунуты тетради.

— Чоке, помоги, будь другом,— взмолился вдруг Сагымбек. — Отец приехал с гор и требует тетради. А ты сам знаешь, у меня там три двойки по геометрии. Отец рассердится.

Сагымбек тяжело вздохнул и опустился на кошму.

— Эх ты, трус! Врать, конечно, нехорошо, но если ты так боишься, то скажи, что тетради учитель взял проверять.

— Э-э, Чоке, я уже соврал отцу, сказал, что я тебе отдал тетради. Задачи списывать. Сам знаю, что врать нехорошо. Да отца боюсь. И волновать его жалко.

Сагымбек встал, приблизился к Чолпонбаю и горячо зашептал:

— Я возьму твои тетради. И свои обложки на них надену.

Чолпонбай долго не соглашался. Но ему ясно представилось, как Дуйшемби, раскрыв тетради Сагымбека, увидит двойки, возьмет кнут и начнет бить сына. Тот подпрыгивает, сжимается в комок. А кнут гуляет по его спине. Жалко стало

Сагымбека. Он же хороший парень, только его игра в альчики мучает, а увлекается он ею страстно, забывая про все на свете. И еще у него есть одно пристрастие — жеребенок. Сагымбек начал ухаживать за ним, когда тот был еще сосунком, а теперь уже на нем ездит. Правда, первые дни жеребчик сбрасывал Сагымбека, но теперь ничего, привык.

— Ладно, Сагымбек, выручу, — нехотя согласился Чолпонбай.

Сагымбек от радости вскочил с кошмы и запрыгал, как насытившийся козленок, заулыбался. Чолпонбай достал из сумки свои тетради, разогнул скрепки и снял обложки. Сагымбек отдал другу свои тетради.

Засунув за пазуху тужурки чужие тетради, Сагымбек убежал из комнаты.

— Шайтан, — невольно выругался Чолпонбай, пряча тетради Сагымбека в свою сумку. Все его существо противилось вранью, но друг есть друг — его надо было выручать.

Вечером пришла с работы Сураке. Она застала сына сидящим за столиком. Сураке знала: Чоке не ждет, чтобы его заставляли решать задачи, писать, читать. Он сам знает, когда садиться за уроки, а когда идти играть на улицу. Мать принялась готовить ужин. Чолпонбай заторопился за кураем. Вышел на улицу — и замер от испуга: к их дому шел отец Сагымбека — Дуйшемби. Старик шагал бодро, размахивая кнутом. Подошел к дому, поздоровался и сказал:

— Радость у меня. В горах все идет хорошо. Сынок стал учиться лучше. Все отметки хорошие да отличные.

Чолпонбай смотрел на старика и думал: «Э-э, Дуйшемби-ака, тебя обманули». Ему стало досадно, что он сам участник этой нечестной игры.

Сураке оставила каталку в тесте, сказала:

— Молодец твой Сагымбек стал. За ум взялся. Пойду, взгляну в тетради Чоке. Как-то он у нас учится?

У Чолпонбая перехватило дыхание. Вот и выручил друга! Чолпонбай подошел к двери дома и растерянно остановился около порога. «Может быть, мать не найдет тетради Сагымбека? — мелькнула мысль. — Ведь в сумке много разных учебников и тетрадей...»

Мать вышла. В руках у нее тетради Сагымбека. Увидев их, Чолпонбай покраснел от стыда.

— Ты что же, Чоке, так истрепал свои тетради? — спросила Сураке. Она сердито покосилась в сторону Чолпонбая.

и молча ушла обратно в дом. Дуйшемби ничего не понимал.

— Ай-ай... у нашего тоже есть и хорошие и...

Чолпонбай хотел бежать за кураем, но ноги не шли, будто приклеились к земле. «Беда какая! — думал он, прислонившись к стене. — Как же мне быть? Сказать — плохо Сагымбеку сделаю, молчать — мне и от матери, и от братьев попадет».

Мать хлопотала у стола, раскатывая тесто, а Дуйшемби словоохотливо говорил, что нынче в горах хорошие травы и овцы жиреют на глазах. А Чолпонбай прижался к стене и все думал, но ничего не мог придумать. Наговорившись с Сураке, Дуйшемби, довольный, ушел к себе во двор.

Пришел с работы Токош.

— Несчастье пришло в наш дом, — негромко сказала ему Сураке. — Чоке принес его в тетрадах. Одни плохие отметки.

— Неужели? — удивился Токош. — Это чем же наш Чоке занимается?

— Не знаю. Надо его спросить. Чолпонбай, иди сюда!

Чолпонбай нехотя оторвался от стены и медленно пошел к матери. Смуглое лицо его горело.

В это мгновение ему очень хотелось отдубасить Сагымбека. Как обидно, что приходится отдуваться за чужие отметки.

— Как же это, а? — спросил Токош.

Чолпонбай молчал. Сураке вздохнула.

— Горе-ученик, — продолжал брат. — Когда же ты успел двоек нахватать? У тебя же раньше их не было.

Токош сходил в комнату, принес тетради и начал их перелистывать.

— Я что-то не пойму. Тут сплошные двойки стоят. Этого не может быть.

Еще раз перелистав один за другим тетрадные листки, Токош повернулся к Чолпонбаю.

— Чьи тетради? — спросил он строго.

— Сагымбека, — сдавленным голосом ответил Чолпонбай.

— Ай-ай-ай! А к нам Дуйшемби приходил, хвалился, что Сагымбек порадовал его отметками, — сказала Сураке, сокрушенно качая головой.

— Вот оно что! Ты, апа, знаешь, что они сделали? Сагымбек тетради Чолпонбая отцу подсунул. А вот эти — Сагымбека.

— Плохо ты сделал, — упрекнула мать Чолпонбая.

— Он хотел Сагымбека выручить, да и сам попался, как сурок в капкан. Так не помогают друзьям. И Дуйшемби обманули. Как не стыдно!

За кураем Чолпонбай не пошел. Он спрятался в доме, залез под одеяло, решив заснуть, не дожидаясь ужина. Но сон не шел. «Ох, что мне теперь в школе будет? Узнают ребята, засмеют. Вот как подвел меня Сагымбек...»

4

Три дня в школе никто не знал о проделке Чолпонбая и Сагымбека. Так им обоим казалось, но на четвертое утро, придя в школу, Чолпонбай заметил, что ребята сторонятся его.

Проходя по коридору мимо того простенка, где всегда висела стенная газета, Чолпонбай остановился, будто его кто-то схватил сзади и держит. На листке бумаги был нарисован Сагымбек. На лице улыбка, в руках тетради Чолпонбая. Вокруг него, как ласточки, вьются тетрадные листки с хорошими и отличными отметками, а внизу подпись: «Мечта Сагымбека». Рядом стоит Чолпонбай и протягивает дружку целую стопку каких-то бумажек.

Чолпонбай расстроился. Значит, ребята всё уже знают.

Перед началом урока Чолпонбай увидел Сагымбека и с горечью сказал ему:

— Зачем я только тебе отдал тетради?

— Сам же ты их мне принес, — с вызовом, нагло в ответил Сагымбек.

Чолпонбай растерялся. Как это может Сагымбек врать в глаза! «Сам принес...» Вот это товарищ называется! Но Чолпонбай ничего не сказал другу и молча пошел к своей парте, ловя на себе насмешливые, вопросительные и сердитые взгляды одноклассников. И зачем только он дал Сагымбеку тетради? Выручил его на свою голову.

— Ты же от радости козленком прыгал. А сейчас врешь. Ох, плохо так поступать, Сагымбек, — укоризненно заметил Чолпонбай.

Сагымбек промолчал.

На следующий день Сагымбек в школу не пришел.

В большую перемену, когда ребята бегали по двору, из школы выбежал староста Осмонбек и крикнул еще издали:

— Пришел!

— Кто? Сагымбек?

— Дуйшемби.

Все бросили свои альчики, ринулись в школу, обгоняя друг друга. Интересно было услышать: о чем директор школы Казыбек Абдыкеримович будет говорить с Дуйшемби? Но нельзя же разговор взрослых подслушивать. И ребята притихли, начали медленно прохаживаться по коридору. Прозвенел звонок. Все побежали в класс. Был урок алгебры. Ребята вертелись, переговаривались. Учителю с трудом удавалось успокаивать возбужденных детей.

— Джумабай-ака, Чолпонбая и Сагымбека накажут?

— Не знаю, ребята, но история получилась очень некрасивая, — сказал учитель и посмотрел на Чолпонбая. Тот не знал куда деваться, понурил голову и, ни на кого не глядя, сопел.

5

Дуйшемби сидел на краю кошмы и заплетал ремешки камчи, мысли его были о сыне, его поступке.

— Давно уехал Сагымбек? — спросил он жену.

— Солнце в это окно светило, — ответила та, тревожно поглядывая на мужа. Сагымбека она жалела. Один ведь сын в семье. Мальчик, чего доброго, еще заболит от отцовского кнута.

— Ты не бей Сагымбека, — упрашивала она мужа.

— Я его, шайтана, накажу иным способом, — сердито произнес Дуйшемби.

Но мать не успокоилась... Еще тоскливее заныло сердце, когда она увидела вернувшегося Сагымбека. Сын слез с жеребенка и пустил его в сарай. Вот Сагымбек стукнул носком ботинка о дверную перекладину. Хрустнул бурьян под его ногами.

Дуйшемби повел плечами, приподнял голову. Мать закончила выгребать золу из очага, нужно было вынести из дому таз, но она медлила, не выходила, хотела услышать разговор отца и сына.

В комнату вошел Сагымбек. Он сбросил с себя стеганую куртку. Прошел в угол и хотел сесть на кошму.

— Подойди, сынок, ко мне, — тихо позвал отец.

В отцовском голосе Сагымбек уловил сердитые нотки.

— Что, ата? — насторожился мальчик.

— Иди, расскажи, как отца обманул, — вкрадчивым голосом произнес Дуйшемби.

Сагымбек так и прилип к кошме, хотел выбежать из комнаты, да не смог ослушаться отца. Он с опаской покосился на камчу.

— Я... мы...

— Чего ты там мычишь? Иди сюда, — снова позвал Дуйшемби. — Кнута моего не бойся.

Сагымбек, сопя, нехотя подошел к отцу.

— Вот тут стань.

Сагымбек виновато стоял перед отцом, во рту пересохло, трудно стало дышать. Он глядел на отцовскую руку с сетью вздувшихся вен, на кнут, который был зажат его огрубевшими пальцами. И покраснел до слез.

— В школу меня вызывали, — заговорил отец, — Казыбек-ака со мной говорил о твоих плохих отметках. А еще говорил, что я лгунишку вырастил. Расскажи, Саке, как тетради чужие подсунул мне.

— Это Чолпонбай мне их навязал. Уговорил меня... — попытался оправдаться Сагымбек. Но, взглянув уголком глаза на отца, понял, что тот ему не поверил.

— Свистишь на всю степь, а гонишь только две козы. Ты же врешь.

Сагымбек смотрел на свои запыленные ботинки, теребил пальцами ремешок, на котором был привязан перочинный нож.

— Ты не знаешь, что сказать, лгун. Вот слушай мой совет, как надо грязь смыть с нашей семьи: пойдешь завтра в школу и перед всеми ребятами скажешь, что сам у Чолпонбая тетради выпросил. Скажи, что так больше поступать не будешь.

Сагымбек молчал.

— Сделаешь или нет?

— Альчики да жеребенок его мучают, — упрекнула сына мать. — Ты бы, отец, взял в горы жеребенка. Все Сагымбеку будет меньше хлопот.

Мальчик мгновенно повернулся к матери и посмотрел на нее такими умоляющими глазами, что та сразу раскаялась в своих словах.

— Придется жеребенка взять в горы, — согласно кивнул головой отец.

— Ата, не надо, я люблю жеребеночка, — шагнул Сагымбек к отцу. По щекам светлыми росинками потекли слезы.

— Тогда ты сделаешь, как я говорю. И учиться лучше станешь.

Сагымбек замолчал. Лучше бы отец отхлестал его кнутом, об этом никто бы не узнал. А как идти в школу и просить прощения? Стыда от ребят не оберешься, засмеют.

— Ты пойдешь в школу завтра же! — приказал отец.

— Мне стыдно. Я не пойду, — прошептал Сагымбек, глотая слезы.

— Тогда я коня уведу в горы. А тебя выпорю вот этим кнутом.

Сагымбек схватил стеганую куртку, надел на голову кепку и выбежал на улицу. Он быстро оседлал коня, прищипорил его и что есть духу помчался по улице.

— В горы поехал. А ведь ночь скоро. Вот ты до чего мальчишку довел, — упрекнула Дуйшемби жена, вытирая слезы.

— Ничего, вернется.

Но Сагымбек не вернулся ни в этот день, ни на следующий.

6

Утром, проходя мимо дома Сагымбека, Чолпонбай посмотрел на дверь, надеясь, что дружок выйдет из дому и они вместе пойдут в школу. Но Сагымбек не вышел. И Чолпонбай подумал: «Наверное, Дуйшемби отстегал его кнутом, и теперь Сагымбек лежит». Ему стало жалко дружка, забыв про свою обиду, он свернул с дороги и пошел к другу. Мать Сагымбека рассказала обо всем, что случилось с сыном два дня назад.

В школу Чолпонбай пошел один. В классе ребята спросили, не видел ли он Сагымбека? Чолпонбай ответил, что отец поругал сына и тот куда-то уехал.

Казыбек Абдыкеримович послал учеников домой к Дуйшембиевым. Те возвратились вскоре и рассказали, что отец Сагымбека приказал сыну идти в школу и просить прощения у всего класса и у директора, а тот сел на коня и уехал. Ишь, гордец какой нашелся!

— Трусливым оказался Сагымбек, — вынес свое заключение Осмонбек.

Чолпонбай еле дождался конца уроков. Его мучила совесть. Ведь виноват он, виноват! Не должен был давать свои тетради. Но раз уж так случилось, надо разыскать Сагымбека, уговорить вернуться в школу.

После уроков Чолпонбай зашел домой, сказал матери о своем намерении и поспешил в колхозные конюшни. Разыскал Туткуча. Коневод нес ведро с ячменем. Чолпонбай преградил ему дорогу, попросил:

— Дай мне коня, Тутке.

Туткуч поглядел на Чолпонбая и понял: его юный друг чем-то расстроен, хотя старается скрыть это, но не стал допытываться, только спросил:

— Зачем тебе коня, Чоке?

— Мне надо коня, агай. Если можешь, дай, — не отвечая на вопрос, настойчиво повторил свою просьбу Чолпонбай.

Туткуч молча пошел в конюшню. Вскоре он вывел Бурного. Чолпонбай взял поводья, поставил в стремя ногу, легко вскочил в седло. Конь пожевал удила, стремясь выбросить их изо рта, потом сорвался с места и помчался к горам.

Из поселка в горы вела узкая тропа. Напрягаясь, конь карабкался на кручи. Дорога петляла, прижимаясь на поворотах к отвесным скалам, будто стремилась увести путника подальше от обрыва, зияющего рядом. Далеко внизу пенилась и бурлила Кара-Бура. Вода с шумом разбивалась о камни и бешено мчалась по ущелью.

Чолпонбай предполагал, что Сагымбек скорее всего поехал к своему дяде Умару, который пас колхозных овец за перевалом Карум-Тор в ущелье Бова. Надо проехать по тому каменному коридору — и как раз угодишь к ужину в юрту дяди Сагымбека.

Путь предстоял еще далекий. Чолпонбай ехал и думал о Сагымбеке. «Вот он испугался идти с извинением в школу, струсил. А ведь ночью ехать по этим горам — надо иметь смелость и выдержку. Нет, шайтан этот Сагымбек, если он не испугался впотьмах скакать по горной тропе! Такому парню можно позавидовать!»

Чолпонбай преодолел перевал и выехал в долину. Сразу стало веселее. Всюду виднелись овечьи тропы, то там, то тут чернели и белели юрты, похожие на большие валуны. Иногда даже трудно было отличить — то ли это валуны, то ли юрты.

Чолпонбай долго разыскивал стоянку Умара. Наконец нашел. Наверное, семья Умара только что переехала на это место. Беспорядочно разбросаны пожитки. Из верхнего отверстия юрты вьется дымок. Около дверей, прямо на траве, лежат подушки и сидцевых цветастых наволочках, разостла-

ны старые кошмы, стоит деревянный круглый столик, над танком висит казан.

Около дверей сидела женщина и, качая люльку, тихонько напевала:

Беркут вьется в горах,
Озирая даль...

Рядом с ней играли со щенком двое ребят. Навстречу Чолпонбаю шагнул мужчина, высокий, худой.

— Здравствуйте,— почтительно приветствовал он хозяина.

— Привет молодому гостю,— ответил тот.

— Далеко откочевали вы со своей отарой. Не сразу найдешь. Случаем, у вас Сагымбека нет?

— Тут.

— А где же он сейчас? — обрадовался Чолпонбай.

— Там, у отары.

Чолпонбай сошел с коня. Привязал его к колу, торчащему около юрты.

— Он вам не сказал, зачем приехал? — осторожно спросил Чолпонбай, пытливо глядя на Умара.

— Наверное, соскучился по дяде,— с улыбкой пошутил хозяин.

Несколькими минутами позже они сидели около юрты на разостланной кошме и пили чай.

— Что нового там, в аиле?

— Все тихо. Живем, работаем, учимся.

— Ты чего пожаловал к Сагымбеку? — спросил чабан.

— Дело у меня к нему,— уклончиво ответил Чолпонбай.

— Загадками отвечаешь. Он только что из дому — и уже дела? — усмехнулся Умар. — Ты мог бы и в аиле с ним поговорить.

Чолпонбай отпил несколько глотков чаю, поставил пиалу на кошму. Не торопясь, рассказал обо всем, что произошло с Сагымбеком дома и в школе. Чабан внимательно выслушал гостя, а когда Чолпонбай обо всем поведал, крикнул мальчугану, что играл со щенком:

— Турсун, иди к отаре, побудь там, а Сагымбек пускай чаю попьет.

Чолпонбай дождался, пока убежал Турсун, повернулся к Умару, горячо заговорил:

— Уговорите Сагымбека вернуться в класс. Мы с ним разругались. А ведь он хороший парень, мы друзья. Но вот тетради нашу дружбу разладили.

— Хорошо, сейчас решим,— пообещал Умар.

Через полчаса пришел Сагымбек. Увидел Чолпонбая, оробел, хотел повернуться, уйти. Но потом взял себя в руки, прошел мимо друга и сел рядом с дядей.

— Ты чего ж товарища не замечаешь? — строгим голосом спросил Умар.

Сагымбек сделал вид, что не услышал слов дяди. Плеснул в пиалу душистого желтого чаю, промолчал.

— Сагымбек оглох в горах,— улыбнулся чабан,— и глаза плохо стали видеть.

— Зачем приехал, Чолпонбай? — недовольно спросил Сагымбек, не отрывая глаз от пиалы.

— За тобой, Саке. Ты школу бросил, а скоро экзамены,— как можно спокойнее сказал Чолпонбай. Сквозь густой загар на его лице проступил румянец.

— Отец в горы уехал? Я сильно виноват перед ним.

— Умный мальчик ошибается — себя ругает, а плохой ошибается — товарищей ругает,— рассудительно произнес дядя. — Ты, Сагымбек, слепцом стал, своих друзей не видишь. А вот Чолпонбай не оставил тебя в беде. Сорок километров верхом проехал, чтобы вернуть тебя в школу.

Сагымбек не ответил. То ли чай разогрел, то ли от волнения лицо у него стало пунцовым. Чабан поднялся и пошел к коням. Чолпонбай последовал за ним. Они сели на коней и направились к отарам.

Сагымбек встал, намереваясь войти в юрту. В дверях стояла тетя. В руках она держала одеяла. Сагымбек услужливо принялся помогать тетке.

— Вот тут положи,— сказала она племяннику, указывая на сундук.

Голос у тетки был ласковый, приветливый. И от этого Сагымбеку стало вдруг очень уютно. Он схватил лежащий у дверей топор, выбежал из юрты и принялся рубить кусты ветвистого курая. Затем набрал целую охапку топлива и понес к очагу. Работая топором, Сагымбек думал о другом. «А вот Чолпонбай не оставил тебя в беде», — вспомнились слова дяди. Сагымбек улыбнулся. Хороший, душевный у него друг, хотя и часто говорит колкие слова. Вот и после нынешнего разговора на душе у Сагымбека стало чище и светлее, он точно умылся с дороги, смыл дорожную пыль и повеселел.

Вечером овец подогнали к жилью. Умар и Чолпонбай зашли в юрту.

— Э-э, да тут полный порядок! — воскликнул чабан, увидев пылающий очаг, сложенные вдоль стен вещи, застеленный пол.

— Это Саке постарался, — отозвалась хозяйка юрты, — мне бы одной не управиться.

Курай в очаге догорал. Сагымбек и Чолпонбай сидели рядом и о чем-то тихонько говорили. Умар прислушался. Чолпонбай читал другу стихи.

Помолчав немного, Умар спросил:

— О чем вы там?

— Чоке стихи Токтогула читает.

Послушав несколько минут, Умар сказал:

— А я вот Токтогула Сатылганова видел, даже беседовал с ним. Он приезжал к нам в Таласскую долину.

— Вы, агай, говорили с ним? — оживился Чолпонбай. — Расскажите, пожалуйста.

— Что ж, рассказывать о добром человеке всегда приятно, — согласился Умар. Он начал медленно, словно выбирал из многих хороших самые лучшие слова: — В тот год только что начали создавать колхозы. Не всем они пришлись по душе, особенно бесновались баи. Лютой ненавистью встретили они новшество, от злобы стали поголовно резать скот, овец, а куда мясо девать? Сельчанам раздавали — вот, мол, какие мы добрые. Некоторые бедняки тоже стали бить животных. Богатен всякие небылицы о колхозах придумывали, даже бедняки и те засомневались, стоит ли вступать? Нашлись грамотные люди и растолковали, что колхозы облегчают жизнь бедноты. Поверили, начали вступать в колхозы, а, известно, у бездомного скотовода какое имущество? Приходилось силой брать скот, инвентарь у богатых. Организовали мы свой колхоз. Поначалу туго шли дела, будто на худой лошади в гору поднимались.

Однажды летом, когда мы косили жнейками да серпами ячмень около Кара-Буры, приехали к нам два аксакала. Один из них старичок с бородой, в белом колпаке. Глаза у старика умные, живые. Морщинок на лице много-много, а губы тонкие, с затаенной улыбкой. Гость приехал к нам с комузом. Поговорил с колхозниками, поинтересовался делами, расспросил нас о жизни, а вечером многие жители айла собрались у меня в кибитке. Рассказал нам Токтогул, как его баи выслали в Сибирь. Много лет поэт был в ссылке. Жил вместе с русскими ссыльными. После ужина Токтогул нам сти-

хи о Ленине читал. Вот уже много лет прошло, а я до сих пор помню эти стихи:

Всех баев из нашей страны
Изгнала Советская власть.
Теперь Вам, кедея сыны,
Под царскую власть не попасть!
Не надо теперь беднякам
Петли на себя налагать.
Свобода, пришедшая к нам,
Свой пламенный будет держать.
Какая счастливица ты,
Родившая Ленина мать!

Утром Токтогула провожали всем колхозом. Душевно он с нами прощался, каждому руку жал. С тех пор я его больше не встречал...

Все долго молчали под впечатлением услышанного. Потом Умар поднялся и вышел из юрты. Сходил к отаре. Возвратился с охапкой курая. В очаге тлели угольки, и как только Умар бросил курай, огонь снова запылал. По стенам юрты заиграли красные зайчики.

— Погреемся — и спать, — сказал Умар. — Ложитесь вместе. Завтра рано подниму. Путь далекий, дорога трудная.

Весенняя ночь в горах короткая, а воздух прозрачный до самого звездного неба. В такую ночь спать да спать, но Умар разбудил ребят до восхода солнца. Около юрты уже стояли оседланные кони. Чолпонбай и Сагымбек быстро попили чаю, сели на коней.

— До свидания, агай, спасибо за добрый прием и угощение, — сказал на прощание Чолпонбай и первым прищипил коня.

7

Три друга — Чолпонбай, Сагымбек и Ашимбек — проворно пылили босыми ногами по Грозненскому тракту. Долгоногий Чолпонбай, как всегда, опередил своих дружков. Ашимбек бежал за ним, стараясь не отстать. Сагымбек плелся последним.

В школу пришли без опоздания. И как только вошли в коридор, у Сагымбека гулко застучало сердце: стыдно было на ребят смотреть. Только он хотел завернуть в свой класс, как из учительской вышел директор школы. Какие все же у него внимательные, острые глаза! Вроде бы и не смотрел на

Сагымбека, а увидел, подошел, потрепал волосы паренька. У Сагымбека от теплого прикосновения учительских рук задрожали губы. Казымбек Абдыкеримович спросил:

— Пришел?

Вместо ответа Сагымбек почти шепотом произнес:

— Казымбек Абдыкеримович, извините меня.

— А почему ты не поступил так раньше?

— Я думал, все пройдет, все позабудут.

— А «неуды» куда будем девать?

— Исправлю, — виновато пообещал Сагымбек, крутя пуговицу на рубашке.

— Иди в класс, да больше отца не обманывай.

Сагымбек робко, ни на кого не глядя, вошел в класс. Молча сел за парту. Одноклассники будто бы невзначай то и дело поглядывали на беглеца. А тот и сам чувствовал, как его обжигают десятки глаз, и от этого ему становилось не по себе. Он то краснел, то бледнел. Но вот открылась дверь, и вошел учитель родного языка Султанбек Омурбекович. Поудобнее уселся на стул, раскрыл журнал.

— Дуйшембиев.

Сагымбек вздрогнул от неожиданности, но не растерялся и поспешно вышел к доске.

— Я хочу сказать...

— Рассказывайте, рассказывайте, Дуйшембиев.

— Я перед ребятами извиняюсь за свой поступок...

Сагымбек помолчал, переступил с ноги на ногу и начал громко рассказывать заданное. Он успел выучить и повторить пройденное вместе с Чолпонбаем.

— Хорошо! — одобрительно сказал учитель. — Садись.

Сагымбек от доски будто летел на крыльях. Он получил хорошую отметку, да еще набрался смелости, извинился перед директором школы и всем классом. С чувством благодарности он подумал о Чолпонбае.

8

Небо едва начало светлеть, а дверь в доме Тулебердиевых уже скрипнула, и во двор в одних трусах вышел Чолпонбай. Он повернулся к горам, глубоко вдохнул свежий, чистый, как ключевая вода, утренний воздух, поглядел в ту сторону, где живет Ашимбек. Дружка еще не видно. Не выходил на улицу и Сагымбек. А ведь еще вчера вечером договорились под-

няться пораньше, пойти в степь, чтобы нарвать полевых цветов.

Чолпонбай забежал в комнату, тихонько, чтобы не разбудить остальных, достал из сумки книгу стихов Токтогула и вышел во двор. Присел на камень и принялся читать:

Не вернутся назад никогда
Вновь твои молодые года...
Если б крылья души молодой
Мог схватить ты, как птицу, рукой.

— Ты, Чоке, опять читаешь? — схватил его за плечо Сагымбек, подкравшись сзади.

Чолпонбай вздрогнул от неожиданности.

— Дай взглянуть, — продолжал Сагымбек. — О-о-о, стихи Токтогула!

— Люблю его стихи... Ты послушай только, что он о молодости пишет:

В молодости душа цветет.
Молодость — как орла полет.

Сагымбек вдруг без запинки продекламировал:

Когда приходишь, жизнь,
Гарцуешь, как аргамак.
Когда уходишь, жизнь,
Ты без подошвы чувак...

Друзья рассмеялись. Получилось забавно: Чолпонбай декламировал стихи о молодости, а Сагымбек — о старости.

В это время подошел Ашимбек. В новых брюках, в черных ботинках, в синей ситцевой рубахе.

— Ты еще не одет? — набросился он на Чолпонбая. — Собирайся скорее! Как бы не опоздать!

Солнце уже выглядывало из-за дальней горы, брызгая в лицо ребят яркими горячими лучами, когда с букетами полевых цветов в руках они подошли к школе. Раскатисто зазвонил звонок — последний школьный звонок в их жизни. Было немного страшновато. Те же парты, та же доска, только вот учительский стол покрыт красной скатертью. Это было необычно. Такими скатертями покрывали столы только на колхозных собраниях, в торжественных случаях, когда вручали самым лучшим премии, подарки. На первых партах и на подоконниках — цветы. Ребята поставили букеты поле-

вых цветов на стол, сели за парты. Ашимбек побледнел, глаза его беспокойно забегали. Чолпонбай заметил волнение друга, кивнул ему головой, дескать, не робей, но и сам не мог успокоиться. Нервно поглядывал на дверь Сагымбек.

В класс вошли члены экзаменационной комиссии: учитель литературы Султанбек-ака, директор школы Казыбек Абдыкеримович, представитель районного отдела народного образования.

Первый экзамен за седьмой класс — сочинение по родной литературе.

Султан-ака зачитал темы. Чолпонбай выбрал «Творчество акына Токтогула Сатылганова». Токтогул его любимый акын, многие стихи поэта он знает наизусть. Хорошо можно написать о поэме «Песнь о Ленине».

Чолпонбай взял ручку, придвинул к себе чистые листки бумаги со школьным штампом и написал первую строчку...

9

День пятнадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года был последним днем в школе. В это утро Чолпонбаю вручили свидетельство об окончании семилетки. Чолпонбай взял свидетельство в руки и, не отрывая от него глаз, прошел через весь класс к своей парте, горделиво сел рядом с другом. Восемь отличных и шесть хороших отметок! Есть чем гордиться! Друзья поздравили его. Чолпонбаю хотелось всех расцеловать, даже тех мальчишек и девчонок, которые подзадоривали его, называя дядей за высокий рост и широкие плечи.

Вручение свидетельств окончено. Все ушли из класса. Остался один Чолпонбай. Он прислонился спиной к дверному косяку, задумался. Чья-то рука легла на его плечо. Чолпонбай повернул голову. Перед ним стоял Казыбек Абдыкеримович:

— Грустишь, Чоке?

— Не верится, что больше не приду с книжками в школу, — тихо ответил Чолпонбай.

Чолпонбай не представлял себе, что будет так тяжело прощаться со школой и с этим высоким, смуглым, уже молодым человеком. Вот Казыбек Абдыкеримович засунул руки в карманы тужурки, о чем-то глубоко задумался. Должно быть, и ему нелегко расставаться со своими воспитанниками.

— Не забывай школу, Чоке, друзей, — негромко сказал Қазыбек Абдыкеримович и улыбнулся. Лицо директора просветлело, молодо блеснули глаза.

— Спасибо за совет. Никого не забуду. И вас буду помнить всегда. Решил поехать во Фрунзе поступать в педагогический техникум. Сдам ли экзамены?

Директор пристально посмотрел в большие глаза ученика, сказал:

— А почему считаешь, что не сдашь? Ты никогда не был отстающим учеником. Ну, счастливого тебе пути!

Чолпонбай вышел из школы и, проходя мимо окна, остановился, заглянул в класс. Почему-то захотелось кинуть последний взгляд на свою парту, на классную доску. Раньше Чолпонбай прошел бы мимо и взгляда не бросил на окна, а сейчас глядел сквозь оконное стекло: трудно было отвести глаза от черного блеска доски.

Братья встретили Чолпонбая во дворе. Долго разглядывали свидетельство, поздравляли, хвалили за успехи.

Вошли в комнату. Большой медный поднос стоял на столике, а вокруг него — пиалы для супа, на фарфоровых тарелках лежали лепешки. Сураке хлопотала у очага.

Сели за стол. Речь зашла о предстоящей поездке Чолпонбая в город Фрунзе, на учебу.

Токош заметил, что до осени еще далеко. В летние дни Чолпонбаю не плохо бы в колхозе поработать, денег скопить на дорогу. Чолпонбай согласился с братьями, сказал, что да, настала пора и ему потрудиться в колхозе.

Когда поели, Токош поднялся, посмотрел на мать, потом перевел взгляд на Чолпонбая, подошел к сундуку, вытащил новенький костюм.

— Вот, Чоке, тебе наш подарок.

Чолпонбай взял костюм, улыбнулся. Он был бесконечно рад — это его первый настоящий костюм.

— Надевай, браток! — весело сказал Токош.

— Потом, Токе.

— Ай-ай, нельзя старшим возражать, — укоризненно покачала головой Сураке. — Подарок брат от чистого сердца преподнес.

Чолпонбай пошел в другую комнату переодеваться.

Через несколько минут он предстал взрослым юношей, только лицо осталось прежним: скуластое, с большим прямым носом и пытливыми черными глазами.

Просидели до позднего вечера. Не заметили, как ночь прильнула к окнам, глянула в дом сверкающими звездами. Потом улеглись спать. Братья сразу уснули, а Чолпонбай долго еще лежал, прислушиваясь к тому, как мать звенела посудой. Было и радостно, что окончил школу, и грустно, что не придется вместе с Сагымбеком и Ашимбеком бежать ранним утром Грозненским трактом в школу. Вспомнил разговор с Қазыбеком Абдыкеримовичем, его теплые прощальные слова. Он даже прошептал: «Не забуду». Потом пришел сон...

Проснулся Чолпонбай позже всех. Быстро поднялся, подошел к печке. На печурке стоял чайник, накрытый одеялом. Это мать укутала, чтобы чай не остыл. Чолпонбай налил чаю в пиалу, отломил кусок лепешки, быстро поел.

На конюшню он пришел поздно. Туткуч уже успел почистить лошадей, сводить их на водопой. Многих пустил пастись, только породистых оставил в конюшне. За ними был особый уход. Три раза в день их выводили на прогулку, кормили строго по рациону, который составлял районный зоотехник. Туткуч приветливо встретил Чолпонбая.

— Прибыл в ваше полное распоряжение! — улыбаясь, произнес Чолпонбай.

Оседлав Бурного, Чолпонбай выехал на прогулку. Застоявшийся конь игриво вскинул гривастую шею, затанцевал по улице айла. Мелькали дома, лаяли во дворах собаки. Около дома Гульнары Чолпонбай натянул поводья, поехал шагом. Сделал он это не потому, что устал скакать, а просто заметил стоящую около дувала девушку. Поравнявшись с ней, Чолпонбай поздоровался. Девушка, ничего не ответив, ушла за дувал. Вот гордычка, а вместе же учились, могла бы и поздороваться!

Чолпонбай подъехал к реке Кара-Бура, спрыгнул с коня, перекинул поводья на луку и подошел к воде. Он стоял на берегу и смотрел вверх по течению реки — туда, где вода вырывалась из ущелья, билась белыми брызгами, буйствовала.

Чолпонбай закрыл глаза, и перед ним предстала Гульнара. Она была такой же, какой он ее недавно видел: в розовом ситцевом платье, на голове — белая косынка. Волосы заплетены в тугие косы, они у нее черные, как угли. А лицо белое. Этой весной она тоже окончила семь классов.

С гор подул ветерок, зарыбил поверхность реки, зашуршал в прибрежных кустах чия и облепихи. Приятно стоять

у воды, дышать чистым воздухом. Вскоре Чолпонбай заметил, что к реке шла девушка. Чолпонбай узнал Гульнару. Неужели устыдилась, что не ответила на его приветствие, и решила искупить вину?

Гульнара подошла и, ничего не говоря, посмотрела на Чолпонбая. Под яркими лучами солнца нежное лицо девушки светилось. В черных волосах солнечные лучи блестели, переливались разными цветами. Гульнара опустила ресницы и теребила свои косы, спускающиеся почти до колен. Казалось, что девушка не волосы разглаживает, а стряхивает с них золотистый бисер.

— Отцу обед несю, — как бы оправдываясь, тихо сказала Гульнара и пошла дальше. Чолпонбай стоял, не зная, как же ему поступить: окликнуть девушку или бежать за ней?

Гульнара уходила все дальше и дальше. И Чолпонбай не устоял на месте, побежал догонять девушку.

— Что же ты ушла? — обиженно сказал Чолпонбай. — Не поздоровалась утром и сейчас в молчанки играешь.

— Я сказала: отцу обед несю.

Гульнаре хотелось быть суровой, но выдавали глаза — улыбчивые, веселые. Чолпонбай шел рядом. «Надо сказать, чтобы он ушел. Стыдно девушке с парнем по пустынному берегу реки идти», — думала Гульнара. И молчала. Они шагали по ущелью. Чолпонбай помог девушке влезть на стену каменной крепости Кызыл-Орды.

Перед ними открылась просторная долина. Вон родной аил, за рекой, в зарослях вербы, разбросаны дома колхозников артели имени Тельмана. Кто-то с луга на бричке вез сено. По шоссе из Кировского в Грозное прошла машина.

Чолпонбай и Гульнара сидели на каменной стене. Боясь, как бы Гульнара не упала, Чолпонбай держал ее за руку. Может, потому, что девушка испугалась высоты, а может, потому, что ей приятно было сидеть рядом с Чолпонбаем и ощущать тепло его рук, она не отнимала своей руки из его теплых ладоней. Прошло несколько минут, Гульнара встрепенулась:

— Ой, про обед забыла...

— Пойдем, я саям Шаршену отдам... — сказал он, а сам подумал, что не уважает старика. Утром едешь мимо его дома, Шаршен уткнется в коврик головой, аллаху молится, и вечером в такой же позе можно застать старика. С соседями не знается, сторонится их.

— Нет, нет! Одна дойду, — заторопилась девушка. По каменистым уступам спустились вниз. И Гульнара убежала, придерживая узелок с продуктами.

Чолпонбай возвратился к своему коню. Бурный преспокойно ходил вдоль берега и щипал зеленую мягкую траву. Чолпонбай взял поводья недоуздки, пригнул прошлогодние кусты чия и уселся на них. Подумалось: неужели и Гульнара верит в аллаха? Говорят же, что орешинка далеко не катится от дерева. Да, собственно, какое ему-то дело, верит Гульнара в бога или не верит. Не собирается же он на ней жениться, просто Гульнара нравится ему — и только.

Чолпонбай порывисто вскочил на коня и помчался к аилу.

СУРОВОЕ ВРЕМЯ

1

Ясным июньским утром сорок первого года в аиле имени Тельмана было все как обычно. От колхозного двора в поле уходил трактор. С конного двора выводили лошадей и запрягали в сенокосилки, из кузницы доносился звонкий перестук наковален и молотков. Почтальон Сагын на коне развозил по домам газеты и письма.

Чолпонбай с Ашимбеком вместе с другими колхозниками уезжали в горы на сенокос. Им доверили только что отремонтированную сенокосилку. Колхозные луга обширны, они раскинулись по ущельям далеко от аила, и поэтому косари, копильщики, скирдовщики, повара и учетчики ехали туда надолго, до самой уборки хлебов.

А дорога была не из легких. На пути много речек — их надо преодолевать вброд, да и тропы узкие, каменистые.

Сенокос — самая желанная пора для сельчан, и принять его надо с достоинством.

В горы прибыли в полдень. Не теряя дорогого времени, начали проверять сенокосилки, конные грабли, ручной ин-

вентарь, одни крепили болты, другие точили ножи, косы — всем нашлось дело.

Чолпонбай, работавший в горах и раньше, попросил бригадира, чтобы ему доверили сделать первый круг. Просторная поляна огласилась людским говором, звоном остро отточенных кос. За лошадьми, подпрыгивая на буграх, гремели косилки.

В неподвижном, настоящем душистыми травами воздухе, звуки отчетливо слышны. На первой косилке сидел Чолпонбай. Время от времени он помахивал кнутом и покрикивал:

— И-эй, проворные, вперед!

Чолпонбая потряхивало на жестком сиденье. Сверкали сталью зубья косы. Зеленой струей лилась скошенная трава. Проходили круг за кругом. Рядки привядшей травы увеличивались, а к вечеру уже кое-где выросли копны.

Работу закончили поздно. На вершинах гор еще горели снежные шапки, а в долину уже спустился полумрак. Потом все сидели у костра, ели горячую лапшу с бараньим мясом. Ночевать расположились в копнах еще сыроватого сена, под открытым небом.

В горах необычен ранний рассвет — там, внизу, в аиле, еще темно, все спят, а тут уже люди бодрствуют, приступают к работе, когда первые лучи еще не взошедшего солнца позолотят белоснежные пики вершин. Чолпонбай в работе не знал усталости. Стояла еще утренняя прохлада, а парень уже успел наработать, у него выступил на лбу пот, рубашка взмокла, хоть выжимай. Весь день он трудился на косилке, а вечером выпряг лошадей, пустил их в табун, а сам взял вилы, грабли и принялся сгребать сено, копнить. Сгребет рядок, захватит жнивья вилами столько — сразу полкопны. Закончив работу, он удивленно посмотрел на свои покрасневшие ладони: на них вздулись мозоли. Но паренек не особенно расстроился — все пройдет, засохнет, затянется, как корка на дереве.

В сенокосные погожие дни люди работали без отдыха. Воскресный день был особенно знойным. До изнеможения уставали от жары не только люди, но и кони. Косарей мучила жажда, а лошади так и тянулись к горной речушке, протекавшей неподалеку.

Чолпонбай старался в знойную пору меньше пить воды, хотя во рту поминутно пересыхало, трудно было разговаривать. Только старики — Дулат и Туткуч — почему-то не чув-

ствовали палящих лучей солнца и ходили даже днем в сапогах, стеганых куртках и в войлочных колпаках.

Проезжая мимо косилки, на которой работал Чолпонбай, Туткуч крикнул с воза:

— Надень шапку!

— Э-э, агай, впору рубаху снять!

— Чоке, — раздался голос бригадира, — останавливай. Переждем жару.

— Сейчас, только круг закончу.

В конце загона Ашимбек, работавший рядом с Чолпонбаем на граблях, натянул поводья, остановил коня. Сразу стало тихо. Только слышно было тяжелое дыхание животных да хруст сухой травы под конскими копытами.

— Чоке, идем к речке.

— Айда, Ашике.

Коней пустили на нескошенную траву, а сами торопливо зашагали к Кара-Буре.

Пройдя немного, Чолпонбай посмотрел на дорогу, которая вела к аилу, и увидел движущийся красный флажок. Прошло несколько минут. Мимо стоящих парней промчался всадник.

Когда верховой скрылся за скалой, Ашимбек недоуменно глянул на Чолпонбая. Тот тоже почувствовал непонятную тревогу, стоял, устремив взор в ту сторону, где скрылся за горой всадник с флажком. Джигиты, не говоря друг другу ни слова, схватившись за руки, побежали к полевому стану, куда только что проскакал верховой с сигнальным флажком.

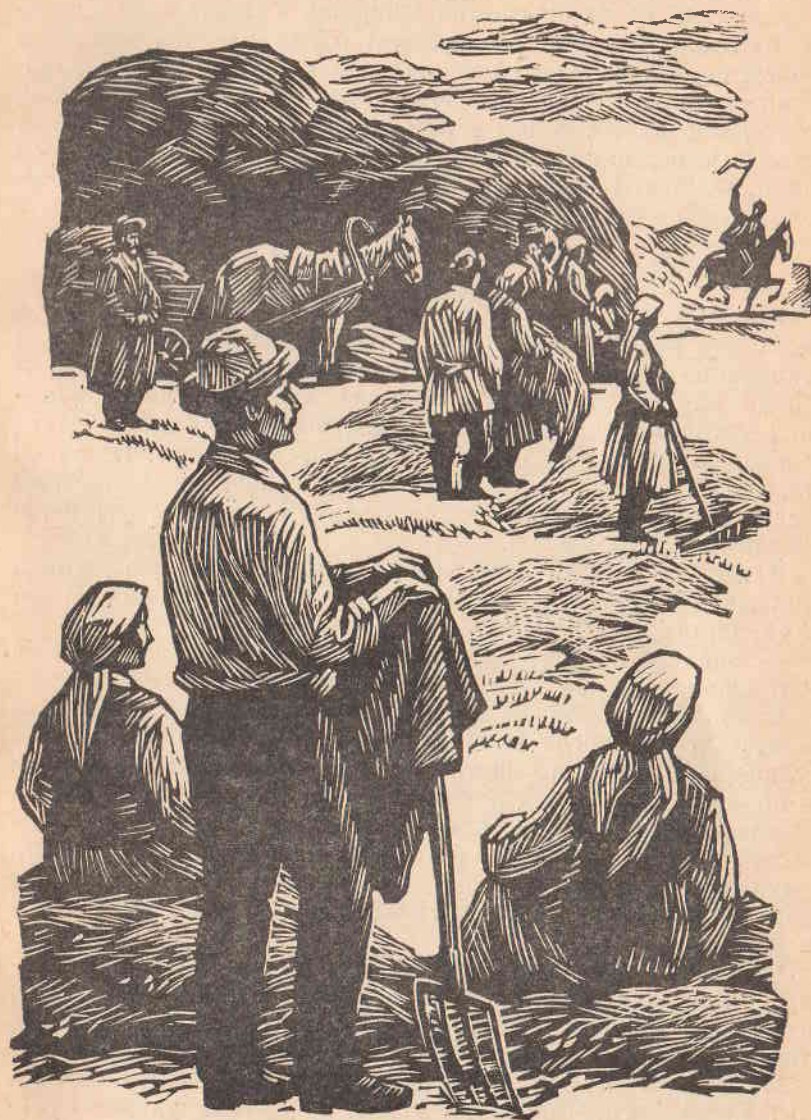
Когда друзья, запыхавшись, остановились около юрт, куда уже со всего луга собрались колхозники, Чолпонбай подошел к всаднику и узнал в нем почтальона Сагына.

— Что случилось, агай? — спрашивали колхозники у почтальона.

— Беда пришла. Гитлер войну с нами начал, — ответил Сагын. Он поправил шапку и громко крикнул собравшимся: — Мужчинам нужно поспешить в аил. Ребятам, старикам и женщинам продолжать работу!

В тот день брат Чолпонбая Токош вместе с другими ушел на фронт.

Чолпонбай не видел войны. Он знает о ней только по кинофильмам, по прочитанным книгам. Но то, что он прочитал в книгах и видел в кино, казалось заманчивым, интересным. В детстве Чолпонбай любил играть в войну. Он собирал

ребят и ходил с ними в атаку. Туткуч часто рассказывал, как в тридцатых годах он громил басмачей в Чаткальской долине, однажды бандиты окружили отряд красноармейцев в горном аиле и живьем сожгли трех бойцов. Туткуч с товарищами отступил в ущелье. Позже басмачей все-таки разбили, но то было давно. А вот теперь Сагын то и дело приносит печальные вести: то один, то другой сельчанин погиб на поле брани. Фашисты захватывают наши города и села, остервенело рвутся в глубь родной страны.

2

Выросли на горных лугах стога сена. По берегам речек шелестели кусты ивняка, чуть выше цвели сиреневым цветом кукушкины слезы, в лощинах желтели заросли крапивы. А у подножья гор наливались медовой желтизной хлеба. Пшеница у тельманцев выросла густая, высокая, хоть бросайся по ней вплавь и не коснешься земли — выдержит. Не успел отзвенеть сенокос, а Токтогул Джергунчинов, колхозный председатель, уже отдал распоряжение сняться с гор и переезжать на жатву хлебов.

В жаркий летний день косари покинули горную долину. Бригада в полном составе в сумерки приехала в аил. В домах — ни огонька, на улицах — ни звука.

— Зайдем домой, переодеться надо, — сказал друзьям Чолпонбай. — А как луна взойдет, соберемся.

Чолпонбай домой не пошел. Миновал школу, пробежал по пустырю. А когда приблизился к дому Шаршена — отцу Гульнары — замедлил шаги. Прошел мимо окошек, дошел до конца дувала, снова повернул назад. Хотелось повидаться с девушкой. Заглянув в окошко, постучал. Неяркий свет лампы освещал низкий столик и груды одеял у стены. Белели подушки. В комнате было безлюдно, но вот кто-то открыл дверь и вошел в комнату, посмотрел в окно и снова скрылся за дверью.

Чолпонбай насторожился, готовый стерпеть окрик старика. Не бросится же он, как барс, на жертву, сначала узнает, зачем пришел, а за это время можно что-нибудь придумать, чтобы оправдать свой приход.

На всякий случай зашел за угол дома, спрятался. Послышались шаги. Чолпонбай вышел из-за угла, увидел Гульнару. Подошел к ней.

— Салям, Гульнара!

Чолпонбай ласково посмотрел на девушку, хотел взять ее за руку, как тогда в горах.

— Это ты, Чоке? — прошептала Гульнара, легонько оттолкнула Чолпонбая, отвернувшись.

Чолпонбай приблизился к девушке, она опустила глаза, не смея взглянуть на него.

— Гульнара, что с тобой?

— Ничего, пусти...

— Я пришел повидать тебя... Я соскучился...

Гульнара отшатнулась от Чолпонбая и, не оглядываясь, убежала в дом.

В тишине шумела вода Кара-Буры.

На углу улицы Чолпонбай встретил Сагымбека.

— Здорово, Чоке!

— Привет, Саке.

— Что ты ночью ходишь по аилу?

— Мы с сенокоса.

— А идешь не с колхозного двора. Куда ходил, Чоке?

Чолпонбай сделал вид, что не расслышал вопроса. Не хотелось говорить, что к Гульнаре ходил, стыдно было признаться, что она не стала с ним даже разговаривать.

— Так, гулял...

— Ты какой-то расстроенный. Что случилось?

— Что нового в аиле, Сагымбек? — не отвечая на вопрос друга, в свою очередь спросил Чолпонбай.

На сердце у него было беспокойно, оно сжималось, ныло. Обидно до слез: Гульнара, которую он знал с детства, училась вместе, не пожелала постоять с ним, убежала, как от разбойника. Чолпонбаю вдруг захотелось поделиться своим горем с дружкой. «Говорят, горе становится легче, если обо всем расскажешь близкому человеку», — подумал он. И обо всем рассказал другу.

Сагымбек выслушал его, не перебивая. И когда Чолпонбай замолчал, сказал:

— Э-э, Чоке, плохи твои дела. Недавно на вороном коне приезжал к Шаршену из Кировки джигит. Уехал от него с заходом солнца. По аилу слух прошел: Гульнара стала невестой мужа своей покойной сестры.

— Ты правду говоришь? — Чолпонбай схватил Сагымбека за плечо. — Так вот почему она смотреть на меня не захотела.

— Это отец заставляет ее выходить замуж. Но ты должен убедить Гульнару, что нельзя жить по старым обычаям.

Дома Чолпонбая ждала радость. Мать подала ему письмо Токоша. Брат сообщал, что сейчас их часть направляется в город Калинин. Получил он новое обмундирование — шинель, сапоги, гимнастерку, а главное — винтовку и несколько гранат. «Не переживай за меня, не один я, скоро пойдем бить фашистов», — такими словами заканчивалось письмо Токоша.

Чолпонбай умылся, переоделся, поел, зажег лампу и сел писать ответ брату. Сураке присела рядом.

За окном, вдали, между двух снежных вершин, появилась луна. А Сураке все рассказывала, рассказывала айльные новости. Чолпонбай едва успевал писать. Вдали от родных мест брату будет приятно узнать, что происходит в колхозе, в семье.

— Мне пора, апа, — Чолпонбай вложил письмо в конверт, написал адрес. — В поле едем. Пшеницу, ячмень с рассветом начинаем косить.

Чолпонбай пришел на колхозный двор не первым, там уже собрались почти все полеводы. Пока запрягали лошадей, укладывали продукты, постели, снаряжали инвентарь, ранняя заря уже позолотила снежные горные хребты.

Первым на конных граблях затарахтел по дороге Ашимбек, Чолпонбай ехал замыкающим. Ежась от утренней прохлады, он думал о брате Токоше, о тех, кто, может быть, сейчас, в эту минуту, смотрит на небо из окопов.

Когда приехали на стан, солнце уже наполовину вышло из-за горизонта и припекало землю.

К Чолпонбаю подошел Ашимбек, забеспокоился:

— Не заболел ли ты, Чоке? У тебя бледное лицо...

— Нет, думы разные в голову лезут. Вот тут ломит. — Чолпонбай показал на свой лоб.

— Это от бессонницы. Всю ночь тряслись по кочкам.

Чолпонбай пустил лошадей пастись, а когда животные, позванивая удилами, ушли в поле, он сказал Ашимбеку:

— Нет, Ашике, от дум голова болит.

К ребятам подошел Токтогул Джергунчинов.

— Зерно от комбайна отвозить будете, — заявил он.

Чолпонбаю приказ башкармы не понравился. Председатель, наверное, считает Чолпонбая и Ашимбека еще детьми, поэтому и посылает их на легкую работу.

— Мы не будем ездить на бричках.

Председатель смерил взглядом Чолпонбая с ног до головы, недоуменно пожал плечами.

— Вы, джигиты, приехали в поле на отдых, что ли? Люди на фронте кровь проливают, а вы работой брезгуете.

— Аксакал, я сяду на косилку, а Ашимбек погонщиком будет. Мы на сенокосе хорошо работали.

— Будете возчиками!

— Почему мне не доверяете? — еле сдерживая обиду, готовую прорваться в грубом слове, спросил Чолпонбай.

— Машин мало, — ответил председатель.

— Дайте мне косилку. Я сильный, справлюсь! — просил Чолпонбай. — Мы не будем простаивать. Вот увидите.

Джергунчинов вздохнул, оттянул пальцами тугую ворот синей рубашки, еще раз вздохнул и, наконец, согласился:

— Хорошо. Садись вон на ту.

На пшеничном поле стрекотали лобогрейки. Росли копны соломы, выброшенные комбайнами. Слово поддразнивая ездовых и косарей, урчали тракторы. Когда комбайн уходил в конец загона, гула мотора не было слышно, только пыль стояла над агрегатом, подтверждая, что комбайн движется.

У Чолпонбая обветрились губы. Трудно было произносить слова. Хотелось пить. Из-под войлочной шапки катился соленый пот и, попадая в глаза, щипал. Выбирая момент, когда на полке косилки было мало пшеничных стеблей, Чолпонбай смахивал пот рукавом рубашки, а потом снова сдвигал вилами скошенную пшеницу. Приходилось часто сбрасывать копейки на стерню — пшеница была рослой, густой.

...Жаркие июльские дни сменялись прохладными ночами, сужался хлебный клин колхоза, и на току вырастали вороха хлеба. В вечерних сумерках и на утренней заре, днем и ночью по проселочным дорогам колеса бричек взвизгивали пылью. Обозы с хлебом уходили с колхозного тока. Возчикам не приходилось править вожжами — кони свыкались с дорогой колхоз Тельмана — Кировка. Около пункта «Заготзерно» приходилось ждать очереди, чтобы сдать хлеб. За это время лошадей хотя и не распрягали, но сытно кормили клевером. А сдав хлеб, снова трогались в путь. И так изо дня в день.

Как только смеркалось, на стане зажигались фонари. С жатвы приходили косари, комбайнеры и погонщики. Те, кто постарше, сразу после ужина укладывались спать. Не унималась только молодежь.

Начинались игры. Самыми увлекательными были состязания по поднятию тяжестей. В них участвовали даже взрослые мужчины.

Многие поднимали по шестьдесят — семьдесят килограммов. Колхозный весовщик осилил восемьдесят пять килограммов.

Дошла очередь до Чолпонбая. Он встал, широко расставил ноги, немного согнул колени, и ему на спину взвалили два с половиной мешка пшеницы — сто пятьдесят килограммов. Он чуть качнулся и, тяжело ступая, понес мешки по току.

— Bravo, bravo! — восхищались колхозники. — Чоке вырос настоящим батыром.

Как-то раз вечером на полевом стане решили посостязаться в борьбе куреш. Нашлись охотники побороться с Чолпонбаем. Он без особого труда справлялся с противниками, за ним закрепилась слава первого силача колхоза. А в бригадной стенгазете появился дружеский шарж: Чолпонбай сдвигал гору.

И еще была своеобразная игра — пить кумыс по тридцать три глотка в одно дыхание.

К этому своеобразному празднику кумыса специально съездили в горы к табунщикам. Те охотно подарили полеводам два чанача кумыса — свежего, душистого и терпкого.

В назначенный вечер все желающие собрались под навесом полевого стана. Пришли старики, женщины, подростки, юноши и девушки. Не каждый день бывает этот своеобразный айтыш.

Первым взял большую пиалу Ашимбек. Не сумел осилить. Только двадцать пять глотков смог. И второй, и третий сдались, не осушив заветной пиалы. К столу подошел Чолпонбай. Подняв вместительную посудину, он выдохнул воздух и принял пить. Люди считали — сколько раз двигался кадык. Осилил — тридцать три!

Чолпонбаю в виде премии преподнесли еще пиалу, но он не стал пить сам, а подарил поварихе Кулюпе.

Однажды поздно вечером в поле приехал на своем стригунке Сагымбек. Он разыскал Чолпонбая в копне соломы.

— Чоке, я говорил с Гульнарой.

— Когда? — Чолпонбай так и присел на хрустящую солому.

— В базарный день. О тебе речь завел, похвалил, а она в ответ: «Без тебя знаю!» Гульнара рассказала, что не любит

своего жениха. Услышал я эти слова и подумал: тебя она любит. И еще я, Чоке, решил: нельзя упускать такую хорошую девушку. Какой из тебя джигит будет, если проморгаешь Гульнару?

Сагымбек еще ближе придвинулся к Чолпонбаю, зашептал:

— Я сказал ей, что ты завтра вечером приедешь в аил, к школе. Вы должны встретиться.

— Хорошо, Сагыке. Ты замечательный друг.

— Ну, что ты, Чоке, хвалишь меня, — заторопился Сагымбек, — старался ради друга. А теперь я поеду в аил.

— Постой, постой, — Чолпонбай схватил Сагымбека за руку, — оставайся ночевать. Поговорим.

— Нет, Чоке. Мне пора...

Чолпонбай долго смотрел вслед Сагымбеку.

Жаль, конечно, что друг уехал, поговорить бы надо, ведь есть о чем.

На следующий вечер Чолпонбай отпросился у бригадира уйти с поля пораньше. На заходе солнца он сел на попутную машину и поехал в аил.

Чолпонбай стоял в кузове, держась руками за кабину. Машина прыгала по ухабам, бросала Чолпонбая из стороны в сторону.

Солнце медленно опускалось за горы. В долине сразу по-свежело, из ущелий подул прохладный ветер. Пыль всюду — на губах, в ушах, за воротником рубашки. Дышать тяжело. Но вот машина сошла с проселочной дороги и покатила по полотну Грозненского тракта. Колеса зашуршали по гравию. Пыль осталась далеко позади. Наконец-то Чолпонбай отдышался.

Машина мчалась к колхозному двору. За нею с лаем бежали два пастушьих пса. Около арыка они отскочили в сторону, отстали, а машина прогремела колесами по настилу мостика, перекинутого через арык, и въехала в ворота.

Чолпонбай спрыгнул на землю, побежал домой. Мать ахнула, увидев своего Чоке, — пыльного, загорелого. Принесла чайник с теплой водой, приготовила чистое белье. Чолпонбай мылся торопливо и украдкой поглядывал в окно. Сураке заметила волнение сына, полюбопытствовала:

— Куда торопишься?

— К Сагымбеку, апа. Мне он очень нужен, — вытирая лицо полотенцем, сказал Чолпонбай. Затем надел костюм, но-

вые ботинки и выбежал из комнаты, бросив матери на ходу:

— Поем позже...

На условленном месте встречи, на пустыре напротив школы, Чолпонбай никого не встретил.

Тихо кругом. Стрекотали кузнечики. Во дворах лаяли собаки. Медленно шло время. Надоело стоять на месте. Чолпонбай ходил по поляне. Хотел было уйти домой, как вдруг из темноты выскочил Сагымбек и, еще не доходя до друга, стал оправдываться:

— Я не виноват. Гульнара не виновата. Жених приехал. Вот Шаршен и не отпускает дочь, на аркане ее держит, старый шайтан!

Чолпонбай слушал друга, а сам волновался. В голове зрело решение — пойти к отцу Гульнары. Обида за Гульнару гнала вперед. Сагымбек незаметно исчез. Чолпонбай шагал по пустырю, не выбирая дороги, сбивая носками новых ботинок кочки, уминая высохшие кусты полыни.

В окнах дома Шаршена светился огонек. Чья-то тень мелькнула в зарослях верб, что росли вдоль арыка. Паренек замедлил шаги, прислушался. Тихо. Чуть слышно под ногами шуршат засохшие листья карагачей. Всматриваясь в темноту, Чолпонбай свернул с дороги и подошел к арыку.

Прислонившись к стволу дерева, плакала Гульнара.

Чолпонбай подошел к ней, поприветствовал.

— Зачем ты пришел? — тревожно спросила девушка.

— Я соскучился, вот и пришел. А ты обещала... только слова твои неверными оказались... Почему?

Гульнара вздохнула, шагнула к Чолпонбаю и доверчиво зашептала:

— Отец жениха нашел. Не люблю я его. Другого люблю.

Чолпонбай схватил ее за руку, крепко сжал.

— Хочешь я с отцом поговорю?

— Не надо, — испуганно взмолилась Гульнара. — Ты же знаешь обычаи? Против воли отца я не могу пойти. Проклянет же.

Она поправила косынку на голове и собралась уходить, но Чолпонбай держал ее за руку, не отпускал.

— Пусти! — потребовала Гульнара.

— Нет, Гульнара! Я сейчас к отцу пойду. Шаршену-аке все объясню.

— Безумный ты, Чоке. Иди домой, — скороговоркой проговорила Гульнара.

— Нет. Я должен поговорить!

— Как хочешь. Только напрасно все это.

...Чолпонбай перешагнул через высокий порог и остановился, держась рукой за дверной косяк. Шаршен, увидев гостя, вытер руки полотенцем, вопросительно посмотрел на Чолпонбая, поднялся и нехотя предложил:

— Садись, комсомол, ужинать.

— Рахмат, аксакал, — поблагодарил Чолпонбай.

Было не до еды, но зная, что обижать хозяина отказом нельзя, Чолпонбай прошел по комнате и сел на кошму. Шаршен принес алюминиевую чашку и чайник с водой. Чолпонбай вымыл руки и в упор посмотрел на жениха, который, как и говорила Гульнара, был у них дома и сейчас полулежал на кошме.

Ели молча. Шаршен ждал, что скажет этот дерзкий парень. Чолпонбай знал, что тот тоже остер на язык, может наговорить кучу неприятностей. Шаршен уже догадался, по какому делу пожаловал ночной гость. Ясно, что о дочери будет вести речь.

Жених ел много, и ему было не до разговоров — занят мясом рот. А Чолпонбай думал, с чего начать неприятную беседу, как сказать старому человеку о дурном обычае. Не так-то просто решиться на это. Наконец выпалил, как в омут прыгнул:

— Аксакал, слышал я, что ты Гульнару замуж выдаешь?

На вопрос Чолпонбая старик ответил вопросом:

— А зачем тебе про это знать?

И тут между ними состоялся такой разговор.

— Старик Гульнару отдаешь! — не скрывал своего возмущения Чолпонбай. — Плохо ей будет такой молодой с детьми взрослыми и малыми. Да и будущий муж уже не молодой джигит.

— Не мы с тобой обычаи киргизам придумали, — резонно отвечал Шаршен. — К ним люди веками привыкали. А ты теперь вроде недозрелого архара, что ущелье хотел перепрыгнуть. Ноги еще не окрепли, вот и сорвался в пропасть. Ходи лучше своими тропами, дальше пройдешь.

— Обычаи — дело житейское, это верно, Шаршен-ака. Однако многие обычаи устарели, как изнашивается аркан. Одни люди стареют — набираются мудрости, другие цепляются за старинку, как репей за курдюк овцы.

— Постой, постой, ягненок, ты, кажется, вздумал овцу учить? — уже не сдерживаясь, набросился старик на напористого гостя.

Чолпонбай, не обращая внимания на слова вспыльчивого хозяина дома, вел свою линию:

— Гульнара не должна выходить замуж за старика. Это не честно, Шаршен-ака, лишать девушку ее права на выбор.

Чолпонбай повернулся к жениху, укоризненно заговорил:

— Жалко, что жена у вас умерла рано, но еще больше жаль Гульнару. Она такая юная, а вы уже старец. Она — горная роза, а вы — засохший репей. Найдите себе подходящую женщину.

— Гульнара — сестра моей покойной жены, она должна воспитывать наших детей! Так велит обычай предков, — поучительно возразил жених.

Говоря это, он даже прослезился; по всему видно было, что жених не притворяется, а говорит от чистого сердца. И голос его звучал искренне, проникновенно. Чолпонбаю стало жалко этого одинокого, многодетного вдовца. Но за какие грехи должна страдать его Гульнара?

3

Улетели журавли. Отгудели в поле тракторы, поднимающие зябь. В поле выросли стога соломы. Зеленели кустистые всходы озимых. Зачернели, как воронье крыло, массивы зяби. По утрам затягивало ледком лужицы. Осень стояла затяжная, снег не выпадал, казалось, что ясные дни и ночи не скоро померкнут.

Утрами в нетопленную комнату правления колхоза приходил партийный секретарь. Садился на стул около окна, снимал телефонную трубку и, прижав ее к уху, ждал. В колхозе не было радио. Районный радиоузел подключался к телефонной сети и транслировал сводку Советского Информбюро. Во всех колхозах, сельсоветах в десять утра информаторы записывали новости, а затем уже гонцы развозили сводки по бригадам, мастерским.

Как только деревья сбросили желтые листья и ветер прощуршал листопадом по земле, в аил имени Тельмана радио принесло нерадостную новость: фашисты подошли к Москве. И еще одна весть дошла до колхозников: насмерть стоят под Москвой джигиты из Киргизии. Среди них — батыр Дуйшен-

кул Шопоков. А командует смельчаками военком нашей республики Иван Васильевич Панфилов. Рвутся полчища врага к сердцу Родины, но панфиловцы твердо стоят у Волоколамского шоссе и не дают фашистам развернуться, бьют их, жгут танки и уничтожают технику.

Весть о подвиге героев Волоколамского шоссе вселила в сердца глубокую надежду, и все верили: не взять фашистам родную Москву. Обратятся непрошеные пришельцы в бегство по заснеженным полям и лесам Подмоскovie, как когда-то бесславно бежало разноплеменное войско Наполеона. Как вечерний туман в горах, рассеется басня о непобедимости фашистской армии.

По утрам из районного центра колхозный письмоносец Сагын привозил в аил почту. В дни войны старик не знал покоя. Подъедет к дому, постучит рукояткой камчи по двери, подаст хозяйке или мальцу письмо от мужа или сына. А сам поначалу не знает, хорошую весть привез или горькую. Случалось и так: не успеет Сагын выехать со двора, как несется ему вслед плач и крик. Горькое и тревожное время!

Первым печальную весть Сагын привез в дом учителя Джуматая. А однажды ранним ноябрьским утром Сагын постучал в дверь Тулебердиевых. Вышла Сураке. Взяла из рук старика треугольный конверт, взглянула на него и задрожала. Не рукой сына написан адрес. Однако в груди еще теплилась надежда, что, может быть, в этом конверте лежит благодарственное письмо от командования. Получали же сельчане такие письма — радовались. Набралась сил, сказала:

— Спасибо, Сагын.

Зашла в комнату, опустилась на кошму и задумалась, глядя на конверт с адресом, написанным чужим почерком. Она боялась развернуть письмо — что в нем? Ранен ее сын Токош или сложил свои крылья?

— Апа, от Токоша письмо? — спросил Чолпонбай, выснув голову из-под одеяла.

— Не знаю, сынок, — прошептала мать.

— Дай, я прочту.

— Подожди, сынок, я подержу его, подумаю.

Сураке разорвала конверт. На пол полетел листок плотной белой бумаги. Сураке поймала его на лету, поднесла к глазам, но прочитать не могла, не знала она грамоты. Позвала Чолпонбая:

— Иди, сынок, узнай, про что тут сказано.

Чолпонбай подошел к матери, взял из дрожащей руки плотный листок, начал читать:

«Гражданке Акназаровой С.

Ваш сын Токош Тулебердиев, верный присяге и воинскому долгу, 30. X. 1941 года пал смертью храбрых в бою против немецко-фашистских захватчиков у села Ашевского Калининской области. Похоронен в братской могиле близ села Ашевского».

Мать закрыла ладонями глаза, зарыдала, приговаривая: «Сын мой, вот и сложил голову и не будет твоей могилы вблизи нашего аила». Потом порывисто поднялась, подошла к фотографиям на стене, смахнула с них рукавом платя пыль, сняла с гвоздя портрет и поднесла его к губам.

— Пусть будет светла память о сыне моем, о твоём брате, Чоке, — дрожащим голосом произнесла Сураке. Мать молча глядела на Чолпонбая, а у самой катились по щекам слезы и падали на земляной пол.

Уже через час о смерти Токоша знали все жители аила. В дом Сураке стали заходить старики, женщины. Они громко плакали, причитали.

Чолпонбай стоял около окна и кусал губы. Вон висит на спинке кровати черный костюм. Это ему Токош подарил в день окончания школы. У стенки стоит мешок с мукой — эту муку Токош перед уходом в армию привез с мельницы. А вон дощатая дверь — ее Токош своими руками смастерил и привесил на косяк. Юноша повернул голову, глянул в окно, посмотрел на сарай под соломенной крышей — и его построил Токош. А на стенке сарая висит на гвозде волосяной аркан. Весной Чолпонбай и Токош вместе сплели. Тогда брат еще ругался, что козлиный волос короток, нужно больше вплетать конского волоса, а его мало. Но все-таки аркан получился прочный и длинный. И куда ни брось взгляд — всюду стоят и лежат вещи, которые брат сам сделал или купил. В этом доме все напоминало о любимом человеке.

Старый Туткуч взял Сураке за руку, жалея, сказал:

— Да, дела, как овечья желчь, горькие. Ты, Сураке, не лей слезы, не поможет это. Токоша не вернешь. На войне убивают...

Много дней Чолпонбай ходил на работу молчаливым и угрюмым. Мысли о погибшем брате не оставляли его. И чем больше проходило дней, тем решительнее зрела мысль: идти

на фронт, заменить брата. Чем он не подходит для солдатской жизни: крепок, вынослив. Вот только как оставить мать с несмышленным-братом Манасбаем? Ой, трудно, трудно им придется. А кому сейчас легко? На всех взвалена непосильная ноша.

И брату Токошу хотелось быть дома, хотелось создать свой теплый очаг. Не получилось. Все сломала, исковеркала проклятая война. И он приходил к одному — надо идти на фронт.

Бывает же в жаркие дни лета: Кара-Бура вспучится многоводьем, тогда бешеный поток не разбирает, малый камень или большой попал в его стремнину, он смыкает все, что мешают его быстрому бегу. И война — бешеный поток. Всем стеной надо встать на этом страшном пути, пресечь дикую разбушевавшуюся стихию.

В душе Чолпонбая теплилась надежда, что известие с фронта может быть и ошибочным. Там что-то могли напутать, и он еще встретится с братом на фронте. И попроситься надо именно на Калининский участок фронта.

Однажды Чолпонбай набрался смелости и подошел к матери. Сел рядом с ней, сказал:

— Мама, послушай меня. Я повзрослел, окреп. Неужели я не могу взять винтовку Токоша? Разреши мне, апа, идти на войну.

Сураке от неожиданности даже всплеснула руками, испуганно спросила:

— Да ты что говоришь, сынок?

— На фронт пойду.

— Ты молод еще, мой ягненок, — повернула к нему влажное от слез лицо Сураке.

— Я взрослый, апа. Мне надо быть на фронте. Я за брата буду мстить.

— Какой матери не жалко своих детей? Война пришла, и дети улетают из материнского гнезда. Неуютно становится в моем доме. Да что ж поделаешь, иначе нельзя — шайтана надо бить.

Сураке подняла голову, взглянула в глаза Чолпонбаю, сказала:

— Что ж, Чоке, видно, не удержу я тебя. Как решил, так и поступай.

Ночью прошел проливной дождь. Лощины наполнились водой, а когда взошло солнце, на поблекшей траве заискрилась роса, будто на каждой травинке вспыхнули крохотные электрические лампочки. После дождя всегда воздух бывает чистым и прозрачным. Разноголосые пели петухи. Во дворах лаяли собаки.

Чолпонбай, скрипнув дверь, вышел во двор. Он поднял глаза на чистое, голубое небо. К горе подкралось облако, зацепилось за снежный хребет, словно хотело закрыть снег от ярких солнечных лучей.

Чолпонбай вскинул на плечо холщовую сумку, в которой лежали лепешки и вареное баранье мясо, и вышел со двора. На нем черный костюм. Тот, что подарил брат Токош в день окончания школы. На ногах желтые ботинки — это уже сам купил на деньги, которые заработал в колхозе летом. Шел он быстро, оставляя за собой цепочку следов, в них, будто из-под земли, собиралась вода.

До Грозненского тракта путь недолгий — два километра, и он не заметил, как их отшагал. Затем на попутной машине доехал до Кировского. А вот сразу идти в райвоенкомат было как-то страшновато. Не исполнилось ведь восемнадцати лет. Примут ли? Сам ответить на этот вопрос он не мог, а посоветоваться было не с кем. И Чолпонбай, терзаемый сомнениями и надеждой, направился в военкомат.

Во дворе толкались молодые парни, мужчины, женщины. Было шумно.

Чолпонбай стоял и ждал, долго и терпеливо. Когда настала его очередь, вошел в комнату, снял одежду, свернул ее в узелок, положил на скамейку и открыл дверь кабинета. Сначала прикладывал к груди трубку один врач в белом халате. Затем другой усадил на стул, начал бить деревянным молоточком по коленкам. Третий заставлял закрывать то один глаз, то другой и называть буквы, на которые указывал карандашом. Все шло хорошо. Врачи писали на листке свои заключения, передавали его друг другу. Бумага дошла до последнего стола. За ним сидел лейтенант — высокий, с узким лицом.

Чолпонбай с замиранием сердца ждал, что скажет этот человек. Лейтенант нахмурил брови и сказал сердитым голосом:

— Тулебердиев, ты еще молод.

— Да нет, товарищ...—растерялся Чолпонбай, пытаюсь назвать звание военного, но не знал какой у того чин. Он еще что-то хотел сказать, но лейтенант опередил его:

— Придешь через год. А сейчас какой же из тебя красноармеец? Сколько тебе лет?

— Семнадцать и шесть месяцев,— как можно четче произнес Чолпонбай. — У меня брата фашисты убили.

— Жаль, но не горюй, за тебя воюют другие.

— А я прошу взять меня на фронт.

— Ты свободен, Тулебердиев, — повысил голос лейтенант и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Чолпонбай вышел из кабинета. Не отвечая на вопросы товарищей, быстро оделся и вышел на улицу. Куда несли ноги, сам не знал. Прошел несколько улиц и очутился в поле.

«Может быть, я плохо просил?» — думал Чолпонбай. — Может, пойти еще раз в военкомат?»

Чолпонбай ясно представил себе, как войдет в кабинет военкома и скажет все, о чем он передумал за последние дни: о погибшем брате, о его товарищах, которые сидят в окопах и отбивают атаки гитлеровцев. Чолпонбай скажет, что ему необходимо быть на фронте. Возможно, его доводы убедят военкома? В любом случае Чолпонбай постарается настоять на своем.

Пока Чолпонбай стоял на берегу арыка и размышлял о предстоящей беседе с военкомом, солнце уже ушло за гору. Смеркалось. Где-то стучали колеса бричек, недружно кукарекали петухи, провожая погожий день. Чолпонбай перепрыгнул через арык, пошел по насыпи, поднялся на пригорок. «Сейчас прямо к военкому», — твердо решил он.

Был поздний час, но в приемной — многолюдно, душно. Хотелось повернуться и уйти, но Токош словно приказывал: «Иди, Чолпонбай, иди, брат». И Чолпонбай решительно толкнул дверь. За широким столом сидел плотный мужчина. «Это и есть военком», — решил про себя Чолпонбай.

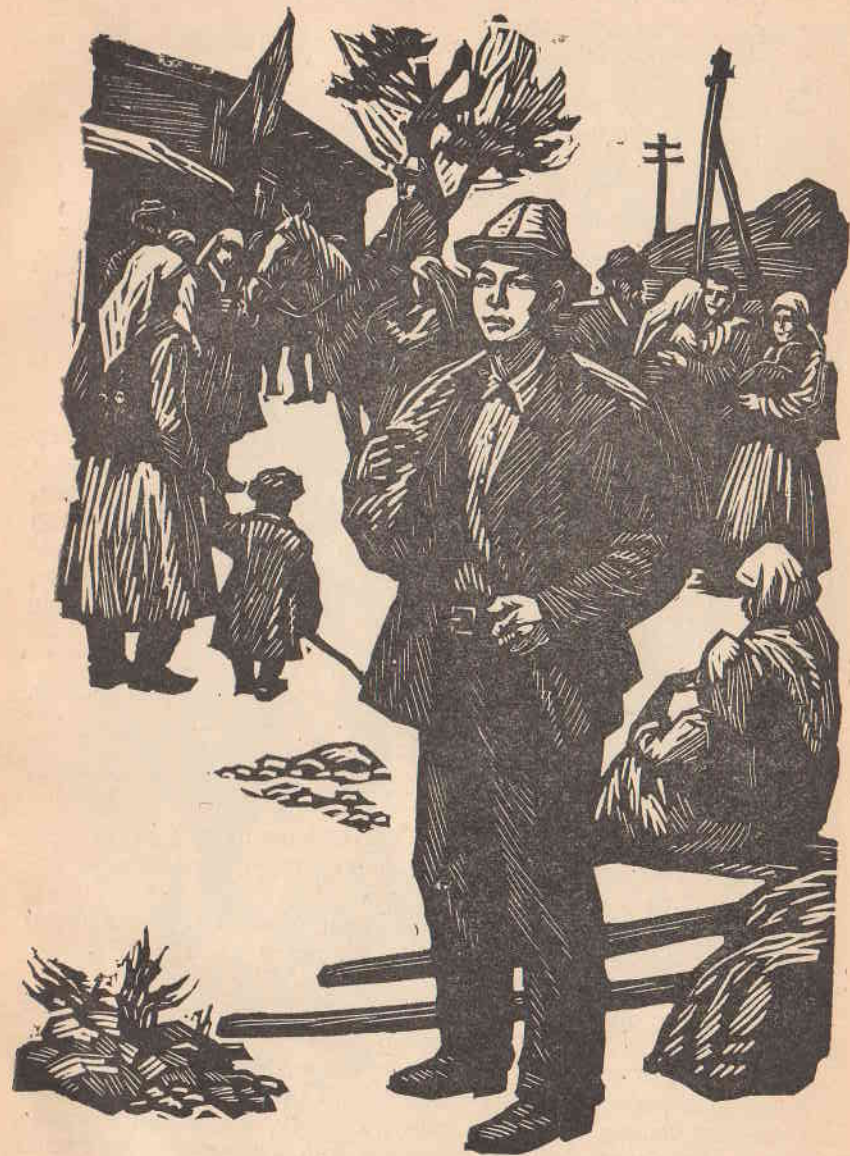
Усталые, покрасневшие глаза остановились на Чолпонбае:

— В чем дело?

— Я Чолпонбай Тулебердиев! — громко сказал юноша.

— Приятно знать! — Военком улыбнулся, шевельнулись пышные усы. Юноша ему понравился.

— Я с просьбой к вам, товарищ военком. Фашисты убили моего брата Токоша. Возьмите меня в Красную Армию.

— Вот оно что! Так, так... Ты был, Тулебердиев, на комиссии?

— Признан годным, товарищ военком. Только... вот возраст...

— Сколько же тебе лет?

— Семнадцать с половиной.

— Ты окончил школу?

— В этом году — семилетку.

Бывают же военкомы добрыми. Сказал:

— Хорошо. Считаю тебя красноармейцем.

— Спасибо, товарищ военком! — радостно воскликнул Чолпонбай и выбежал из кабинета.

Ночевать пошел к знакомым.

5

Мечта сбылась — Чолпонбай красноармеец. Парикмахер прошелся по голове. На пол упали черные пряди волос. Войлочная шапка стала большой. С непривычки мерзла голова.

Пока ехал на бричке домой, согрелся немного. Сошел около дома и бегом во двор. Встретила мать, соседи, младший брат Манасбай. Чолпонбай подошел к дому, снял шапку, провел ладонью по стриженной голове, низко поклонился родным.

— Я — боец! — улыбаясь, крикнул он.

— И винтовку носить будешь? — обрадовался Манасбай.

— Завтра иду на фронт.

— Правда, завтра уезжаешь? — спросила Сураке.

Чолпонбай взял мать за руку, утвердительно кивнул стриженной головой.

— Чего же тебе приготовить? — забеспокоилась мать.

— Апа, лепешек побольше испеки, полотенце, мыло положи.

— Хорошо, я все уложу в курджун. У тебя горячая голова, светлый ум. Ты правильно решил пойти на фронт. А сейчас, наверное, проголодался?

— Сильно, апа. Мне хоть вареную подметку подавай, все равно съем, — пошутил Чолпонбай.

Мать пошла в дом начинать стряпню. Манасбай побежал к соседским ребятишкам рассказать им новости, а Чолпонбай постоял во дворе, затем подошел к дому. У дверей прислонился к притолоке, окинул взглядом аил. Посмотрел на горы.

Вон туда вместе с другими учениками он ходил на экскурсию. Вот по этой улице бегал много лет босиком...

Спать легли поздно. Мать все стряпала, а заодно учила Чоке, как вести себя в дороге, как лучше находить товарищей. В армии нельзя без друзей. Токош писал в письмах, что у него были хорошие товарищи.

Чолпонбай никак не мог заснуть, думы одолевали его. Как трудно покинуть родной глинобитный дом! А мать, брат! Что будет с ними? Ведь остальные два брата жили отдельно и не особенно беспокоились о матери и братьях. И вот он уходит из дому, уходит надолго...

Уснул Чолпонбай перед самым рассветом...

Все утро Сураке не спускала глаз с Чолпонбая. Старалась надолго запомнить дорогие черты его широкоскулого смуглого лица. Завтракали молча, словно боялись проронить лишнее слово, вспугнуть мир и покой в их маленьком доме. Только руки Сураке дрожали сильнее, чем обычно. Мать волновалась.

Во дворе послышался говор. В коридоре прозвучали шаги. Открылась дверь, и в комнату вошел Туткуч Эралиев. Через несколько секунд появился председатель колхоза Токтогул Джергунчинов. Потом пришли Сагымбек и Ашимбек. Прибежала попрощаться и Гульнара. Девушка выбрала время, шепнула Чолпонбаю:

— Ждать буду. Возьми.

Девушка подала Чолпонбаю розовый платочек.

— Я не забуду тебя, Гульнара. Жди, любимая.

Девушка ничего не успела ответить, заговорил председатель колхоза Джергунчинов:

— Мы приехали за джигитом. Бурный ждет своего наездника. Поедет с Чоке и Туткуч. Ну, Чолпонбай, как Семетей борись с врагами. И пусть рука твоя не дрогнет в бою, а голова всегда будет светлой, как утреннее солнце в безоблачном небе.

— Я постараюсь быть таким, аксакал. Не выпущу из рук винтовки, пока бьется сердце.

— О родных не беспокойся, Чоке, колхоз всегда поможет.

Все вышли из комнаты во двор. Сураке вынесла курджун и хотела перекинуть его через седло, но Бурный подозрительно покосился на нее, попятился. Чолпонбай взял у матери курджун, подошел к коню. Спокойно перекинул сумку через седло.

— Знает хозяина, — улыбнулся Чолпонбай.

— Привык к тебе, — кивнул головой в сторону коня Туткуч.

— Ты, сынок, примечай хороших людей, вместе легче врага бить. Береги товарищей, они не часто попадаются, — напутствовала в дорогу Сураке.

Чолпонбай попрощался с матерью, с братом, с друзьями.

— Садись, Чоке, — торопил Туткуч.

Наездники выехали со двора. Сураке схватилась за стремя, прижалась щекой к ноге сына. И так, шагом, проводила сына по улице до окраины аила. Чолпонбай нагнулся, поцеловал мать, сказал сдавленным голосом:

— Апа, нам пора. Успокойся, милая апа, не надо плакать.

А у самого сжималось сердце, в руках дрожали поводья. Мать смотрела в лицо сына широко открытыми глазами, на ресницах дрожали слезы, катились по морщинистым щекам.

— Ягненок мой, и ты уезжаешь! — шептала она.

— Апа, прощай! — хотел крикнуть Чолпонбай, но голос сорвался. Он ударил кнутом коня. Мать выпустила стремя и осталась стоять посреди дороги.

Чолпонбай оглянулся назад... Ты видишь, Чолпонбай, вот стоит твоя мать в степи и плачет. Сколько слез пролили наши матери, сколько горя выстрадали! Отец умер — вас шестеро братьев осталось, брата басмачи убили — и все это выпало на ее долю, но тогда она была помоложе. Сил было больше. Она выстояла. Сынов своих вырастила. И вот пришла война. Убит Токош. Не выдержала, заплакала навзрыд. Теперь она провожает другого сына, провожает на битву с врагом. Таких матерей у нас в стране много.

Оглянись, Чолпонбай, назад и поклянись быть верным своей матери. На земле нашей столько проливается и слез и крови. Разные у матерей наречия, обычаи, но каждая из них с надеждой ждет от сына святого исполнения долга. И если все сыны исполняют волю матерей, не устоять против нас ни одному самому лютomu врагу.

ПРИДОНСКИЕ СТЕПИ В ОГНЕ

1

За первые месяцы военной службы Чолпонбай похудел, ввалились глаза, угловатыми стали щеки, подбородок. Во время учений Чолпонбай сильно уставал, но стойко переносил все тяготы армейской службы. И в этом емугодились тренировки с Туткучем. Чолпонбай оказался выносливее многих бойцов, быстрее скакал на своем коне, легче рубил клинком лозу... Добрая слава о Чолпонбае быстро распространялась по всем ротам кавалерийского полка.

Три месяца Чолпонбай провел на курсах, а когда возвратился в свой полк, то узнал, что многие бойцы отправлены на фронт. Чолпонбай в этот список не попал. Пришлось идти к командиру полка и доказывать, что в армию пришел добровольцем, чтобы мстить врагу за погибшего брата. Убедил. Записали в пехотную роту. Чолпонбаю пришлось сдать коня новобранцу с тьянь-шаньских гор.

Апрельским утром на незнакомой станции остановился поезд. На вагонах короткие надписи «Фрунзе — Москва».

Бойцы разместились в трех вагонах. И поезд, выбрасывая клубы черного дыма, помчал вагоны все дальше и дальше от гор.

На пятый день с восходом солнца поезд прогремел по мосту. Мимо окон промелькнули застрявшие во льдах баржи, лодки. То там, то тут дымили заводские трубы.

В Саратове красноармейцы из Киргизии высыпали на перрон. И сразу в людской водоворот: тут и военные и гражданские.

Вечером Чолпонбай снова сел в вагон. На этот раз в товарный. Вместо полок и сидений наскоро сколоченные из досок нары. Посредине вагона стояла железная печка, в ней горели угли. Два дня тряслись в теплушке, а на третий — долгая остановка на степной станции.

Чолпонбай впервые увидел пожарища. Замшелые печи одиноко торчали в сугробах снега. Битая черепица на улицах и на обочинах дорог лежит бурими пятнами, как сгустки засохшей крови. На путях чернели обгоревшие вагоны. Чуть в стороне от вокзала еще дымился двухэтажный дом. Его разбомбили перед самым приходом поезда.

Бойцов выстроили на перроне, объявили, что им предстоит сделать марш-бросок пешком почти в шестьдесят километров. Потом выдали сухие пайки. Началось построение, и вскоре длинная колонна двинулась в путь. Дорога шла по безлюдной степи. За полдня прошли два полуразрушенных поселка, вошли в лес. По лесным тропкам идти было легче. Ветер не обжигает лица. В открытом поле шагать труднее: под ногами лежит глубокий снег, свирепствует ветер, срывая верхушки сугробов. А мороз лютый, дышать трудно.

После пешего марша роты вошли в поселок. Как потом выяснилось, здесь на переформировке стоял полк, который отныне станет для Чолпонбая родным.

2

Любил свой город Иван Антонов. В Сормовской слободе полвека слесарил его дед. Не одну тысячу клепок и болтов поставил старик на баржи и буксиры, что плавали по Оби и Волге. В Сормове много лет проработал отец Ивана — Николай Петрович.

В тревожные дни гражданской войны семья Антоновых с оружием в руках отстаивала Советскую власть в городе.

После гражданской Николай Петрович беспрестанно трудился на судостроительном заводе.

Своего единственного сына Ивана Николай Петрович отдал учиться в фабзавуч, где тот приобрел профессию своего деда — слесаря. Позже сын нарушил семейную традицию: стал токарем.

А вскоре подошел срок идти на службу в Красную Армию. Иван исправно нес нелегкую службу, преодолевая все трудности, а их у солдат, ой, как много. Прослужил год, стал сержантом, хотели послать учиться на командира, но тут, как гром среди ясного неба, грянула война.

Сержант Антонов попал в полевые лагеря, где формировался полк из горьковских рабочих. Ивана назначили командиром отделения.

После многомесячных непрерывных боев шестьсот тридцать шестой стрелковый полк был отведен с передовой на переформировку. Теперь он был придан вновь образованному Воронежскому фронту. Ждали пополнений.

Однажды бойцы первого взвода лейтенанта Германа мылись в бане. Кипятить воду досталось отделению Антонова. Бойцы натаскали из колодца воды, накололи дров и так жарко натопили землянку, что в нее трудно было войти. Под двумя железными бочками гудело розовое пламя, бочки накалились докрасна, в них клокотала вода.

Первым в баню вошел Иван Антонов. За ним Серго Метровели, Гайфулла Гиллязитдинов и Василий Петров. В землянке послышался плеск воды, свист пара.

— Да ты, товарищ сержант, слишком много льешь! — ужаснулся Серго, глядя, как Антонов плещет воду на бочку.

Горячий пар густым облаком заволакивал тесную баню. Мылись весело, рьяно.

Через некоторое время в дверь бани постучали:

— Товарищи, побыстрее!

— Наш черед! — ответил Антонов, зная, что взвод моется в точно отведенное для него время.

— Нам мыться надо! — послышался уже другой, с каким-то незнакомым акцентом голос.

— Это чужие пришли, — сказал Гайфулла.

— А кто вы такие? — крикнул через дверь Антонов.

— Мы из первого взвода.

— Какой роты, паря?

— Девятой автоматной.

— Ишь ты, как ловко врать выучились! — беззлобно выругался Василий Петров.

Антонов выглянул в щелку, воскликнул:

— Товарищи, да это же пополнение к нам прибыло...

— Неужели?

— Точно.

Не одевшись, Антонов приоткрыл дверь, глянул на ребят. Среди них выделялся высокий юноша с широкоскулым загорелым лицом и большими черными, как угли, глазами. Плечи у парня широкие. Антонов даже улыбнулся: и как это старшина умудрился подобрать гимнастерку на такого верзилу?

Когда новички скрылись за дверью землянки, Антонов, натягивая на ногу сапог, сказал только что пришедшему в баню взводному Якову Герману:

— Товарищ лейтенант, дайте ко мне в отделение этого парня.

— Какого?

— А того, плечистого, смуглого. Он мне понравился.

В тот же день бойцы пополнения были закреплены за отделениями. Потянулись дни учебы, солдатского труда. Чолпонбай не сразу привык к новым товарищам, к сержанту Антонову, лейтенанту Герману, старшему лейтенанту Горохову. Поначалу как-то он их и побаивался, и стеснялся.

Бойцы с большой охотой слушали лекции командира роты Горохова. Он не просто объяснял устройство гранаты или автомата, а приводил много примеров из своей фронтовой жизни. Так легче было понять и запомнить. У Горохова была одна странная привычка: при встрече с бойцами он задавал вопрос, а потом поднимал вверх лицо и закрывал глаза. Так он стоял несколько секунд молча и создавалось впечатление, что он смотрит и ничего не видит, слушает и ничего не слышит. В первый же день прихода пополнения у Горохова случилась небольшая неприятность. Идет он из штаба батальона, а боец Черновол подложил автомат под голову и разлегся на снегу. Горохов командует:

— Встать! Из какого взвода?

— Первого, товарищ старший лейтенант! — вскочив на ноги, отрапортовал Черновол.

— Фамилия? — допытывался Горохов, а сам сердился на себя, что боец из его роты, а он его не знает. Потом поднял голову, будто старался припомнить что-то.

Остап Черновол ждал, когда ротный на него посмотрит, чтобы ответить, а тот перед ним только подбородком водит. Черновол потихоньку попятился назад, а потом задал стрелка. Старший лейтенант постоял некоторое время, опустил голову, а бойца и след простыл. Выругался командир и пошел своей дорогой.

А Чолпонбая Горохов понравился вот почему. Рассказал командир о тактической подготовке, потом, как бы невзначай, спрашивает:

— Вам, Тулебердиев, все понятно?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант!— откровенно признался Чолпонбай. — Я много русских слов не знаю.

— Вот как,— задумался Горохов, потом повернулся в другую сторону, спросил: — Кто у нас знает его язык?

Поднялся Гиллязитдинов:

— Я, товарищ старший лейтенант.

— Сумеете?

— Смогу, товарищ командир!— быстро отрапортовал Гайфулла. — Татарский язык сходный с киргизским.

Бойцы уважали Горохова за его спокойствие, умение быстро оценивать обстановку, доброту. Запомнил Чолпонбай случай, за который, как он думал, его строго накажут. Все произошло на тактических занятиях. После обеда бойцы роты вышли рыть окопы. Чолпонбай ловко действовал лопатой.

Рядом с ним рыл окоп сержант Иван Антонов. Сил-то у него не так-то много, быстро утомился, но не хотел показывать своей усталости. Наконец он не вытерпел, сказал:

— Тулебердиев, отдохнем.

— Можно,— согласился Чолпонбай. — Вы, товарищ сержант, курите, а я вам окоп мало-мало буду рыть.

К ним подошел Горохов. Он оглядел окоп Чолпонбая, удивленно покачал головой. Быстро управился боец!

— Перекур?— спросил он.

— Устал, товарищ комроты,— признался Антонов. Потом показал на Чолпонбая, который кидал землю из его окопа. — Ох, и здоровяк паря. Свой закончил, мне помогает.

— Силы ему не занимать,— согласился Горохов, глядя в сторону Чолпонбая. — Только у него, кроме силы, есть и другое хорошее качество: уважение к человеку. А в такое лихолетье не все сохраняют человеческую теплоту. Так, сержант?

— Это верно.

— Торопитесь,— сказал старший сержант.

Горохов пошел по линии окопов, распорядился, где установить пулеметы, противотанковые ружья. Приказал сбросить в окопы «ежи». Когда все было сделано, он скомандовал:

— Первое и второе отделение, ко мне!

Минута — и все бойцы сгруппировались около старшего лейтенанта.

— Необходимо занять окопы «противника». Допустим, они там,— старший лейтенант показал рукой на левый фланг. — Кто из вас обеспечит проход?

— Я, товарищ старший лейтенант,— отозвался Чолпонбай.

— Выполняйте!

— Есть выполнять!

Чолпонбай скатился в окоп.

— Отставить! Прыгать надо!— приказал командир.

Чолпонбай вылез из окопа. Потом с разбегу прыгнул в ход сообщения, начал выбрасывать из окопов «ежи», кинул учебную гранату. Горохов обогнал бойца и устремился вперед.

Чолпонбай бежал за командиром. Вот отсюда бросать надо вторую гранату, чтобы расчистить командиру путь. Он снял с пояса гранату, встал на камень, поскользнулся и упал. Поднялся. Горохов ушел метров на пятнадцать вперед. Чолпонбай с силой размахнулся и метнул гранату. Она описала полукруг... и Чолпонбай увидел, как Горохов скорчился от боли: граната угодила ему по спине.

— Боец Тулебердиев, ко мне!— крикнул старший лейтенант приглушенным голосом.

Чолпонбай подбежал к командиру роты, вытянулся перед ним, ожидая выговора. Горохов поднял с земли злосчастную учебную гранату и протянул ее бойцу:

— Попадите точно в то место, где вы только что стояли. Там уже враг.

Чолпонбай хорошо запомнил поворот. Там, на дне окопа, лежал тот проклятый камень, о который он споткнулся. Чолпонбай со злостью метнул гранату. Она гулко стукнулась о камень.

— Попал?

— Так точно, товарищ старший лейтенант!— крикнул в ответ взводный Герман.

— Отлично, Тулебердиев. А меня по спине не следовало бить. Больно ведь.

— Виноват, не рассчитал!—приложив руку к шапке, признал свою вину Чолпонбай.

На вечерней поверке ротный перед строем зачитал приказ командира батальона:

— Бойцу Тулебердиеву за отличное выполнение задания на практических занятиях объявить благодарность!

— Служу Советскому Союзу!—гордясь первой похвалой, как можно четче произнес Чолпонбай.

Бойцы шли по рыхлому снегу, который кое-где уже подтаял и смешался с грязью. В дорожных колесах, оставленных колесами фургонов, блестела вода. В полутьме трудно было выбирать сухие места. Шагали посредине улицы.

Пятистенный дом, где квартировали бойцы отделения, стоял на бугре.

Двор был огорожен плетнем из ивовых прутьев. Из трубы дома шел приветливый дымок.

Хозяина не было в доме. В эти дни колхозники готовили инвентарь, семена и скот к отправке за Дон: шла полным ходом эвакуация. Жена хозяина, пожилая дородная женщина, встретила бойцов у порога.

— Вешайте шинели к печке. Обмотки снимите. Постираю.

— Не беспокойтесь, тетя Даша,—сказал Антонов, растегивая крючки шинели. — Нынче постираете, а завтра опять грязь месить.

— Ничего, и завтра постираю. Руки не отвалятся,—спокойно ответила хозяйка. — А ваша солдатская доля такая, на погоду глядеть некогда. Садитесь к столу. Картошки наварила, огурчиков из погреба достала.

После ужина бойцы перешли в самую большую комнату. Серго Метровели сел к столу, развернул тетрадь и начал писать. Гайфулла Гиллязитдинов положил под голову вещевой мешок, лег прямо на деревянный пол, упершись босыми ступнями в теплый угол печки. Чолпонбай уселся на скамейку, развязал мешок и достал книжку. Сержант Антонов старательно разводил в блюдечке мыло, долго шоркал обремень бритву с черной блестящей ручкой.

Сержант изредка поглядывал на Чолпонбая. Молодой боец, глядя в книгу, размахивал рукой, точно отбивал такт. На лице было то теплое и неопределенное выражение, какое

бывает у людей, думающих о чем-то хорошем. Антонов побрился, спросил:

— Ты чего читаешь, Тулебердиев?

— Стихи.

— Читай вслух.

— Не поймешь. Тут по-киргизски.

Чолпонбай захлопнул книгу.

— Товарищ сержант, а мы скоро на передовую пойдем?

— Успеешь еще навоеваться.

— Я пришел на фронт, а не греться в теплом доме. За брата Токоша фашистов надо бить.

— Верю тебе, Тулебердиев, и сочувствую. Только все не вдруг получается. Воевать научиться надо. Враг-то у нас серьезный, знать следует, как его осилить.

— Немцы к Дону идут, а мы всё учимся,—горячился Чолпонбай. — Что домой писать?

— Так и пиши: изучаю оружие, скоро присягу буду принимать, а потом в бой.

— Э-э, сержант, я уже пять месяцев об этом пишу. Надоело.

— Хорошо, Тулебердиев, командиру полка товарищу Красникову доложу о твоей просьбе. Так и передам: Тулебердиев, мол, в бой рвется, срочно поднимайте весь полк.

— Зачем смеешься?—обиделся Чолпонбай. Затем встал, поднял с пола свой вещмешок и сунул в него книжку.

Гайфулла крепко спал. Чолпонбай лег рядом, закрыл глаза. Вскоре он сладко похрапывал.

3

С наступлением теплых дней по всем придонским займищам разлилась вешняя вода. Дон вышел из берегов, залил леса, подкрался к деревням.

Вот уже скоро месяц стоит полк в деревне близ станицы Старый Оскол. Речушка, на берегу которой разбросаны деревянные домики, сейчас разлилась, раздвинула берега. Переехать ее на лодке трудно, особенно когда подует степной ветер, вода в реке забушует, запенятся волны.

Чолпонбай любил смотреть на разлив. Он напоминал половецкое на реке Кара-Буре. Только здешняя река была просторнее, полноводнее. Горная речка выходила из берегов

в августе, сентябре, а воронежская расплескивалась по лугам и перелескам в мае.

Чолпонбай раньше мало слышал о таких городах, как Саратов, Воронеж, знал их только по учебникам. Началась война, и молодому красноармейцу пришлось побывать во многих местах, увидеть своими глазами просторы родной страны. То, что год назад для него было далеким и незнакомым, сейчас становилось близким, своим.

Попав в шестьсот тридцать шестой полк, Чолпонбай познакомился со многими людьми. Полк в основном состоял из жителей Горьковской области. Большинство воинов — рабочие автозавода, судостроительного завода «Красное Сормово». В боях жила память о родном городе. Когда в полк приходило пополнение, новичкам старательно разъясняли, что им посчастливилось нести воинскую службу в рабочем полку. Здесь каждый должен блюсти дисциплину.

В полку были люди, которых знали во всех ротах. В бою бесстрашные и беспощадные, в беде — верные товарищи, а в часы отдыха, на привале — веселые, хорошие друзья.

Бойцов пополнения приняли приветливо. «Старики» старались научить молодых всему, что могло пригодиться в бою.

Иным новобранцам трудно давались тактические учения, другим строгий режим военного времени был непривычен. У Чолпонбая тоже не все шло без сучка и задоринки, он не сразу научился правильно отдавать рапорт. Случалось, приложит руку к пилотке и начнет:

— Товарищ сержант, я сейчас ходил к командиру роты и сказал ему, что наш взвод закончил копать окопы.

Антонов выслушивал его с улыбкой, но не ругал за несуразный доклад. Терпеливо разъяснял, как следует рапортовать, какие слова нужно употреблять. Чолпонбай слушал командирские наставления, а сам с тоской думал: «Легче окопы копать...».

Чолпонбай был сильным парнем, а все же и у него от бесконечной муштры к вечеру начинало ломить плечи, ноги подгибались. Как ни говори, полная солдатская выкладка: в скатке шинель, на ремне фляжка с водой, котелок, лопатка через плечо, противогаз, в вещевом мешке — неприкосновенный запас продуктов, белье. Но постепенно Чолпонбай привык к этой почти двухпудовой ноше.

Однажды вечером Антонов принес из штаба полка текст присяги, раздал бойцам отделения, предупредил:

— Через три дня будем принимать присягу.

Все дни красноармейцы готовились к этой торжественной минуте. Политрук роты разъяснял молодежи, что клятва верности Родине — это воинский долг каждого бойца, особенно в военное время.

День принятия присяги был ветреным, пасмурным. С утра полк собрался на площади села. Пришли командир полка майор Красников, комиссар Мурадян, командиры батальонов. Ротные же командиры стояли перед своими подразделениями в ожидании самого ответственного часа в жизни каждого красноармейца. Принесли полковое знамя. Старые бойцы полка выстроились у знамени. Каждый бережно держал свое оружие, его они получили после принятия присяги.

«Старички» уже не раз побывали в боях, узнали почему фонт лиха. Каждый раз, когда новички принимали присягу, старые воины стояли в торжественном строю, олицетворяя собою гордость и славу полка. А напротив выстроился другой строй — молодые бойцы. Они прошли военную подготовку в полку, научились владеть оружием, вести бой с пехотой, танками, но им не довелось сражаться с врагом. Да и оружие держали в руках только на учениях.

Вынесли стол. Около него встал весь комсостав полка. Полковое знамя держали автоматчики. Сильный ветер развевал тяжелый бархат, играл золотистыми кистями.

Чолпонбай замер в первой шеренге, напротив знамени. Настроение было приподнятое, торжественное. В эту минуту Чолпонбай волновался, как никогда раньше. Когда ходил на учения, вел гранатный бой, был спокоен, а сейчас предательски дрожали руки, дергались веки, на темных скулах горел румянец. И в ветреную погоду ему вдруг стало жарко.

Первым принимал присягу Остап Черновол.

Чолпонбай слушал слова присяги, шептал про себя: «Если я изменю Родине, мать Сураке пусть отвернется от меня, любимая пусть плюнет мне в лицо, а братья привяжут меня за хвост лошади и пустят ее в горы».

Услышав свою фамилию, Чолпонбай вышел из строя, подошел к полковому знамени. Четко, хоть и не совсем чисто по-русски, он произнес торжественные слова присяги.

Затем Чолпонбай опустился на колено и прижал к губам алый бархат. Его большие глаза горели счастьем.

После обеда выстроились у полкового склада. Командир роты старший лейтенант Горохов наставительно говорил:

— Товарищи, вам вручается оружие. Клянитесь владеть им с честью, не изменить ему, не опозорить.

Бойцы хором ответили:

— Клянемся!!!

Смазанные автоматы блестели. Они были совсем новенькие, с незаряженными дисками.

Дня через два после присяги полк отправился на передовую. Батальон Назарова занял оборону в лесу, не доходя трех километров до деревни Оськино.

4

Утром командир батальона Назаров получил приказ: овладеть деревней Оськино. Комбат лично обошел роты, взводы. Подбадривал молодых бойцов, «старикам» же приказывал, чтобы в трудную минуту не оставляли новичков без присмотра. Всякое в бою может случиться. Первым на марш вышел взвод лейтенанта Германа. А за ним двинулись остальные бойцы роты.

Шли по лесу. Все слышнее и четче доносились пулеметные и ружейные выстрелы. Где-то совсем недалеко проскрежетал немецкий шестиствольный миномет. Мины с железным надрывистым клекотом проносились над головами, взрывы гремели где-то позади. Фашисты не заметили подхода наших новых частей, стреляли по старым целям.

Перед восходом солнца рота вышла на лесную опушку. Впереди виднелись дома деревни Оськино. Бойцы без выстрелов побежали вперед. Гитлеровцы, видимо, еще не обнаружили наступающих частей. Молчали. А может быть, специально подпускали поближе, чтобы бить наверняка.

Как только бойцы роты Германа очутились на гребне невысокой горы, все кругом ожило, загудело, вздыбилось.

Трассирующие пули, как шмели, летели из деревни. Трещали пулеметы. Чолпонбай видел, как вздрагивают от пуль ветки деревьев: молодые зеленые листья сыпались на землю. Захотелось лечь и не поднимать головы. Много ли нужно, чтобы умереть? Одной пули хватит. В этот момент вырос из-под земли Иван Антонов. Крикнул:

— Береги патроны, стреляй только по цели!.. Вперед!..

Чолпонбай пробежал еще немного и, увидев фрицев, дал очередь, другую. Бойцы кричали. Голоса сливались в сплош-

ное «а-а». И Чолпонбай кричал. От крика становилось легче, будто все наступающие были рядом с тобой.

Старший лейтенант Горохов бежал чуть правее Чолпонбая, уже были видны немецкие окопы. Неподалеку разорвалась мина, завывли осколки. Чолпонбай оглянулся. Кто-то из бойцов схватился рукой за живот и опустился на землю, но рота бежала навстречу шквальному огню. Первые бойцы, среди которых был и Чолпонбай, вплотную приблизились к немецким укреплениям. Казалось, все перемешалось, спуталось. Но не было страха у Чолпонбая, в груди бушевала ненависть, было желание — очистить окопы, перебить фашистов.

Гитлеровец в железной, надвинутой на глаза каске, положив на насыпь автомат, стрелял в бежавших красноармейцев. Горячий свинец обжег ухо. «Шайтан! Убить меня хочет», — мелькнуло в голове. Чолпонбай прицелился пониже каски и полоснул короткой автоматной очередью. «Ага, их тоже пули берут!» — обрадовался Чолпонбай, увидев, как дернулся и затих фашист. — И не надо бояться, смелее чувствовать себя надо».

Из первых окопов противник был выбит. Красноармейцы закрепились на новых рубежах. Рукой подать до первых домов. Да как проскочить эту малость, если из-за каждого угла дома ливнем неслись пули, снаряды. Кажется, что и головы-то нельзя поднять.

С чердака одного дома щелкнул выстрел, другой, брызнула пулеметная дробь. Жмурясь от лучей солнца, Чолпонбай приподнял голову, определил, где стоит огневая точка. Ее автоматной очередью не достанешь, далеко. Эх, сволочь, а нужно было бы угостить гадов.

Угрожающе завывли моторы. Железные махины — танки — неумолимо двигались на наши позиции. Чолпонбай считал — пять танков.

— Товарищ лейтенант, танки! — отчаянно закричал кто-то из бойцов Горохову.

Горохов волновался. Он прекрасно понимал, что фашисты хотят отрезать их от основных сил.

— Отступим, пока не поздно, — сказал Герман Горохову.

— Подождем! Два километра жали гадов!

Танки с лязгом ползли вперед.

— Куда ж артиллеристы смотрят! — истерически закричал кто-то из бойцов.

— Отставить разговоры! — зло приказал Горохов.

И в эту минуту на вражеские позиции обрушила огонь наша артиллерия. Загудели взрывы. А вскоре появились наши самолеты. Немецкие позиции заволокло дымом разрывов авиабомб. Не успел стихнуть гул отбомбившихся советских самолетов, как небо пробуравил тупой низкий звук.

— Немецкие самолеты летят! — громко крикнул солдат, лежавший неподалеку от Чолпонбая.

От первого самолета оторвались четыре точки. Чолпонбай услышал свист, резкие раскаты и гул земли, вздыбленной взрывами. Фашисты бомбили окопы, которые наши воины покинули час назад. Гитлеровцы решили, что советские войска до сих пор отсиживаются там.

Прибежал связной. Бухнулся в окоп, прислонился к земляной стенке. Вся грудь испачкана глиной, руки в грязи.

— Товарищ старший лейтенант, отступать...

— Подожди! — Горохов поморщился, щеки нервно запрыгали. — На, воды попей. Отдышись.

Командир поднял голову, закрыл глаза. Боец сделал несколько глотков и возвратил фляжку. На этот раз Горохов изменил своей привычке, быстро опустил голову.

Старший лейтенант видел: силы не равны. Гитлеровцы бросили в бой авиацию, танки, минометы и два батальона пехоты. Наш батальон слабо поддерживался огнем артиллерии. Да и самолеты не сумели подавить вражеский огонь. Недостаточно было солдат. С болью в сердце приходилось отступать.

Бойцы покидали только что отвоеванные у врага окопы и, пригнувшись, сбегали в овраг. Заметив движение, вновь застрочили, заработали вражеские пулеметы. Низиной оврага, поддерживая друг друга, шли легкораненые. Одного несли на руках.

Раздался режущий свист. И в тот же миг с грохотом встал черный, с огненными блесками столб. Завывли осколки. Чолпонбай упал, потом вскочил и побежал за товарищами, чувствуя, что с каски, с плеч сыплется земля.

Неподалеку тяжело ухнул снаряд, за ним другой. Потянуло гарью разрывов. И тут послышался приказ командира роты:

— Вперед! Огонь по врагу!

Фашисты неожиданно отступили. Какая была тому причина, никто не знал. А когда бойцы опять подошли к деревне, то выяснилось следующее.

Пулеметчик Елисеев был убит во время нашего отступления. Остался второй номер — красноармеец Устинов. Он прикрывал отступающих. Но и его ранило в грудь. Он потерял сознание, пролежал несколько минут, а когда очнулся, увидел, что мимо него бежали чужие солдаты. Устинов собрал последние силы, напрягся, дотянулся руками до гашеток и направил огонь в спину фашистов. Враги не сразу поняли в чем дело, решили, что попали в ловушку, и бросились врассыпную. Вот этим моментом и воспользовалась рота старшего лейтенанта Горохова.

Когда санитары проносили пулеметчика Устинова мимо Горохова, комроты подошел к носилкам и нагнулся к бойцу. — Это вы, товарищ старший лейтенант? — слышался слабый голос.

— Я. Спасибо тебе от всей роты.

— Товарищ старший лейтенант, я думал, что погибну в плену у немцев. Перед смертью задал гадам жару.

— Ну, что ты, Устинов! Отлежишься в госпитале и снова вернешься в свой полк. Ждать будем, — весело сказал старший лейтенант и приказал санитарам:

— Срочно в санчасть!

А вскоре из батальона был получен новый приказ: оставить позиции и двигаться через лес к Дону.

Обидно оставлять позиции, с таким трудом дважды отбитые у врага, а что поделаешь — приказ есть приказ. Его не обсуждают, а безоговорочно выполняют.

Воины долго шли оврагами, пригорками и только к вечеру вышли к реке. Тени от крутого правобережья ложились на зеленоватую чистую гладь Дона. И словно прячась от них, река жалась к песчаным плесам левого берега, на котором зеленели вербы, тополя, ивняк.

Тихо, тепло. Изредка дохнет ветер, зарядит водную гладь и утихнет в зеленых зарослях. Снова тишина. Если бы не гул самолетов в небе, не стрельба, то, глядя на спокойную реку, можно подумать, что нет никакой войны.

Под береговым обрывом, на узкой полоске песка, сбились люди, техника. Солдаты артиллерийских расчетов спускали к мосту пушку. Связисты несли скатки проводов. Через мост бежали бойцы. Все знали, что фашисты вот-вот налетят и примутся бомбить переправу.

— Торопитесь! — кричал комендант переправы, лейтенант с перевязанной рукой.

Переправившись через Дон, бойцы углубились в лес. Кроны деревьев задерживали лучи солнца, поэтому в лесу было прохладно. Под деревьями зеленела еще не примятая трава.

Роте Горохова участок обороны попался неудобный — песчаный бугор. Ступишь на песок, и ноги утопают в этой зыбкой почве.

— Привал! — скомандовал Горохов.

Усевшись прямо на песок, бойцы вздохнули с облегчением.

Подошел майор Красников. Все встали.

— Сидите, сидите, товарищи. Вот мы и пришли. Дальше отступать не будем, — твердо сказал Красников. — На Дону укрепимся и — ни шагу назад. Отсюда начнем наступление. И приказал:

— А теперь окапываться, да поосновательнее.

На левом берегу Дона, в лесу Хохлацкой Луки, отступившие батальоны шестсот тридцать шестого стрелкового полка спешно закрепляли новые позиции.

Бойцы роты старшего лейтенанта Горохова, не теряя времени, начали окапываться. Участок обороны был почти открыт. Тополя, вербы, березы высились в двухстах метрах от воды. Берег был пологий, поросший мелким ивняком. Метрах в пятидесяти от береговой кромки высился песчаный бугор. Пришлось рыть окопы в полный профиль, соединять их множеством ходов. А рыть трудно. Выберешь лопатой, а песок снова затянет выемку. Углубились — стенки начали осыпаться. Песок струями лился на дно окопов. И не было ему конца. Казалось, что и окопа-то вырыть невозможно, но как говорят: «Терпение и труд все перетрут». Бойцы все глубже и глубже зарывались в песок.

Работа кипела по всему гребню бугра.

На опушке леса, под развесистым дубом, возился орудейный расчет. Пушкари старались тщательно замаскировать орудия. Связисты тянули провода через лес — в село Троицкое, где разместился штаб дивизии. Другая линия проводов прошла в хутор Ново-Задонской — к командиру полка.

Бойцы торопились окопаться. Сколько времени Чолпонбай откидывал лопаткой сыпучий песок и выбрасывал его в сторону, он и сам не знал. Только когда его плечи сравнялись с краями окопа, он бросил на дно свою шинель и сел на нее. Не было ни сил, ни желания работать. Пальцы онемели, с трудом разгибались, горели мозоли. Так сидел он несколько

минут, ни о чем не думая, ничего не слыша. Над головой блеснул кусок голубого неба.

«А у нас сейчас уже ночь»,—как открытие, пришла вдруг к Чолпонбаю внезапная мысль. Вспомнился родной аил, глинобитный дом, Гульнара, друзья Сагымбек и Ашимбек. Вспомнил поездку в горы на поиски Сагымбека. Улыбнулся, когда припомнил ребятишек, что встретил около юрты Умара. «Ай, шайтан фашист, со скалы тебя надо сбросить. Скольким ты людям жизнь испортил»,—думал Чолпонбай, забыв про усталость и про боль в натруженных руках.

Чолпонбай поднялся. Из окопа Остапа Черновола летел зернистый песок. Бойцы с каждым выбросом очередной порции текучего грунта зарывались все глубже и глубже. Сверкали маленькие лопатки, то там то тут высывались пилотки, стриженные головы.

— Остап,— тихо окликнул Чолпонбай.

— Я, — отозвался Черновол. — Тебе что надо?

— Муторно одному. Наверное, устал?

— Немного утомился. А ты уже управился?

— Готово. Вырыл.

— Сильный ты.

— Не обижаюсь. Я тоже устал.

Чолпонбай перебрался к Остапу. Сел рядом с другом, опустив ноги в окоп. Вскоре к ним подошли Серго Метровели, пулеметчик Василий Петров, а потом подсел сержант Антонов.

Несколько минут сидели молча, приходили в себя от тяжелой работы. Петров вытащил из кармана газету, пошарил в пустом кисете, потом с унылым видом сунул его в карман, недовольно поморщился.

— Подожди, аксакал, — догадался Чолпонбай. — Я сейчас принесу табак.

Чолпонбай пошел к своему окопу.

— Он у нас не курит, а табачок в мешочек складывает,— пояснил Остап Черновол.

— Что ж он так, хоть на хлеб менял бы,— улыбнулся Петров.

— У него сердце доброе. Он рубашку с себя снимет для товарища.

Пришел Чолпонбай. Закурили. Над бойцами повисло облачко дыма. Затягивались, старались не выпустить лишней

струйки табачного зелья, будто глотали прозрачную ключевую воду. На лицах довольные улыбки.

Пулеметчик Петров подсел к Чолпонбаю.

— Ты, паря, из Киргизии?

— Да.

— Какая ж у вас там природа?

— На горах белеет снег, а рядом цветут травы, речки бегут. Э-э-э, какая вода в наших реках! Светлая, холодная, пьешь — как кумыс. А снег у нас летом белый-белый. Только он крупинками лежит, похожий на соль. Солнце припечет— снег тает, реки водой наполняются. Воды много бывает. Поля поливаем. Табак, хлеб растим. В горах скота, овец, лошадей много. Хорошие у нас горы, а красивей нашей Таласской долины нет, наверное, на свете.

— У каждого своя родная сторона! — усмехнулся пулеметчик. — Побывал бы ты у нас в Горьком, сходил бы на берег, поглядел на Стрелку, где Волга с Окой сливаются, так тебя и не увести бы оттуда. От самого кремля лестница к Волге спускается. Красивая лестница.

Петров похлопал Чолпонбая по плечу, дескать, не твоя Таласская долина одна хороша, есть и город Горький.

— А что это такое кумыс?

— Напиток такой. Из конского молока приготавливается. Многие болезни излечивает. Хороший напиток. Целебный.

Петров не стал возражать против пользы кумыса, поднялся и, сгорбившись, пошел к пулемету. Разошлись и другие бойцы.

Утром фашистский самолет сделал несколько кругов над лесом, пролетел над селами и где-то в низовьях реки взял курс через Коротояк во вражеские тылы. Бывалые бойцы знали эту двухфюзеляжную летающую коробку — самый вредный самолет. Сам в бой не вступает, а все вынюхивает, высматривает. Раз он появился над позициями, жди большого налета бомбардировщиков. Новички же смотрели на это чудовище и дивились — что это за окания кружит над их головами? А через полчаса над лесом поплыл многомоторный баистый гул.

— Ай-ай, много летят, — приподняв голову из окопа, считал приближающиеся самолеты Чолпонбай. — Бир, эки, үч, төрт...¹

¹ Бир, эки, үч, төрт — один, два, три, четыре.

— Что ты там бормочешь? — крикнул Остап Черновол.

— Не понимаешь языка, молчи, — обиделся Чолпонбай. — Видишь, сколько фашистов летит?

Бомбардировщики развернулись над лесом. Головной, ведущий, вдруг резко накренился на бок и стремительно ринулся вниз.

— Ты не вздумай выскакивать из окопа! — крикнул Серго Метровели, заметив смятение Остапа Черновола.

— А если в нас бомба угодит?

— Значит, угодит? Мы ее не заказывали, — равнодушно, сквозь зубы процедил Метровели.

Метровели — своеобразный боец. Он знал неисчислимое множество солдатских побасенок и прибауток, по этой части он не имел себе равных ни в роте, ни в батальоне. Его богатая память хранила уйму веселых частушек и песен. И все они на одну тему — о житье-бытье солдата. Ведь Серго отслужил действительную службу, хотел ехать в Грузию, а тут война разгорелась, и Метровели, не колеблясь, пошел на фронт.

Чолпонбай волновался. Это состояние знакомо каждому, кто впервые попадает под бомбежку: сидишь в окопе, а над твоей головой томительно медленно, как сытые, но злобные хищные птицы, развертываются самолеты. Невольно чувствуешь себя беспомощным. Кажется, что бомбы, оторвавшись от самолетов, непременно угодят в твой окоп, и хочется зарыться глубже в землю, ничего не видеть и не слышать.

Вражеские самолеты сделали еще один круг, и один за другим пошли вниз. Сквозь шум моторов слышался нарастающий пронзительный визг, потом раздался такой взрыв, что вся земля загудела и затряслась. За ним еще и еще... Затаяв дыхание, Чолпонбай прижался лицом к земле, чувствуя, как при каждом взрыве земля судорожно вздрагивает, точно живое существо.

То тут, то там непрерывно сверкали вспышки и сопровождались раскатами сухого грома. Этим светом, этим громом были все ослеплены, оглушены. Удары разрывов гремят один за другим. От ярких вспышек кажется, что весь лес объят пламенем, да и сама земля охвачена пожаром, иногда чудится, что взрывы возникают из-под земли, поднимаются вверх, и, скрестившись с таким же гулом, снова падают на землю. Повсюду плыл дым, распространяя удушливый газ, но взрывы до сих пор щадили передовую позицию и гремели где-то

сзади, с боков. Видимо, гитлеровцы еще не успели нанести на свои карты только что вырытые окопы.

Все надеялись, что на этот раз все обойдется благополучно, но нет, предчувствие не оправдалось.

Несколько минут бушевал шквал взрывов. За это короткое время Чолпонбай пережил, перечувствовал, может быть, больше, чем за всю жизнь. Вчерашнее наступление на деревню Оськино сейчас ему показалось совсем не страшным. Эта проклятая бомбежка была куда страшнее! И, главное, ничего нельзя сделать. Лежи себе, как сурок, замри, томись и жди: попадет в тебя бомба или нет? Заживо жди смерти. Нет, в наступлении гораздо лучше.

Поднялась густая пыль, заслонившая собой и реку, и лес, и даже яркое солнце. Где-то совсем рядом с оглушительной силой разорвалась бомба. В окоп Чолпонбая посыпался песок, полетели ивовые прутья. У него перехватило дыхание, точно захлебнулся горячим воздухом, зазвенело в ушах. Отряхнув с себя песок, он приподнялся и крикнул:

— Серго, Остап!

Черновол высунулся из окопа, испуганно посмотрел на Чолпонбая и зашевелил бледными губами. Метровели не отвечал. Чолпонбай смотрел на Остапа и не слышал, что говорит товарищ. «Ай, не оглох ли я?» — спохватился он.

— Где Серго? — крикнул Чолпонбай.

И уже не дожидаясь ответа, схватил автомат, лопатку, вылез из окопа. Там, где был окоп Метровели, — ровно, землей засыпало место. Метрах в трех от окопа Серго зияла большая воронка.

— Остап, скорей! — крикнул Чолпонбай.

— Что такое?

— Серго землей завалило. Может, он еще живой. Давай скорей откапывать, задохнется человек.

Чолпонбай иступленно, сдирая с пальцев ногти, стал лопаткой и руками разбрасывать песок. К нему подползли Остап Черновол, Василий Петров. Дело пошло быстрее. Вот уже показался верх каски.

— Осторожней, — шептал Остап.

— Ты что бормочешь, я не слышу, — сказал Петров, работая руками.

Приподняли голову Серго, стряхнули с лица песок. Остап расстегнул гимнастерку товарища, приложил ухо к его груди.

— Бьется!

Сидели около Серго долго, дули на него, мочили волосы водой из фляжек. Наконец Метровели медленно открыл глаза. Чолпонбай наклонился к нему.

— Здорово меня огрело, — с трудом выговорил Метровели.

— Тебя землей придавило. Да и бомба, наверное, большая угодила! Не контузило тебя, Серго?

— Будто бы нет. Только в голове шумит.

— Это пройдет, — успокоил товарища Василий Петров.

Метровели слабо улыбнулся, сказал:

— В раю побывал. Захожу, а там все сидят и чай пьют с грузинскими лимонами. — Метровели поднялся, ощупал ноги, грудь, голову — все в порядке, все на месте и невредимо.

— И ты еще шутишь? — удивился Чолпонбай.

— Э-э, кацо, мне теперь долго жить, бомба не взяла, а пуля и подавно не прострелит.

6

В донских степях июльское солнце в полуденную пору стоит прямо над головой. Лучи отвесно падают на землю. От них некуда скрыться. Днем царит такая жара, что немоготу сидеть в гимнастерке и стальной каске. Дно окопов первые дни было влажное, и это несколько спасало бойцов, а теперь все пересохло — спасу нет.

Много дней стояло безветрие, жара начиналась с восходом солнца, и лишь чуть-чуть становилось прохладнее, когда начинало вечереть. Песок настолько накалялся за день, что едва остывал за ночь.

Воздух за день нагревался до звона. Листья на деревьях поникли, трава поблекла и клонилась к земле, словно просила у нее защиты.

Чолпонбай, привыкший к солнцепеку в Киргизии, жару переносил легко. Он даже радовался, цокая языком, когда на лбу выступал пот. «Как чай в юрте пью», — довольно улыбался Чолпонбай. Остап Черновол поднимал к небу мокрое лицо и ругался:

— И откуда эта бисова жара взялась? Аж голова трещит.

Метровели подошел к друзьям, сказал:

— Солнце смеет жечь Остапа, наказать солнце, посадить на гауптвахту! Оно заставляет Остапа нарушать устав. — Он нарочно расстегнул ворот, снял ремень. — Послать солнце в штрафную роту. Удовлетворен, Остап?

— Старый солдат, а шутишь, как новобранец! — злился Остап, но все же застегнул ворот, водворил на место ремень.

— Потому и шучу, что бойцу не положено быть расхлябанным! — правдоулично закончил Метровели.

Однажды в жаркий полдень Чолпонбай и Остап сидели в окопе. Сзади зашуршали ветки ивняка, в окоп, увлекая за собой песок, свалился комсорг роты Никитин.

— Здравствуйте, орлы! Живы, здоровы после бомбежки? Да, тряхнули они нас. Давно такого не бывало. Обозлились гады — как же, за Дон посмели отступать! Ну, как дела?

— Да, вроде бы неплохо, — отозвался Остап Черновол. — Вот только жара мучает.

— Терпите, ребята. Жара лучше, чем мороз. А письма из дома получаете?

— Получаем, товарищ лейтенант, — сказал Чолпонбай, глядя веселыми глазами на комсорга роты.

— Что пишут нового твои родные, Тулебердиев?

— Пшеница хорошо уродилась, табаку много собрали. Скот в горах сытым стал. Брат Манасбай и мать Сураке много трудней заработали. На жизнь не жалуются.

— Хорошие вести. Радоваться надо. Вот что, Тулебердиев. Боец ты примерный, в атаку ходил без боязни, без промаху разил фрицев. В комсомол вступить не думаешь?

Что Чолпонбаю думать? Учился в школе не хуже других, работал в колхозе — и ни разу как-то всерьез не задумывался о вступлении в комсомол. Все считал, что в комсомол вступают ребята достойные, те, кто успел в труде себя проявить, в боях показать. Ну, а чем он отличился от других? Ничем. В армии стремился овладеть оружием, не отставать от товарищей. Кочевал с места на место. Кто даст рекомендацию, если люди хорошо его не успевали узнать? А вот сейчас лейтенант Никитин предлагает вступить в комсомол.

— Да и ты, Черновол, подавай заявление.

Комсомольский секретарь попрощался с красноармейцами и зашагал по узкому ходу сообщения к командирскому блиндажу. А в это время ротный Горохов, облокотясь на бруствер, глядел за Дон. На участке соседей шла усиленная перестрелка. Гитлеровцы, видимо, чем-то были напуганы, пустили в ход пулеметы, минометы. Несколько раз ухнула вражеская батарея. Снаряды не долетали до левого берега, рвались посреди реки, поднимая фонтаны воды и грязи.

— Волнуются, гады,— не глядя на подошедшего комсорга, проговорил старший лейтенант.

— Горохов, — тихо окликнул ротного Никитин.

— Что?

— Как у тебя бойцы Тулебердиев и Черновол?

— Ребята отчаянные. Один молчаливый, другой разговорчивый, воевать умеют. Неплохие ребята.

— Их можно в комсомол принять? Рекомендации нужны. Может, ты поручишься за них?

— А что, у них языка нет? Пусть сами обратятся.

— Хорошо тебе так говорить, а ведь они деревенские, стеснительные.

— Если попросят — напишу, — сказал старший лейтенант и добавил: — Фашисты не иначе, как готовятся в наступление. Зря стрелять не будут. Это уже проверено. Огневые точки прощупывают.

Горохов спустился в блиндаж, попросил телефониста вызвать командира соседней роты. И сейчас же послышались позывные:

— Иволга, Иволга. Я — Дятел.

Командир роты взял трубку, зачем-то с силой подул в нее, крикнул:

— Слушай, что у тебя там творится? Да? Тогда понятно. — Передал телефонисту трубку. Серdito проговорил: — Ночью надо ждать фрицев.

Смеркалось. Дул ветер. Лес шумел зеленой листвою, скрипели надтреснутые ветви деревьев.

По реке одна за другой накатывались волны. А противник все продолжал обстреливать левый берег навесным артиллерийским огнем.

— Скоро начнут переправу, — сказал Горохов своему связному. — Передай командирам взводов, чтобы были наготове. Надо встретить фашистов, как положено.

Связной скрылся за кустами. Горохов стоял в окопе, глядел на высокую меловую гору, где сверкали вспышки пулеметной трескотни.

— Петров!

— Я, товарищ старший лейтенант! — отозвался пулеметчик.

— Приготовься, не дремать.

— Есть приготовиться!

— Вижу лодки! — крикнул один из бойцов.

Но противник и сам себя демаскировал. Наверное, для храбрости фашисты даже без надобности строчили из автоматов, артиллерия же ухала где-то за горой, но снаряды не падали в воду, а со зловещим свистом улетали за левобережный лес. Фрицы опасались бить по прибрежным окопам, можно угодить в своих.

— Не открывать огня! — приказал Горохов.

Надо было подпустить фашистов к середине реки, потом уже бить наверняка.

Вражеские солдаты палили из пулеметов, автоматов, надеясь подавить нашу оборону.

Лодки выплыли на стрежень, слышен всплеск воды от весел, отдельные гортанные слова.

Первыми открыли огонь бойцы восьмой соседней роты. Затарахтели пулеметы, автоматы, ударили минометы. От взрывов кипела вода в реке.

— Огонь! — скандовал командир роты.

Василий Петров припал к пулеметной гашетке, зло приговаривая при каждой очереди:

— Язви вас, проклятые!.. Куда суетесь! Вот вам наш берег!

— Э-э, джигит Петров в азарт вошел! — крикнул Чолпонбай своему соседу Остапу Черноволу. — А ну, поможем джигиту Петрову.

Чолпонбай проверил диск, дал длинную очередь. Фашистские лодки рассеялись по реке. Приближаться к левому берегу фрицы уже не рисковали. Многие лодки плыли по течению без гребцов.

7

Горохова вызвал командир батальона капитан Назаров.

— Садитесь, — сказал он, как только Горохов вошел в землянку.

Ротный молча уселся на деревянную скамейку. Назаров прислонился к углу стола, заговорил:

— Противник получил пополнение. Вчера мы послали разведчиков за Дон. Они не вернулись. Нам нужен «язык». Завтра к утру сумеете раздобыть фрица? И чем выше чином, тем лучше.

— Постараемся, товарищ командир батальона.

— Вот и добро, — Назаров прошелся по настилу, спросил: — Кого пошлешь?

— Командовать будет лейтенант Герман. С ним переправим трех бойцов — Метровели, Черновола и Тулебердиева. Тулебердиев — упорный, смелый и сильный боец. Из него может выйти хороший разведчик. У Метровели острый глаз, и с хитринкой парень.

— Ну что ж, попробуем, — согласился капитан. — «Язык» нам нужен дозарезу. Необходимо узнать, какие силы у противника. Ну, приступайте к делу.

— Есть приступать! — откозырял Горохов и вышел из землянки командира.

Вернувшись к себе в роту, старший лейтенант вызвал Германа, сообщил:

— Есть серьезное задание — добыть «языка». И это мы должны сделать. Возьмешь ребят — Черновола, Метровели и Тулебердиева. Бойцы они надежные. Будь осторожен: батальонные разведчики не возвратились с задания. Ночь будет темная — видишь: тучи, ветер, но кто знает с чем придется повстречаться? Готовьтесь.

— Я днем приглядывался к одному блиндажу. Он у них немного в стороне от других. Может быть, там и возьмем фрица, — поведал Герман старшему лейтенанту.

Разведчики особенно тщательно готовились к первому для них походу на вражеский берег. Все надо предусмотреть, продумать. Готовили к вылазке бойцов и комсорг роты Никитин и взводный Герман.

Спать в эту ночь пришлось недолго. Разбудили в полночь. Чолпонбай взял автомат, сунул в карманы по гранате.

Пригибаясь, Герман, Тулебердиев, Метровели и Черновол пошли по узкому ходу сообщения.

Бушевал ветер, шумел лес, хлестали о песчаный берег волны. Разведчики вылезли из окопов и, припав к земле, по-пластунски поползли к черневшим кустам, что росли возле воды. Земля была влажная. Обмякшая трава почти не шуршала. Вдруг с того берега взвилась ракета, поднялась высоко и осветила все вокруг, был виден блеск гребней волн, а от прибрежных кустарников поползли темные тени.

Несколько мгновений ракета висела над рекой, потом упала в воду, и все погрузилось во тьму. С той стороны застрожил пулемет. Это так, стреляли для острастки, ничего гитлеровцы не заметили. Раздвинув кусты, Герман осмотрел прогалину и махнул рукой. Бойцы взяли за борт лодки. Днище зашуршало по песку.

— Садитесь. Я оттолкну от берега.

Толкая впереди себя лодку, Герман вывел ее из камышей на чистую воду, осторожно перевалился через борт. Черновол взялся за весла. Опускал он их так плавно, что не было слышно ни одного всплеска. Мастер Черновол грести, будто не греб, а вплетал мягкие нитки в домашнюю авоську.

Через Дон переправились без осложнений. Бойцы успели спрятать лодку под обрыв, прежде чем снова в воздух взвилась ракета. Но теперь было не страшно: отвесный берег надежно прикрыл разведчиков от вражеских глаз.

Разведчики отыскали пологий откос, поднялись на гору. Нужно взять правее, чтобы отыскать в темноте блиндаж врага. Ветер клонил к земле верхушки трав. Шелест помогал бойцам: можно идти смелее, не бояться, что тебя услышат.

— Идите по ложине — немецкие передовые позиции чуть дальше, — шепотом говорил Герман.

Чолпонбай прижал к груди автомат и постарался идти рядом со взводным — спокойнее чувствуешь себя. Герман повернулся к Чолпонбаю, взял его за руку и крепко пожал, дескать, не робей. Около плеча Чолпонбая — плечо Остапа Черновола.

Когда дошли до вражеского дзота, взводный остановил бойцов, приказал Черноволу оставаться здесь, вести наблюдение. Метровели встал немного правее.

— Если что заметите, постарайтесь утихомирить фрицев, только не особенно шумите.

Взводный и Чолпонбай по-пластунски стали пробираться вперед. Раз со спины Чолпонбая соскользнул автомат, тукнулся ложем о землю. Герман схватил бойца за руку — тише!

Вот и бруствер. Насыпь сделана по-особому — большим прямоугольным валом. На нее трудно взобраться. Герман приподнялся, лег грудью на угол бруствера, повернулся на бок, прильнул к насыпи. Чолпонбай повторил все движения командира, они одновременно увидели узкий проход. Неожиданно в стороне затрещал пулемет. Разведчики припали к земле. Сердце бешено стучало. Слышно было, как пульсирует кровь в венах. Тело словно онемело: бери иглу и коли — не почувствуешь боли.

Прошла минута, другая. Стрельба прекратилась.

Герман приподнял голову, внимательно огляделся, встал на колени. И вдруг рывком соскочил в ход сообщения. Чол-

понбай прыгнул за ним. Короткая очередь автомата и голос:

— Тулебердиев, сюда! Ложись, жми!

Чолпонбай навалился всей тяжестью своего тела на гитлеровца, нащупал руку врага и с силой заломил ее за спину. Герман засунул в рот фашисту тряпку.

— Тащи, — шепнул взводный.

Чолпонбай взвалил «языка» на спину и, согнувшись, пошел по ходу сообщения. Взводный помог вылезти на насыпь. Когда приблизились к Черноволу и Метровели, Чолпонбай сказал:

— Э-э-э, ну и немец жирный, целый центнер весит.

Чолпонбай встряхнул фашиста на плечах, как встряхивают мешок с грузом, когда хотят, чтобы он удобно держался на спине.

Близился рассвет. Командира взвода охватила тревога.

Фашист, наверное, многое может сказать. Но если рассвет застанет их на этом берегу, то все пропадет. Надо быстрее добраться до лодки, быстрее переправиться через реку.

— Тулебердиев, нельзя ли поторопиться?

— Зачем нельзя, можно, — отозвался Чолпонбай и прибавил шаг.

Пленный что-то мычал, но сейчас было не до него. Чолпонбай крепко держал его за обе руки. Подойдя к берегу, Чолпонбай круто повернулся и бросил «языка» на корму.

Метровели и Черновол налегли на весла. Тучи низко плыли над Доном. Начал накрапывать дождь.

С бугра глухо хлопнул выстрел, взвилась ракета. Ожил немецкий дзот. Только не тот, где только что побывали разведчики, — рядом. Пули забороздили по воде: впереди, сбоку, сзади лодки. Очередь прошла правый борт, весло переломилось пополам.

— Прыгай в воду! — крикнул Герман.

Взводный разрезал веревку, которой у пленного были связаны руки, вытащил кляп и толкнул фрица в воду. Следом за ним прыгнул сам. Фашист попытался нырнуть и уйти под водой от разведчиков. Герман схватил его за шиворот и поднял наверх, толкнул вперед. Фриц повиновался. Остальные бойцы следовали за ним. Не успели отплыть от лодки и десяти метров, как в нее угодила мина. Лодка разлетелась в щепки.

Пленный оказался командиром пулеметного взвода. Его немедленно отправили в штаб полка.

Майор Красников передал по телефону, что доволен действиями взвода, и в шутку сказал, что пришлет полковых разведчиков в роту Горохова за опытом.

8

Тихо. Слышно даже, как шелестят крыльями стрекозы. А вода в Доне чистая. Как зеркало: на поверхности — ни одной рябинки. Вниз по течению реки плывет бревно: то повернется вдоль, то встанет поперек. На бревне множество стрекоз и зеленых мух. Вот из зарослей ивняка выпорхнули две бабочки — одна белокрылая, а другая, как огонек, желтая. Закружились над водой. И вдруг послышался сильный всплеск, это из реки выскочила щука, на миг повисла в воздухе, потом снова булькнула в воду. Бабочки с бревна исчезли.

Приятно наблюдать за тихой рекой, не хочется думать, что на том берегу зарылись в землю враги и прощупывают глазами каждую складку земли, каждый бугор. Выискивают, в кого бы дать пулеметную очередь.

Дни в обороне мало чем отличались друг от друга. Не успевало солнце подняться, как уже наступала жара, да такая, что привыкшие и к холодам и к ненастью бойцы млели, будто сидели у раскаленного казана.

А Чолпонбай не обижался на жару. Вот и сейчас он довольно посмотрел на солнце и удовлетворенно сказал своему соседу Остапу Черноволу:

— Хорошо греет. Ты куда-нибудь собираешься идти?

— Нет, — вяло ответил Остап, посмотрел по ходу сообщения и сказал: — Связной идет. Кого вызовет?

Чолпонбай не успел ничего сказать в ответ, как около него остановился связной.

— Боец Тулебердиев, вам приказано явиться в штаб батальона! — проговорил связной и повернулся, чтобы уйти.

— А не знаешь, браток, зачем?

— Я тебе не браток, а старший сержант Улитин, — услышали бойцы еще не окрепший, почти мальчишеский голос связного. — Забирай свой вещмешок и шагай в штаб.

Это было что-то новое. Обычно вызывали в штаб батальона полка, но не приказывали брать с собой вещмешок. Значит, надолго забирают с передовой Чолпонбая. Он попрощался с товарищами, отдал им припасенные пачки махорки, спички. Ушел в предчувствии чего-то необычного, даже тревожного.

Командир батальона Назаров спросил Чолпонбая:

— Вы в кавалерии служили?

— Так точно, товарищ капитан!

— Хорошо, Тулебердиев. Мы думаем послать вас в конную разведку. Сумеете?

— Должен суметь. Ездить могу, рубить могу, стрелять могу.

— Так, Тулебердиев. В пешей разведке вы побывали. Хорошо показали себя. Теперь на коне прогуляетесь по вражеским тылам.

Три дня Чолпонбай в конной разведке проходил как бы стажировку. Лейтенант — усатый казак — обучал паренька правилам маскировки коня на открытой местности, в лесу, стрельбе из автомата на полном скаку. А на четвертый день, перед самым заходом солнца, кавалеристы сели на коней, выехали в степь, потом выступили в сосновый лес. Ехали по узким лесным тропам. Колючие ветки хватали всадников то с одной, то с другой стороны.

Часов в одиннадцать ночи подъехали к Дону. В темноте полоса воды извилистой лентой блестела на ровном лугу. На той стороне чернел Сторожевский лес.

Лейтенант отошел куда-то, приказав без него ничего не предпринимать. Разведчики, не расседывая коней, разнуздали их, пустили пасть по зеленой траве. Время шло медленно. Вот хрустнула ветка. Все насторожились. Раздвигая кусты, на поляну вышел лейтенант.

— На коней! — скомандовал командир разведки. — Сейчас мы переплывем Дон, углубимся в тыл врага.

Глухо загудела артиллерия. Где-то слева, с нашего берега, захлопали минометы, потом затрещали пулеметы. Бойцы знали, что это стреляют наши, чтобы отвлечь от них внимание противника. И действительно, не прошло и десяти минут, как фашисты открыли ответный огонь, но снаряды ложились левее конников. А на участке, где им предстояло переправиться, было спокойно. Фашисты не думали, что русские рискнут использовать для переправы открытое место. И поэтому луг на нашей стороне не обстреливался.

До этого Чолпонбайу никогда не приходилось вот так, сидя в седле, переплывать на коне большую глубокую реку. Там, в Киргизии, реки мелкие, быстрые, следи только, чтобы конь не подставлял бок под стремнины, держи коня грудью на бурный поток, и будет все хорошо, конь сам вынесет на тот

берег. Тут же другие условия — надо плыть на коне, не покидая седла. Как это получится у него? Стало немного страшновато.

Перед тем как пуститься вплавь, к Чолпонбаю приблизился усатый лейтенант.

— Не робей, кавалерист, — услышал из темноты Чолпонбай. — Больше доверяй коню, он умный.

— Чон рахмат, аксакал, за совет.

— Что?

— Спасибо, говорю, — поправился Чолпонбай.

— За мной! — приказал лейтенант. Он ожег плеткой своего коня. Умное животное сразу взяло галоп. За командиром устремились остальные кавалеристы.

Под Чолпонбаем был конь — рысак донской породы, рыжеватой масти, тонконогий, с длинной, чуть выгнутой шеей. Конь сильно отличался от Бурного, на котором Чолпонбай выиграл первенство по аламан-байге. Этот был спокойнее. Не стремился обогнать других коней, но и не отставал. Сразу видно, что приучен к строю. Мало реагировал на удар плеткой, зато хорошо чувствовал шпоры. Стоило чуть-чуть прижать ногами, и конь увеличивал скорость.

Под ногами лошадей захлюпала вода. Переехали небольшой проток, поросший камышами и осокой. Кони прошли по зарослям и ивнякам. А вот и Дон.

Первым поплыл на своем коне лейтенант. Следом за ним — Чолпонбай. Вода коснулась носков ботинок, замочила портянки, а вот уже перехлестнула через седло. Конь проворно работает ногами, отфыркивается. Коснулся передними ногами берега, вспрыгнул. А вскоре он уже вздрагивал, стряхивая с себя воду.

Отряд конников преодолел водный рубеж благополучно. Разведчики направились к Сторожевскому лесу. В ночном лесу, глаз выколи, ничего не видно, но лошади, видимо, не впервые бывали в подобном рейде — безошибочно выбирали тропу. Наконец выехали на опушку. Передовая позиция фашистов осталась где-то позади. Лейтенант приказал спешиться, отпустить подруги седел, дать коням отдохнуть.

После часового привала конники тронулись в путь. Теперь ехали по полю. Лейтенант то и дело подносил к глазам планшетку, рассматривал карту местности. Миновали деревню Урыв и поскакали в направлении Острогжска. Далеко в стороне остался городок Коротояк.

Уже светало. На востоке медленно расширялась узкая полоска зари. С каждой минутой она все ширилась и ширилась и вот запылала высоко в небе. Рассвело.

По дну извилистого оврага конники продвигались довольно быстро. Дозорные, ехавшие впереди, сигналов об опасности не подавали. Овраг расширялся, много неглубоких балочек ответвлялось в разные стороны, а вот и конец оврагу. Впереди холмистое поле. Нескошенная рожь вся помята, вытоптана. То там, то тут чернеют заброшенные окопы — следы отступления наших войск. Кругом безлюдно. Чуть в стороне — большой массив сосен и елей. Километрах в трех от него — село. Можно проскочить через поле в лес и передневать там. Командир разведчиков уже было принял такое решение, но в это мгновение прискакал боец из дозора и сообщил, что по дороге идут шесть человек с автоматами. Есть основания полагать, что противник не заметил всадника, промчавшегося в сторону оврага. Когда он, дозорный, скрылся за гребнем бугра, то не услышал автоматных очередей. Значит, все идет нормально.

— Фашисты обязательно пройдут мимо нас. Дорога-то вот она, рядом. Нам нужно уйти отсюда, — закончил свой доклад дозорный.

— А вы как думаете, товарищи? — обратился лейтенант к конникам.

— Уходить-то не хотелось бы, да ничего не поделаешь, — придется, — сказал один из бойцов.

— Э-э, слова у тебя сладкие, как урюк, только косточки у него горькие, — укоризненно покачал головой Чолпонбай. — Убегать будем, фашист на самолете догонит. А нам нужно поступить, как птица гриф. Подкараулит жертву, упадет камнем на нее. Иное животное от испуга в сторону шарахнется, в обрыв упадет, разобьется. Хитростью гриф берет.

Лейтенант повернулся на седле к Чолпонбаю, спросил:

— А при чем тут птица гриф?

— Дозвольте пулей мчаться вдогонку фашистам. Они подумают, что это на передовую их связной торопится. Стрелять не будут. А я подскачу, дам очередь, и немцам конец.

— Ну, а если они тебя не примут за своего? Есть же у них глаза, заметят чужую форму, и конец тебе.

— Не убьют, товарищ лейтенант.

Командир посмотрел на других конников.

— А вы как думаете?

— Что ж, пусть попытается. А если что, выручим парня, — сказал один из разведчиков.

— Ну, Тулебердиев, мчись, что есть духу, не давай фрицам опомниться. Только ты их сначала пропусти вперед, пусть идут спокойно.

Чолпонбай поправил автомат на груди. Тронул ногой стремя. Конь проворно выбрался из оврага. Вот и поле. Фашистов еще не видно. Но Чолпонбай не выехал на ровное место, остановил коня так, чтобы вовремя увидеть немцев.

К Чолпонбаю пришло такое чувство, какое испытывает человек, когда он идет по бревну через бурную горную речку. Не надо глядеть вниз, тогда обязательно перейдешь, а посмотришь — может голова закружиться, полетишь в бурлящую пучину. Не надо думать, что фашистов шестеро, а ты один, лучше подумать, как быстрее проехать эти пятьсот метров. Мчится Чолпонбай. Мысли в голове ясные, четкие. Кровь приливает к вискам, уши горят. Впереди холм. Уже близко дорога, по которой идут гитлеровцы. У холма Чолпонбай придержал коня, приподнялся на стременах... Вот они, фашисты, на дороге, совсем близко. Боец решил еще немного обождать — пусть отойдут подальше. Прошло несколько томительных минут. Конь чувствует, что предстоит бешеная скачка, и нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

Пора! Чолпонбай с силой прищипривает коня и вылетает из-за холма. «Прибавь, дорогой», — шепчет он лошади. Конь вытянулся в струнку и, кажется, не касается ногами земли. Чолпонбай крепко прижимает к себе автомат, а сам, не моргая, смотрит на вражеских солдат. Один из них глянул через плечо назад. Потом все повернулись и стали смотреть на мчащегося всадника.

Что сейчас произойдет? Будут стрелять или нет? Чолпонбай прижался к гриве коня, снял пилотку, чтобы гитлеровцам трудно было разглядеть одежду всадника. Встречный ветер со свистом проносился мимо. Чолпонбай левой рукой взял поводья, а правой повернул дуло автомата вперед. И вдруг — такое счастье! — фашисты снова двинулись своим путем. Расчет оказался верен. Враги приняли его за своего связного.

«Вперед, тулпар, вперед!» — мысленно подбадривал Чолпонбай коня. Враги уже близко, можно достать автоматной очередью. Но стрелять еще рано. «Вперед, тулпар!» Метр, второй, десятый... Теперь пора!

Чолпонбай выпрямился в седле, вскинул автомат и дал очередь прямо в спину фашистам. Двое упали на пыльную дорогу, третий споткнулся, выронил оружие и на четвереньках пополз с дороги. Еще очередь. Сухой треск автомата едва слышен в свисте встречного ветра. Упали еще трое.

Теперь можно возвращаться.

— Все в порядке, товарищ лейтенант, фашисты перебиты, дорога свободна! — бодро доложил Чолпонбай.

«Молодец, джигит, смелый, бестия», — тепло подумал о бойце лейтенант.

Путь к лесу был открыт. Конный отряд быстро пересек поле. Расставив дозоры, лейтенант разрешил бойцам отдохнуть. В лесу было прохладно. Солнечные лучи только кое-где пробивались сквозь густую крону деревьев.

Выехали из лесу, когда уже совсем стемнело.

Несколько дней разведчики-кавалеристы носились по придонским степям.

Побывали в Острогжске, Оськино, Репьевске. Много они увидели и взяли на заметку. Разведчики внезапно вихрем влетали в деревни и села, наводили панику и так же внезапно исчезали.

На десятые сутки по дороге из Репьевска на Коротояк кавалеристы остановились на дневку в глубоком овраге. Травы там не было, и кормить коней было нечем.

Чолпонбай дал своему Рыжику — так он назвал своего коня — сухарь и присел возле него. Время тянулось медленно. Бойцы расположились кто где, занимаясь каждый своим делом. Одни уже дремали, другие чистили автоматы, третьи чинили сбрую. Только часовые бодрствовали, не сводили глаз с дороги, которая желтой полосой тянулась неподалеку от оврага.

В полдень разведчики услышали глухой рокот. А минут тридцать спустя показался танк.

— Тулебердиев, с тремя бойцами идите вон туда, — лейтенант указал на изгиб оврага, где дорога подходила к нему почти вплотную. — Коней оставьте тут.

Бойцы добежали до изгиба оврага, взобрались наверх. Вот она дорога, до нее легко гранатой достать.

Чолпонбай взял гранату, положил ее около себя. Время шло, томительно тянулись минуты, а танк все не появлялся. Но вот железная машина наконец-то выползла из-за бугра и запыхала по дороге.

Все четверо с замиранием сердца ждали, когда танк приблизится к оврагу. Вот, наконец, танк рядом. Вот он поравнялся с Чолпонбаем. Боец вскочил и изо всех сил метнул гранату прямо под гусеницы. Потом упал на землю, прижался к ней лицом.

Сухая трава больно колола нос, рот, щеки, но Чолпонбай лежал. Он ждал взрыва. «Уйдет, шайтан, уйдет! Не взорвался!» Мгновение... Другое... И вверх взметнулся столб пыли. Что-то пронзительно завизжало, треснуло. Танк развернулся на одной гусенице, повернулся пушечным дулом туда, откуда шел. Замер. Но мотор продолжал работать. Слишком легким был взрыв, сил не хватило, чтобы вывести его из строя. Чолпонбай приподнял голову и посмотрел на танк. Глаза ему жгли два черных креста на броне.

— Тулебердиев, подождем, — шепнул его сосед — уса-тый боец. — Долго они не просидят в танке. Они, наверное, подумают, что наскочили на мину, вылезут исправлять гусеницу.

Мотор замолк. Прошло около часа. Вдруг купол башни откинулся, вылез танкист. Он долго вглядывался вокруг и, убедившись, что поблизости никого нет, что-то громко прокричал в люк. Тогда вылез и второй. Только он хотел сесть рядом с первым, как оба свалились в придорожную пыль. Это скосил их автоматной очередью один из бойцов.

Подошел лейтенант с группой бойцов. Танк подожгли, а сами скрылись в овраге. Нужно было скорей уходить. Фашисты хватятся танка, пошлют солдат — и тогда не сдобровать конникам.

Когда отъехали километра два, до слуха донесся глухой взрыв. Это рвались снаряды в горящем танке.

Из разведки вернулись без потерь, в полном составе.

В отделении Чолпонбая забросали вопросами. Особенно любопытствовал Остап Черновол. Сердился, когда Чолпонбай рассказывал коротко, опуская подробности. Чолпонбай был бесконечно рад, что снова находится среди своих друзей.

Ночью на передовую пришли бойцы резервной роты сменить уставших солдат. Смена проходила без спешки, тихо, словно ничего особенного и не происходило на передовой. Одни воины покидали окопы, а новички занимали их места.

«Старички» показывали вновь прибывшим, на какой участок вражеской позиции надо обратить особое внимание, откуда враг досаждал больше всего.

Вышедшие с передовой повеселели, а когда отошли подальше от позиций, начали шутить, смеяться. Шли быстро, бодро, будто и не было позади многих месяцев, проведенных в напряженных боях. Впереди — многодневный отдых.

К обеду рота вышла к небольшому озеру. С правой стороны его возвышался небольшой бугор. Он весь был изрыт. Виднелись деревянные двери землянок. Каждый взвод занял по две землянки. По всему чувствовалось, здесь совсем недавно стояла какая-то воинская часть.

Бойцы проворно навели порядок в своих новых жилищах. И вскоре все высыпали на берег помыться, постирать одежду.

Был тихий солнечный день. Сквозь густую зеленую листву дубов и верб, росших на берегу озера, пробивались полосы солнечных лучей. На зеркальной глади озера плавали кувшинки, над ними вились стрекозы.

Бойцы стирали портянки, брюки, гимнастерки. Вскоре все прибрежные деревья были увешаны солдатским обмундированием.

В трусах и пилотке Чолпонбай сидел около самой воды. Над озером сонно склонились старые вербы. Вода под ветками темно-зеленая, как бутылочное стекло, а на середине озера — голубая, чистая. Чолпонбай выстирал брюки, растелил их на траве, долго, с наслаждением мыл руки и лицо.

Мимо него пробежал Остап Черновол и с разбегу бутылкнулся в воду. А когда вынырнул, задорно крикнул:

— Догоняй! — и снова нырнул. Чолпонбай прыгнул за ним, нырнул, пробыл сколько мог под водой, потом выплыл наверх, и ему в глаза ударила густая, ясная синева неба.

Рядом купались другие бойцы. Сверкали голые спины, стриженные мокрые головы. Веселый крик и плеск воды разносился по озеру.

Кто-то из бойцов уже наловил в озере раков и кричал:

— Братцы, где взять ведро? Раков варить будем!

Обед привезли точно в положенное время. Как только оказалась полевая кухня, солдаты начали вылезать из воды, натягивать влажные гимнастерки, брюки.

Дневальные отделений потянулись с бидонами к кухне. А под развесистыми дубами усаживались на траву красноар-

мейцы. Загрели котелки. От выстиранных гимнастеров пахло болотным илом.

После купания бойцы проголодались. Котелки быстро опустели. В соседнем отделении затянули песню:

Эшелон за эшелонам,
Путь далеко наш пролег...

Бойцы роты знали старшину Потапова как скупого и ворчливого человека. Скажешь ему: «Старшина, подметки оторвались», он посмотрит на ботинки и ответит: «Потерпишь еще, в окопах сидишь». Поэтому бойцы стали говорить: «Скупой, как старшина Потапов». А вот ушли с передовой, и вдруг старшина подобрел. Дня через три он сам ходил по взводам и просил бойцов получить матрацы, одеяла, наволочки, новое нижнее белье.

— Только пуху лебяжьего нет,— шутил Потапов.

И командиры взводов стали разговаривать с бойцами тихо, будто боялись нарушить их покой. Пулеметчик заметил по этому поводу:

— Тихони наши командиры стали. Лишний раз голос не довысят.

Однажды вечером Серго Метровели, вернувшись из поездки в штаб батальона, привез Чолпонбаю письмо. Оно было от Гульнары. Девушка писала, что в аиле стало безлюдно. Остались одни старики, женщины и дети. Чабанами, трактористами, бригадирами работают женщины. Недавно колхозники собирали теплые вещи для фронтовиков. Она дала теплые валенки. Бесконечно рада была бы, если попадут эти валенки к Чолпонбаю. Гульнара просила писать ей почаще. Она ждет писем от него с нетерпением. Пусть все знают в селе, что и у нее есть друг на фронте.

Из письма Гульнары Чолпонбай так и не узнал, что же произошло между девушкой и ее женихом после его отъезда. «Видимо, Гульнара сумела убедить отца не выдавать ее замуж за нелюбимого»,— радостно подумал Чолпонбай.

Чолпонбай сразу же сел писать ответ:

«Мы сейчас находимся на отдыхе. Стоим в лесу, около озера. Набираемся сил. На днях снова пойдем на передовую. Я уже участвовал много раз в боях. Буду драться, как Манах, против коварного врага, за нашу Родину, за тебя, дорогая Гульнара, и родную мать, за всех, кто остался там, в аиле... Передай всем салам, а увидишь мою мать, братьев —

поклонись от меня. Скоро для меня настанет самый радостный день: буду вступать в Ленинский комсомол...»

Подошел сержант Антонов. Он остановился около Чолпонбая, долго стоял молча, а когда боец сложил письмо треугольником и написал адрес, сказал:

— Тулебердиев, идем на комсомольское собрание.

— Как, я же... — Чолпонбай хотел сказать, что уж очень получилось все неожиданно, но тот прервал его:

— Идем скорее. Нынче тебя и Остапа будем принимать.

Чолпонбай положил письмо в карман и пошел.

Комсомольцы роты собрались на зеленой лужайке, в тени деревьев. Бойцы сидели полукругом. Вместо стола стоял фанерный ящик, скамейкой служило бревно.

— Слово предоставляется комсorghу роты лейтенанту Никитину, — услышал Чолпонбай голос председателя собрания.

Много раз Чолпонбаю приходилось бывать на собраниях колхозников, слушать речь председателя колхоза Джергунчинова, но там собрания проходили буднично. А вот здесь, в прифронтовом лесу, слова председателя собрания звучат по-особенному, строго и торжественно.

Чолпонбай волновался.

Даже холодок студил спину. Рекомендацию ему дал командир роты, старший лейтенант Горохов. Не каждому бойцу выпадает такая честь. Запомнились слова рекомендации: «Боец Тулебердиев Чолпонбай — смелый и храбрый воин, отзывчивый товарищ...»

— Товарищи! — начал комсорг роты Никитин. — Поступило заявление от бойца Тулебердиева с просьбой принять его в комсомол. Какие есть предложения? Хорошо! Пусть расскажет свою биографию.

Тулебердиев поднялся со своего чурбана — ростом его бог не обидел: головой задел зеленые ветки вербы. Листья упали на пилотку, лицо, плечи. Казалось, зеленая кипень решила спрятать парня от посторонних глаз. Чолпонбай рукой раздвинул ветки, шагнул вперед, посмотрел на товарищей. Большинство из них он знал, со многими вместе ходил в бой, но вот сейчас волновался, никак не мог собраться с мыслями, а тут еще, как назло, все русские слова вылетели из головы.

— Бир миң тогуз жүз жыйырма үчүнчү жыл...¹

¹ В тысяча девятьсот двадцать третьем году...

Комсомольцы весело рассмеялись. Чолпонбай тоже улыбнулся, осмелел и рассказал уже по-русски свою биографию.

После коротких выступлений товарищей, отзывавшихся о Чолпонбае как о смелом и преданном советскому народу бойце, собрание решило принять Тулебердиева в ряды Ленинского комсомола.

Потом собравшиеся слушали биографию Остапа Чернова. И Остапа приняли в члены Ленинского комсомола.

— Ну как, орлы, — спросил у Остапа и Чолпонбая комсорг роты, — оправдаете доверие комсомола?

— Оправдаем, товарищ комсорг.

— Желаю успеха! — Он крепко пожал им руки.

Вскоре в роту пришло пополнение. Вслед за бойцами привезли винтовки, автоматы, патроны. Старшина теперь не жалел патронов, бери сколько нужно.

Однажды в распоряжение роты приехал батальонный комиссар майор Мурадян. Долго беседовал с Гороховым. Потом оба присели на бугорке. Мурадян достал из планшета карту, развернул ее у себя на коленях.

Бойцы хоть и не знали, о чем пойдет речь, но предполагали, что скоро предстоит идти в бой.

— Наверное, пойдем в наступление! — высказал догадку Черновол.

— Для этого мы и отдыхали. Надоело сидеть в обороне, — проговорил Гайфулла Гиллязитдинов. — А еще я узнал, ребята, что наши соседи, артиллеристы, вчера снялись и двинулись к Дону.

— Мне тоже кажется, что готовится наступление, — сказал пулеметчик Петров.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Чолпонбай.

— У бойца сердце, как барометр. Погоду чувствует. Потом... старшина новые брюки и ботинки выдал, а это уже верный признак — идем в наступление.

— Это точно, — подтвердил подошедший Серго Метровели. — Мы тоже только что об этом говорили.

Пришел Иван Антонов. Осмотрел бойцов своего отделения, приказал:

— Стройся!

Шли берегом озера к блиндажу командира роты. Сюда подтягивались бойцы всех взводов. Горохов приказал всем красноармейцам сесть. Поднялся майор Мурадян. Он раскрыл планшет, достал карту.

— Прошу прикрепить, чтобы все видели.

Карту приколотили к двум вербовым стволам. Майор подошел к карте и провел карандашом по линии фронта Сталинград — Ставрополь — Нальчик.

— Фашисты рвутся к Волге, — сказал майор. — На нашем участке фронта им не удалось прорвать оборону. Сейчас перед нашим полком стоит большая задача — захватить плацдарм на правом берегу Дона и оттуда начать наступление.

С утра девятая рота двинулась в поход. Путь вел к Дону. По этой дороге они отходили на отдых, по ней же идут обратно. Значит, путь один — на старые позиции. Красноармейцы шли по голой степи. Под ногами шуршал песок. На зубах хрустел песок. И кругом, куда ни бросишь взгляд, — песок.

10

На той стороне Дона в деревне Селявное горели дома, подожженные артиллерийским огнем. Черный дым застилал безоблачное небо, заволакивал солнце, и оно светило угрюмо, тускло.

Временами Лысая гора на том берегу совсем скрывалась из виду. Потом дым рассеивался, и на белой глыбе горы четко вырисовывались окопы, дзоты, проволочные заграждения. Фашисты закопались в землю, как кроты. Наверняка почувствовали, что им предстоит долго здесь отсиживаться. Вот и укрепили свои позиции. Один из вражеских дзотов был особенно приметен. Даже с этого берега хорошо видна белая стена. Хотя фрицы покрасили дзот под цвет горы, а все же стена выделялась.

Сейчас дзот молчал, казалось, что там вообще никого нет, все вокруг словно вымерло.

— Огонь по дзоту! — приказал Горохов.

Петров нажал гашетку. В ответ на том берегу, на самой вершине горы, показались красные вспышки огня, дзот ожил.

Горохов снял телефонную трубку, попросил соединить его с командиром минометного взвода Михайловым. Через пять минут разрывы мин покрыли всю Лысую гору. Где-то в Ореховой роще заухали вражеские пушки. Снаряды не долетали до нашего берега, но было ясно, что немцы хотят отвлечь внимание от горы, сохранить там свои огневые точки.

— Ловко гады придумали, — выругался Горохов, глядя на противоположный берег. — Мало того, что в деревне укрепились, так еще огневые точки приблизили к самому берегу.

За две недели, которые рота провела на отдыхе, в обороне противника произошли изменения. Были установлены две пулеметные точки, одна из них на Лысой горе. Тем самым фашисты стремились прикрыть Чертов Яр, который начинался у самого Дона, полукружьем огибал деревню Селявное и доходил почти до опушки Сторожевского леса. Из дзота, установленного на Лысой горе, просматривалась почти вся середина реки. И только высокий обрыв не давал фашистским пулеметчикам возможности вести огонь по всей ширине водного рубежа. Простым, невооруженным глазом можно было увидеть на той стороне сплошные проволочные заграждения. Появились свежие земляные насыпи. Там фашисты укрыли артиллерийские орудия, установленные для стрельбы прямой наводкой по нашим позициям.

Минометы замолкли. Наступила тишина, но она стояла недолго. Открыли огонь орудия врага. Застрочили пулеметы.

— Дзот на Лысой горе надо уничтожить во что бы то ни стало, — надвинув каску на лоб, сказал Горохов.

— Да. Иначе трудно будет, — согласился командир взвода.

— Товарищ старший лейтенант, вас к телефону вызывают. Из штаба полка, — послышался голос из глубины блиндажа.

Переговорив по телефону, Горохов подошел к Герману.

— В штаб иду. Глядите тут повнимательнее.

— Есть! — козырнул взводный.

Горохов отыскал штаб полка, поднялся по деревянным ступенькам на просторную веранду, подошел к двери. Открыл ее и остановился на пороге. В штабе сидели все командиры батальонов, рот.

— Проходите, садитесь, — сказал Красников.

Он стоял у стола, на котором лежала развернутая карта. Горохов прошел в глубь комнаты, сел рядом с командиром восьмой роты.

— Обстановка на участке нашего полка сложная. А если в целом по дивизии взять, то еще сложнее. Гитлеровцы сосредоточили на нашем участке четыре дивизии, из них две мотодивизии. Не легче нашим соседям. На улицах Воронежа идут бои. Фашисты перебрасывают на наш фронт свежие армии.

Красников провел острием карандаша по карте, на которой треугольники, ромбики, квадратики обозначали расположение вражеских войск на правом берегу Дона и теснились так густо, что в них трудно было разобраться.

— Гитлеровцы,— продолжал майор,— подтянули свежие силы не зря. Они намереваются прорвать линию нашей обороны и вырваться на простор между Доном и Волгой. Сейчас они бросают танки, самолеты, живую силу на Воронеж. У нас здесь фронт стабилизировался. Мы должны делать все, чтобы не только твердо стоять на водном рубеже, но и начать наступление. Перед нами поставлена задача — захватить плацдарм на правом берегу Дона, обеспечить переправу войск. Вы сами, товарищи, хорошо знаете, с какими трудностями это связано. Переправу мы должны начать здесь, а плацдарм занять вот тут.— Красников нагнулся, разыскал деревню Селявное. — На нашем берегу против деревни Селявное стоит в обороне батальон Назарова.

— Так точно! — поднялся со стула капитан Назаров.

— Вам и следует начать операцию, захватить плацдарм на правом берегу. Вперед пошлете роту Горохова. Старший лейтенант Горохов, у вас в роте, помнится, есть разведчики, которым уже приходилось бывать на том берегу?

— Так точно, товарищ майор! — поднялся Горохов.

— Им и вести за собой роту, — заключил Красников и продолжал: — Надо подготовить войска к переправе так, чтобы противник не заметил этого. На участке роты Горохова гитлеровцы создали две новые огневые точки. Одна из них наиболее опасна. Она прикрывает Чертов Яр, по которому мы можем пройти в тыл врага. Ее необходимо уничтожить в первую очередь. Этим мы обеспечим переправу всему батальону. Кстати, надо собрать у населения все лодки, построить плоты. Словом, следует использовать все, на чем можно переправить солдат, пушки, боеприпасы. И всю эту работу надо провести без шума, суеты, чтобы враг не заметил наших приготовлений. Перед операцией политрукам роты необходимо поговорить с людьми, разъяснить бойцам нашу задачу.

— Расскажем, мобилизуем для этого коммунистов и комсомольцев,— сказал Мурадян.

— Вот, вот, именно. Чтобы бойцы почувствовали всю ответственность,— строго проговорил командир полка. — Вам, старший лейтенант Горохов, доверено наиболее трудное за-

дание. Захватить плацдарм, закрепиться на нем, нарушить всю систему обороны противника — это большое дело. Командование полка верит, что вы свою задачу выполните.

— Можете надеяться, товарищ майор!

— О начале операции вы получите приказ. А сейчас все свободны.

11

Солнце скрылось за Сторожевским лесом, и сразу стало прохладнее. Отблески вечерней зари упали на меловые горы, и они порозовели. Повеял свежий ветерок. В Хохлацкой Луке, где в густом вербовом лесу был вырыт блиндаж командира роты Горохова, сразу на деревьях зашумели листья, зашуршала по земле высохшая трава.

С наступлением сумерек стрельба несколько приумолкла. В Бадаевке ухали наши дальнобойные орудия, снаряды со свистом проносились над лесом и уносились в Ореховую рощу, где фашисты зарылись в землю, укрепили свою вторую линию обороны.

Только что возвратившийся из штаба полка ротный Горохов сидел на дощатой скамейке в углу блиндажа и ел из котелка пшеничную кашу. Рядом с ним сидел связной. Он о чем-то думал, потирал пальцами подбородок.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться,— вскидывая на ротного свои светлые серые глаза, сказал связной.

Горохов помолчал немного, осторожно заметил:

— Просить будешь?

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — шагнул к ротному связной. Он выпрямился. Горохов с любопытством посмотрел на сержанта.

— Говори,— сказал командир, ставя котелок на край скамейки.

— Разрешите мне в хутор Ново-Николаевский сходить.

— Нельзя нынче, Сережа, дела большие предстоят,— ответил тихо Горохов. Он знал, что этот ответ не утешит связного, но отпустить не мог. Сержант хотел пояснить, зачем ему нужно идти в хутор, но в это время скрипнула дверь блиндажа и вошел боец.

— Из штаба полка привел к вам человека! — выпрямившись у дверей, заговорил пришедший боец. — Вот пакет от командира полка. Лично вам.

Разорвав пакет, Горохов прочитал, что комполка посылает Архипа Поликарпова для особого задания.

Вошел мужчина лет пятидесяти пяти. Его фамилию Горохов теперь знал — Поликарпов. Он был шупленький, с морщинистым лицом, без усов и бороды, маленькие карие глаза были внимательны.

— На «промысел» идешь? — спросил Горохов у Поликарпова.

— Бедная нынче добыча, — недовольно махнул рукой Архип Поликарпов.

Горохов повернул голову и сказал бойцу:

— Вы свободны, товарищ боец.

Красноармеец скрылся за дверью.

Ротный обратился к Поликарпову:

— А что ж вы собираете? Я слыхал, что вы...

— Да, я все беру, — догадался старик, о чем его спрашивают, — шинели, гимнастерки... Зачем будет пропадать зря добро? А убитому не все ли равно, как в могиле лежать — голышем или в шинели? А мне, живому, вещички-то потребны. Живой о жизни думать должен.

— Да, версия твоя хорошо продумана, — сказал Горохов. — Как чувствуешь-то себя, уверенно?

— Да знаешь, самому противно от этой версии. На старости лет в мародеры угодил. Но расчет точный. От этой моей «профессии» даже фрицам тошно станет. Думаю, что даже если попадусь с награбленным тряпьем, то отпустят. Ты мне дал бы чего ни то, пока разживусь...

— Вот тебе наган, гимнастерка и брюки лейтенанта. Случаем, тебя поймают, скажешь, что русского офицера убил и перебежал к ним.

— А пуль сколько в нагане?

— Полностью обойма.

— Не годится. Один патрон нужно выстрелить. Да две обоймы мне в запас надобно. На всякий случай.

— Идет, старина.

— Тогда переправляй меня через Дон! — согласился Поликарпов. — Али приду «богатым», али в кустах голову сложу.

— Не пойдет! — рассмеялся Горохов. — Ты должен возвратиться.

— Должен, должен, командир. Старуха будет ждать меня.

Говоря с Архипом, Горохов думал, на каком участке лучше всего его переправить на тот берег. В районе Чертова Яра было бы хорошо. Старик мог бы сразу проскочить в овраг, скрыться от обстрела, но фашисты на самой Лысой горе установили дзот. Пройти в Чертов Яр невозможно. Южнее этой высоты — выступ. На нем нет вражеских укреплений, зато с горба хорошо просматривается любая сторона. Стой, стой! А может быть, именно на этот горб и следует переправить Архипа? Гитлеровцы не учли одну деталь при организации обороны своего переднего края: на этой горе есть ложина, вымытая дождевой водой. Вот по ней-то и пройдет Архип через переднюю линию фашистов. Его едва ли заметят, немцам и в голову не придет, что кто-то может взобраться на отвесный меловой выступ, поросший полынью.

Поздно ночью Горохов позвонил Назарову и попросил усилить артиллерийский огонь в сторону Чертова Яра. Потом приказал пулеметчикам роты в момент переправы Поликарпова через реку дать побольше огоньку по передовой врага, но особенно усиленно обстреливать дзот. В два часа ночи разгорелась стрельба. Немцы подумали, что русские части решили переправиться через Дон, начали обстрел левого берега. А этим временем Поликарпов вышел из блиндажа и в сопровождении двух красноармейцев пошел по окопам.

Боец повернулся к Архипу и сказал с хрипотцой в голосе:

— Слышишь, старик, как стреляют? Это фрицев отвлекают, чтобы тебе через Дон легче было плыть.

Архип замедлил шаги, посмотрел вокруг себя, прислушался. Стреляли справа. Где-то за лесом били орудия, а вон там, в кустах хвороста, скороговоркой отбивает пулемет. Автоматные очереди — трудно определить, откуда они доносятся, — их так много, что сливаются в один гул.

Прошли узким ходом сообщения метров триста и очутились на берегу Дона. Ветер качал кусты ивняка, расчесывал стебли уже желтеющих трав. А по реке плескались волны. Они то набегали на песчаные отмели берега, то с шипением откатывались, обнажая гальку, ракушки, угловатые камни.

Остановившись у куста ивняка, боец прислонился плечом к стенке окопа, проговорил чуть слышно:

— Вот тут поплывешь. Глубина небольшая, да и река не широкая.

— Знаю, мил человек, сызмальства возрастал на этой реке. Каждую излучину чую, — ответил Архип и сел на дно

окопа. Он снял рубашку, свернул ее, потом начал стягивать брюки. Боец внимательно глядел на Архипа, затем поинтересовался:

— В кальсонах поплывете? В белом нельзя плыть. Гитлеровцы заметят.

— Я голым пойду в воду,— ответил Архип, связывая свои вещи старым ремненным пояском. Поднялся, глянул на бойцов, сказал: — Ну, мил люди, я пошел.

— Плыви, старина, да возвращайся живым, здоровым.

— Благодарствую на добром слове,— поклонился Архип и зашлепал босыми ступнями по мокрому песку.

Чем дальше отходил он от берега, тем тяжелее становилось идти. Течением сбивало с ног, а тут еще волны захлестывали. Набежит, обожмет со всех сторон, холодом обмоет, а потом сойдет, глубина — по пояс. Легче двигаться. Но вот новая волна нахлынула, навалилась на грудь и понесла на середину реки. Теперь Архип ногами дна не доставал. Свои вещи держал над головой. Одной рукой, ногами Архип греб отчаянно, стараясь быстрее выбраться на правый берег и скрыться за кручей меловых гор.

Вот и берег. Много раз в своей жизни бывал Архип на этом берегу, но сейчас он показался каким-то незнакомым, вроде бы чужим; чудилось, будто за каждым камнем скрывается фашист и вот-вот выстрелит в него, Архипа. Старик торопливо выбрался из воды и бегом кинулся к горе, а когда плюхнулся в старую промоину, долго не мог отдышаться. Поспешно одевшись, Архип начал выбираться на кручу. Справа, с Лысой горы, постреливал из дзота немецкий пулемет. Светящиеся точки трассирующих пуль изогнутой цепочкой летели через воду и гасли где-то в леске.

Этой же ночью Архип благополучно миновал немецкую передовую линию и к восходу солнца уже шагал по улице районного городка Коротояк. Шел бодро, помня наставления начальника особого отдела, что гитлеровцы не будут подозревать в нем разведчика, если идти по широкой улице и не оглядываться по сторонам. Подумают, что местный житель куда-то торопится по своим неотложным делам.

Шел Архип по улице, а сам бросал взгляды по сторонам. В одном дворе, под грушевыми деревьями, приметил шесть танков; в другом, в кустах малинника, стояло несколько минометов. На крыльце здания райисполкома застыли с автоматами два фрица — видать, в этом доме важные чины

разместились или штаб какой-нибудь находится. И невольно Архип втянул голову в плечи. Еще больше одолел страх, когда проходил мимо автомашин. Стояли они вдоль улицы, прямо перед окнами домов. Никто их не охранял, видимо, шоферы спали в кабинах. Что было наложено в кузовах, Архип не узнал, да и увидеть нельзя, так как все машины были задернуты зеленым брезентом.

Архип минул центральную площадь Коротояка и попал на тихую улицу, где жил его однополчанин по германской войне Денис Проскурин. Последние годы перед нынешней войной Денис занемог, мучил его ревматизм. Каких только снадобий не принимал — ничего не помогало. Руки у него здоровые, и организм крепкий, да вот ноги подвели, так и дюжил много лет. Колхоз ему поручил делать седла. Сидел у себя в кухне на деревянном чурбане и тесал лучки, подкрылки, а потом все склеивал столярным клеем, обтягивал кожей. Седла у него получались ладные. Делали заказы даже из других колхозов. Денис никому не отказывал. Так и жил старик, принося людям пользу. И вот Архип во дворе. Обошел дом — пусто. Неужели и старика не пощадили фрицы, выгнали из дома? Заглянул в черный проем погреба, окликнул:

— Денис, а Денис?..

Старик отозвался, а когда Архип спустился по приставленной лестнице вниз и встал на сырой земляной пол, Денис, приподняв голову, сразу узнал однополчанина. Долго глядел на него, не понимая, откуда взялся этот человек. Потом тихо сказал:

— Здорово живешь, Архип Петрович.

— Слава богу. Вот решил тебя проведать. Как же ты живешь в такой сырости? — спросил Архип, разглядывая в темноте бородатое лицо старого друга.

— Ишь, жалельщик нашелся. Поди, через Дон под пулями нелегко было плыть?

— Твоя правда, Денис, — присаживаясь на угол топчана, проговорил Архип. А Денис опустил с постели ноги, сел рядом с другом. Осторожно и тихо сказал:

— Нынче русскому человеку беспокойно стало ходить по своей земле. Намедни немчура учительницу двумя танками разорвала. Сказывают, партизанка была. А в деревне Селявное шестьдесят душ из пулемета покосили. Остальных угнали в тыл. — Денис поправил угол рваного ватного одеяла, повернулся к Архипу. — А ты-то как живешь-можешь? Тебе

теперь раздолье, как рыбаку в половодье. Утиля много нынче... Все промышляешь?

— Ды ить жить-то надобно, — опустив глаза к полу, сказал Архип. Он никак не мог понять: хорошо к его приходу относится Денис или подозревает что-либо. Именно стараясь выяснить это, Архип спросил:

— А ты как? Вижу, что не сладко живется. Да-а, времечко пришло...

— Доживаю дни. На глаза немцам стараюсь не показываться. Питаюсь черт знает чем. Не помню, когда и хлеб во рту держал. Промыслу никакого не стало. Трудно приходится. Хоть бы скорей немцев турнули. Я бы перед смертью такое седло сделал, что век бы меня колхозники поминали добрым словом.

— Ты много их склеил, а памятника тебе не поставили, — осторожно заметил Архип, искоса поглядывая на Дениса.

— Хорошее издали узнается, — уклончиво ответил хозяин погреба. Подумал немного и как бы невзначай любопытствовал: — Ты чего же убежал из дому? Али набедокурил на той стороне Дона?

— Тебя проведать пришел. Все-таки в одних окопах вшей кормили. Как-никак, а горе вместе хлебали...

— Ой ли? Знаю тебя. Ты и в добрые лета не часто ко мне ходил. Ну, а ежели так, то благодарствую.

— То-то, Денис. В тяжелые дни и я к тебе сердце заимел. Думаю, как он там живет сиротой, пойду проведу.

— А как там у нас? Армия наша живая? — почти шепотом спросил Денис.

— Слава богу, воюют. Немцев через Дон не пускают. Сам, поди, слышишь, как стреляют наши солдатики.

— Меня даже тоска берет, ежели стрельба прекращается, — признался старый Денис. — Боюсь один в погребе остаться. А как услышу с Дона стрельбу, так обрадуюсь, значит, не один я остался. Рядом свои люди есть. — Денис тяжело вздохнул, в горле у него что-то закрипело, он откашлялся, сказал, глядя на Архипа: — Ты, Архип, погляди у меня в сарае. Там немцы целый склад всякой одежды оставили. Может, что прихватишь себе.

— Это мне очень кстати. Барахлишко-то пригодится, — воскликнул гость, и уже тише добавил: — Только я, Денис, сейчас ничего не возьму. Требуется сходить кое-куда, а уж обратно загляну к тебе. Тогда и прихвачу, что приглянется.

— Добре, добре, — согласно кивнул головой хозяин.

Весь день и всю ночь просидел Архип в погребке, разговаривая с Денисом Проскуриным.

Из Коротояка в Сторожевое Архип вышел утром, на зорьке. Узелок с офицерским обмундированием, в котором был завернут наган, Архип взял в руку, шел не торопясь, старался не глядеть по сторонам. Делая вид, что опустил глаза на дорогу, сам то и дело исподлобья бросал взгляд то вперед, то налево, где чернела узкая темная полоса Ореховой рощи. Прошел по дороге, которая тянулась вдоль оврага, затем вошел в нескошенную рожь. Архип остановился, сорвал колос и размял его в ладони. Сильно дунул на ладонь, остья разлетелись, а в пригоршне остались ядренные зерна. Старик долго глядел на них, определяя, сколько же пудов хлеба пропадет на каждой десятине.

Архип бросил в рот ржаные зерна и пошел по полевой дорожке. Узелок пришлось забросить на спину: трудно было идти, цеплялся за остья. Они, сухие, со звоном щекотали лицо, руки.

Вольготно было идти, тихо кругом, только однообразный звук нескошенного хлеба навевал дремоту и тревогу. Ветерок не шелохнет колосьев, стоят они, склонившись под тяжестью зерен. В тот момент, когда Архип глубоко погрузился в свои думы, неожиданно рожь раздвинулась, и перед Архипом вырос немец с автоматом. Старик поднял голову и глянул в худое лицо фашиста. Солдат шагнул на тропку, преградил Архипу автоматом дорогу.

— Хальт! — крикнул немец.

Архип не понял, чего от него хочет немец, но остановился. Гитлеровец щелкнул автоматом. И тут только Архип сообразил, быстро поднял руки. Узел упал под ноги. Немец указал автоматом на землю, ложись, дескать. Архип, кряхтя, лег на живот.

Потом фашист заставил старика ползти на четвереньках, а сам шел сзади. Архип изредка бросал взгляд и видел: фриц закинул автомат за спину, пальцы рук засунул за ремень. Он ухмылялся, потешаясь, как этот русский разгребает руками сухие, упругие стебли ржи, как, сопя, ползет по сухим кочкам.

Работая руками и ногами, Архип сокрушался: вот тебе и задание советского командования — все пошло прахом, все он, Архип, перепортил, сам себя подвел к краю могилы. Кто

спросит ответ у этого фрица, если тот пристрелит Архипа? Никто. И никто даже не узнает, где сгниет Архип. Ой, влип, влип, влип...

Немец сделал знак рукой — дескать, встань. Архип поднялся и увидел узкий ход вниз. Пошли по нему. За поворотом — дощатая дверь. Немец распахнул ее и втолкнул Архипа в блиндаж.

Сначала в темноте Архип ничего не мог разглядеть. Ему стало жутко. Постоял несколько секунд, немного огляделся. Заметил, что за фанерной перегородкой горит яркий свет. Ногой задел какую-то железную банку, раздался глухой звук. Немец-проводник пошел вперед, потянул за собой Архипа. Электрический свет ударил в глаза, старик прищурил их. Послышались голоса, ничего не разобрать, чужая гортанная речь. Пригляделся, увидел двух немцев. Они сидели у телефонов и что-то говорили в трубки. Потом Архип очутился в подземной комнате. Потолок из бревен, стены обиты досками. Стоят столы, стулья. Старик заметил, что столы и стулья русские, сделаны из дуба. Только на столах чужие телефоны, черные, как сваренная смола. И портрет Гитлера на стене.

На одной из кроватей лежит немец, сложив обутые в сапоги ноги на стул. Архип глянул на него и обомлел. Погоны белые, на шее какой-то крест висит, и на клапане нагрудного кармана значок. Плохо его видно, только и выделяется, что черная свастика, похожая на раздавленного паука. Немец, что вел Архипа, что-то говорил лежащему офицеру, а тот, не открывая глаз, слушал. Пришел третий фриц, долговязый, с бледным лицом. И вдруг Архип услышал коверканые русские слова:

— Ты кто, откуда пришел? — это спросил долговязый. Архип посмотрел в лицо немца и вместо ответа положил на стол узел. Он долго развязывал концы платка, а потом все увидели гимнастерку, брюки, наган. На петлицах алело по три кубика. Долговязый с высоты оглядел, снова спросил:

— Что это?

— Господин, я русского лейтенанта убил, — заявил Архип, указывая пальцем на гимнастерку. — Он мне не давал собирать трофеи. За мной стали гоняться, вот я и убежал к вам. А сам я житель хутора Ново-Задонского.

Долговязый не спеша переводил лежащему на койке офицеру. Тот повернул голову, осоловелыми глазами посмотрел

на Архипа, затем поднялся, подошел к столу и сел на табурет. Архип удивился: до чего же красивый был этот офицер. Лицо белое, нос немного с горбинкой, а глаза голубые, как синь пруда. «Ишь ты, немец, а какой ладный,— подумал Архип,— да и чин, наверное, крупный...»

Смотрел Архип на красивого офицера и думал: напрасно говорят, что свинья не может опороситься бобренком, вот появился же на свет в фашистской семье такой статный щеголь. И лицо у него румяное, чистое, и ровные широкие плечи, а воротничок белый, хорошо выглажен; наверное, крахмалили его. Ладно обтягивает грудь мышинного цвета куртка, словно ее шили на заказ.

Вдруг красавец вскочил на скрипучих каблуках и громко закричал. Архип не понимал, чего хочет фашист. Переводчик ломаным языком говорил:

— Господин обер-лейтенант говорит, что ты, старик, врешь, ты не убивал русского офицера.

Немецкий офицер заподозрил: перед ним может оказаться русский разведчик, но смущало то, что этот старик принес офицерскую одежду, офицерское оружие. И настойчиво уверяет, что убил русского командира. А от покойной матушки он не раз слышал, что пожилые люди на Руси набожны, кривить душой не умеют. Но кто знает, может, коммунисты всем порокам научили и старого и малого.

Архип стащил с головы шапку и размахисто стал креститься. Обер-лейтенант косился на него: «Ишь ты, молится, значит, не все потеряли при Советах».

— Смею ли я, господин, говорить вам неправду? — умоляющим голосом старался убедить офицера Архип. — Перед богом и перед вами держу ответ: убил русского командира.

Обер-лейтенант слегка прикрыл глаза. Он шагнул к Архипу и поднес к его носу увесистый кулак. Потом вытащил из кармана пистолет и положил его на угол стола.

— Проверим, что ты за птица,— передал слова обер-лейтенанта переводчик. — Если врешь, расстреляем.

— Истинный бог, не вру,— клялся Архип. А сам мысленно ругал себя, что любовался щеголем. Хоть обличие-то у него и бобриное, а душа свиная оказалась. Не ошибся русский человек, говоря, что свинья не поросится бобренком, а все поросенком.

Архипа вывели и сунули в темный угол блиндажа. Старик прислонился спиной к земляной стенке, задумался: что могут

сделать с ним фашисты? «Ох,— вздыхал Архип,— как несуразно все получилось. Люди послали на важное дело, а я влип как кур во щи». Сколько времени прошло, пока Архип сидел в углу, неизвестно, только вскоре его позвали.

Старик вошел и опять перед ним стоял тот же обер-лейтенант.

— Позови старосту! — крикнул он переводчику.

Дощатая дверь скрипнула. В блиндаж неслышным шагом вошел тот, кого позвал фашист. Архип повернул голову и побледнел. Перед ним стоял знакомый человек, по фамилии Блинков, из деревни Селявное. Да, хоть и не стар был Блинков, но с тех пор, как не видел его Архип, Блинков сдал: сторбился, пожелтел. Губы стали тонкие, нос длинный, бледно-розовый, как недоспевший помидор. Лицо его производило впечатление чего-то жестокого, злого. Одет он был в старые стеганные штаны, на ногах кирзовые солдатские сапоги, из голенищ которых торчали портянки. Как увидел Блинков Архипа, так и заулыбался:

— Архип Петрович? Вот уж не ожидал с тобой встретиться.

— Встречи разные бывают,— уклончиво ответил Архип. Переводчик спросил у Блинкова:

— Знаешь его, господин староста?

— А как не знать! Из Ново-Задонского, Архип. Он, бывало, все терпел нужду при колхозном порядке. Приходилось ему, горемычному, утилем промышлять, чтобы с голоду не умереть.

Переводчик перевел обер-лейтенанту все, что говорил о старике староста.

Офицер глянул на старосту, снова спросил:

— Он может русского офицера убить?

— И убьет, пан. Он злой на тамошние режимы. Истинный бог, убьет.

Архип не тронулся с места, но вздохнул: «Видно, не всю совесть продал староста». Видя, что Блинков выручил его, постепенно оживился, слава богу, кажется опасность миновала. Старик решил, что бояться больше ему не следует, сказал офицеру:

— Вы, господин, меня первые задержали, проверили, кто я таков. Дайте мне такую справочку. Так, мол, и так: Архип не вредный для вас человек. А это потребно на случай, если еще раз попадусь. Да и господина старосту Блинкова больше

тревожить не станут. Занятый ведь он человек. Напишите мне такой документ, чтобы не задерживали меня. Пойду я в Оськино на постоянное жительство, там у меня сват живет. Вот и господин Блинков может подтвердить.

Блинков молча утвердительно кивнул головой, потом проговорил:

— А что ж, можно и дать. Человек он верный. Пусть идет.

Как ни странно, но обер-лейтенант на листке бумаги что-то написал по-немецки и брезгливо передал Архипу. Старик старательно завернул в носовой платок бумажку и спрятал в карман.

Десять дней ходил Архип из села в село. И каждый раз, когда его задерживали, он разворачивал носовой платок и доставал записку. Немцы читали бумажку, ухмылялись, а затем отпускали Архипа. И опять он шел своей дорогой. В селе Платове Архип узнал, что в церковь согнали всех жителей Селявного и других придонских сел. Тут же сидят десять бойцов Красной Армии, которых мадьяры взяли в плен близ деревни. Это были разведчики. Побывал Архип и в Острогжске, где разместились штабы второй венгерской армии и седьмого немецкого армейского корпуса. Много увидел Архип, а записывать нельзя. Нужно было все приметить, все запомнить. К счастью, у старика была хорошая память.

На двенадцатый день Архип возвратился к месту переправы через Дон. Не дойдя двух километров до реки, долго лежал в овраге, дожидаясь ночи. Хотел зайти в Коротояк к Денису Проскурину, но, подумав немного, решил не ходить. Неровен час, еще нарвешься на злых фашистских молодчиков, что из гестапо, те разбираться долго не станут. Раз вблизи передовой изловили, значит, без разговору — расстрел, пропадут все труды. Второй раз уже не вырвешься из лап того щеголеватого обер-лейтенанта, коль скоро к нему попадешь.

Архип тем же оврачком, которым проходил в тыл к немцам, пробрался к самому берегу реки. Выбрал укромный обрыв горы, залез в щель и начал жечь спички. Это был сигнал. О нем знает старший лейтенант Горохов. Чиркнул раз пять, переждал немного. И вот заработал пулемет. А через несколько минут на Лысой горе стали рваться мины.

Архип обрадовался: это его встречают. Отвлекают немцев. Старик свернул свою одежду в узелок и побрел в воду. Переплыл легко. Тотчас же окликнули бойцы передового ох-

ранения. Архип назвал свое имя и попросил скорее провести его к командиру роты, к старшему лейтенанту Горохову.

Встретились как старые друзья. Горохов увидел у входа блиндажа Архипа, шагнул к нему навстречу. Долго тряс руку старику, говоря:

— Возвратился, очень хорошо, просто замечательно. Все обошлось хорошо?

— В штабе бывал у фрицев. Допрос вели. Кулака офицерского понюхал, наганом грозили. Не верили, что убил русского командира.

Горохов хотел было рассмеяться, но сдержался, похлопал Архипа по плечу, спросил:

— А как ушел из штаба?

Архип сокрушенно покачал головой, вздохнул:

— Хоть он, Блинков, и сволочной стал, в старостах у них ходит, а помог. Обрисовал меня таким гадом, что я и сам испугался себя. Ну, немцы ему поверили и выдали мне бумажку. Ходил я всюду, а где задерживали патрули, совал им в нос справку.

Архип посмотрел на ту сторону Дона, где в темноте едва белел горб Лысой горы, продолжал:

— Што было, прошло. — Старик посмотрел на Горохова, сказал тихо: — Много я у них выведал. В штабе все расскажу. А тебе скажу: вот там, где Чертов Яр, у фрицев бетонный дзот воздвигнут. Его отсюда не увидеть, за горой он. Стережет овраг. Так что в овраг не суйтесь. Дальше ничего нет. Можно в тыл деревни Селявное зайти. Панику, стало быть, можно задать. Вот только пулемет надо сбить с горы. Забетонировались, сволочи.

— Говоришь, по Чертову Яру пройти далеко можно? — поинтересовался Горохов.

— Почти до Ореховой рощи, — ответил Архип. — Только у них там окопов много, пушки стоят. Танки в нашу сторону глядят. Так что туда соваться опасно. В Селявном у них мало солдат. Жителей всех угнали. Церковь сбить надо. Наблюдают они с нее. Им все, как на ладони, видно. Голову особенно не кажите, замечают все.

— Спасибо, старик, за все, — поблагодарил Горохов Архипа, потом как бы спохватился, заметив, что Архип пришел с того берега пустым, спросил: — А где ж твои «трофеи»?

Махнув рукой, Архип опустил глаза, тихим голосом ответил:

— Не до них было. — И после некоторого раздумья добавил скороговоркой: — А сейчас, товарищ командир, ты меня в штаб полка проводи. Рассказать мне еще много надо. А то забуду вдруг...

Проводив Архипа в штаб полка, Горохов остался в блиндаже один. Сидел на деревянной скамейке и думал о том, что узнал от старика. Обстановка стала теперь немного яснее, но как пройти в овраг, как уничтожить пулеметное гнездо на Лысой горе, чтобы оказаться в тылу немцев? Ну что ж, придется взять с боя Лысую гору, и Чертовым Яром овладеть.

12

Подготовка к захвату плацдарма на правом берегу Дона велась много дней, но особенно усиленно в ночь с шестого на седьмое августа сорок второго года. В эту ночь бойцам девятой роты предстояло преодолеть водный рубеж. Сделанные ранее попытки достигнуть того берега на лодках и плотах результата не дали. Немцы держали под пулеметным, минометным и автоматным огнем каждый квадратный метр реки. Даже по плывущим бревнам они открывали ураганный огонь. Теперь одиннадцати бойцам отделения предстояло форсировать реку вплавь.

Задача не из легких. Река своенравная, хоть и не бурная, кое-где крутит в воронках бревна, доски. Попадет полено в воронку и начинает крутиться на месте, будто привязали его к колу, а иногда встанет торчмя и так качается несколько секунд, пока не вытолкнет его мощный поток воды.

Операция предстояла трудная, и все же она не пугала воинов, они рвались в бой, чтобы с честью выполнить задание командования. Три месяца сидели в окопах, отбивали вылазки гитлеровцев, вели перестрелку через Дон. Сколько же можно отсиживаться на рубеже? Правда, никто из бойцов отделения точно не знал, когда предстоит выступить, но по тому, как старший лейтенант Горохов ходил по окопам и проверял снаряжение, догадывались, что час наступления настал. Взводный Яков Герман вместе с командиром отделения осмотрел каждого бойца, приказал зарядить автоматные диски — по два каждому, хорошенько связать по три гранаты. Остальные вещи — шинель, вещевой мешок — было приказано сдать старшине роты.

После осмотра Горохов спросил у Антонова:

— Как твое отделение, готово?

— Все в порядке, товарищ старший лейтенант.

— Хорошо. На новый плацдарм идем. Но его еще захватить надо.

— Понимаю. Отвоюем, что положено.

Солдаты занимались каждый своим делом. Кто закладывал патроны в диски, кто рудовал иглой, зашивая гимнастерку, штаны. Серго Метровели сидел на корточках в окопе и основательно подкреплялся содержимым консервной банки. А Чолпонбай придирчиво осматривал автомат, проверял, исправно ли действует затвор, хорошо ли прикрепляется диск, потом многозначительно сказал:

— Вот бы бараньим жиром смазать. Вода бы не пристала, ржавчина не съела бы.

Сильно подул на затвор и секунду смотрел, как ожила и матово замерцала согретая теплым дыханием сталь.

— Автомат у тебя хороший, Тулебердиев, — сдержанно похвалил сержант Антонов не то бойца, не то его оружие. — Сила у тебя медвежья, вот только проворства не хватает. Я тебе советую: когда поплывем, держись товарищей, смотри на Горохова, Германа, Черновола. Они плавают хорошо. А ты умеешь на воде держаться?

— Мало-мало могу.

— Устанешь, набери в себя побольше воздуха и на спину ложись, руками, ногами работай, вперед продвигайся.

И слова командира отделения, и его полный деловитого достоинства вид вызвали у Чолпонбая то нужное перед выступлением состояние уверенности в своих силах, при котором человеку сопутствуют выдержка, ясность мысли.

— Рахмат, товарищ сержант, — сказал Чолпонбай.

В полночь бойцов отделения собрал старший лейтенант Горохов. В блиндаже горела керосиновая лампа.

Чолпонбай внимательно посмотрел на командира. Старший лейтенант объяснил задачу бойцам, а затем, передав полевую сумку лейтенанту Никитину, сказал:

— Оставляю вас своим заместителем. Быть наготове. Первый взвод начнет переправляться прямо на дзот. Второй с левого фланга, третий — с правого. Станковым и ручным пулеметам поддерживать переправу фланговым огнем. Начало наступления — сигнал зеленой ракетой.

А в то время, когда рота была готова начать переправу на тот берег Дона, южнее Селявного, в районе Коротояка

разгорелся бой. Никто из бойцов девятой роты не знал, что соседний полк под командованием подполковника Остапенко предпринял разведку боем. Все это было начато для того, чтобы отвлечь внимание фашистов от основного удара — захвата плацдарма у Селявного. Налет боевой разведки был для фашистов так неожидан, что Остапенко легко переправился через Дон, преодолел горы, и воины ворвались в город Коротояк. Завязался бой на окраинах улиц.

Немцам пришлось срочно перебрасывать свои войска из ближайших деревень — Сторожевого, Урыва, Селявного. Они решились оголить другие участки фронта, чтобы удержать в своих руках важный пункт — Коротояк. В ночной тишине загрохотали гусеницы танков, запыхали по придонским проселочным дорогам машины, таща на прицепах орудия; кузовы машин были забиты полусонными немецкими солдатами.

Бой в Коротояке с каждой минутой разгорался все яростнее. Фашисты не предполагали, что против них действует небольшой отряд, и, бросив в прорыв значительные силы, выбили советских бойцов из Коротояка. Полк Остапенко отступал, но основная задача была выполнена — враг вывел большую часть солдат из Селявного.

Берегом, заросшим камышами, красноталом, бойцы девятой роты прошли метров сто. Узким ходом сообщения вышли к самому Дону. Река тихо несла свои воды. Двести метров пройти по сухому месту под обстрелом трудно, но еще сложнее преодолеть водный рубеж Дона. Неожиданно посредине реки упал снаряд, воронкой закружил на одном месте ноздреватую пену, разогнал во все стороны бугры опадающих волн. Эхо взрыва раскатилось по реке и замерло где-то в лесу. Изредка по глади воды хлестали пулеметные очереди.

— За мной, — шепнул Горохов и первым вошел в воду.

Чолпонбай, подчиняясь команде, сделал шаг вперед и почувствовал, как холодная вода обожгла все тело, забралась под гимнастерку. Впереди ловко плыл старший лейтенант. Чолпонбай видел, как тот широко взмахивал правой рукой, а в левой держал автомат. Он тоже сделал так. Лег на правый бок, приподнял над головой автомат и проворно заработал рукой. Надо было не только быстрее плыть, но и меньше делать шума: утренний воздух прозрачен, хорошо разносит над рекой даже всплеск рыбы, а уж удар рукой по воде слышен далеко. Чолпонбай старался плавнее опускать руку

в воду, напрягал все силы, чтобы удержаться на поверхности воды. Намокшее тяжелое обмундирование, гранаты за поясом, автомат тянули вниз, ко дну. Не стал противиться, нырнул вниз, а потом рывком рванулся вверх, жадно глотнул воздух; снова вниз, снова толчок, снова вверх и — вперед к берегу, преодолевая течение реки. Чолпонбай облегченно вздохнул, когда носки ботинок коснулись дна. Впереди высилась меловая круча берега. Теперь бойцы в относительной безопасности, в мертвом пространстве, не простреливаемом из дзота.

Чолпонбай вырвался из воды и бросился к горе. Почти отвесно высился обрыв. И вот тут-то ему хорошо пригодился опыт, приобретенный в походах по горам Кара-Моло к башне Кызыл-Адыр с друзьями детства. Чолпонбай лазил, как горный козел, на каменную башню, на которой, по рассказам стариков, днем и ночью стояли часовые и следили, чтобы коварные враги не прошли в Таласскую долину. Он вспомнил, что когда впервые залез на башню, то немало был разочарован. Ничего там не было. Думал он, что увидит остатки оружия, патроны. Было пусто. Зато видна вся Карабурунская равнина, обнесенная высокими горами. Ветерок дул из ущелья, хорошо было дышать, хотелось крикнуть, чтобы его услышали все жители родного аила.

И вот теперь с ловкостью альпиниста Чолпонбай поднимался на обрыв, цеплялся за малейшие выступы, безошибочно находил ногами удобные бугорки. Если Горохов, Герман, да и остальные солдаты хорошо умели плавать, то уж лазить по горам им пужно было поучиться у Чолпонбая.

— Товарищ старший лейтенант, я сейчас вас вытащу, — Чолпонбай расстегнул ремень и подал его Горохову. Командир роты взялся за ремень и стал взбираться по отвесу. Белая, похожая на мел глина, грязнила гимнастерку, брюки, Горохов лез, а сам смотрел на Чолпонбая и удивлялся: за что держится боец? Он точно прирос к обрыву.

Когда вылезли все солдаты, Горохов осторожно поднял голову и посмотрел в ту сторону, где должен быть дзот: казалось, кругом — ни души, да и дзот безжизненный.

По-пластунски поползли от обрыва к вершине пологой горы. Чолпонбай проворно работал руками и ногами. Если бы фашисты заметили смельчаков, то все бы они попали под сильный пулеметно-автоматный огонь. Дзот был расположен таким образом, что из него простреливалось все плоскогорье

и вершины меловых гор в любом направлении и на любом расстоянии. Бойцы все выше и выше взбирались на гору. И вдруг из дзота вылетела осветительная ракета. Она распоролла утренний воздух и засверкала матовым светом, обнажая все вокруг. Тотчас заработали пулеметы, автоматы.

Фашисты заметили советских бойцов. Отделение попало под ураганный огонь. Продвигаться дальше было нельзя.

Чолпонбай каким-то чудом очутился впереди остальных товарищей. Три метра отделяли его от бойцов отделения. Он смотрел на дзот и злился, точно в упор видел за бетонированной толщей искаженные страхом и яростью лица стрелявших. Но что с ними сделаешь? Ведь автоматом не возьмешь бетон, а гранату не добросишь до дзота. Герман попытался продвинуться вперед, но пули косили траву и справа и слева, прижали смельчака к земле.

— Товарищ старший лейтенант! — сказал Чолпонбай, лежа неподалеку от Горохова. — Разрешите уничтожить дзот?

— Это как же? — удивился командир роты, глядя на красноармейца. При свете ракеты ротный увидел лицо бойца, полузакрытые глаза, словно свет ослепил их; глубокие складки залегли выше переносицы.

— Вон там арык есть, ну вроде ложбины. Вот я и поползу.

Горохов отдал Чолпонбаю еще две гранаты и так пристально посмотрел ему в глаза, что Чолпонбай почувствовал себя чуть ли не виноватым.

— Выполню, товарищ старший лейтенант! — уверенно сказал Чолпонбай.

— Ты, Тулебердиев, понимаешь, что это за дзот?! Он, проклятый, уже сколько солдат в могилу положил! Нам нужно уничтожить его, Тулебердиев, во что бы то ни стало.

— Хорошо понимаю, очень хорошо, — прошептал Чолпонбай.

— Иди, дорогой. — Горохов глядел на Чолпонбая, вид у него был тревожный, беспокойный. Он предостерегающе сказал: — Только береги себя.

Дождались, когда ракета немного ушла в сторону, а новая еще не вспыхнула. Загребая руками кусты полыни, Чолпонбай пополз к ложбине. Метр, второй, третий... Чувствует, что трудно ползти. Он выбрал момент, когда пулеметчик перенес свой огонь на отделение, поднялся и в полный рост бросился к дзоту. Осталось немного, каких-нибудь двадцать метров. Он нажал на спусковой крючок. Синева-

тый дымок вырвался из дула автомата. Но на бегу не считаешь, чтобы угодить в амбразуру дзота. Очередь оказалась неточной, прошла выше, взвихрив насыпь на дзоте.

Чолпонбай поставил две гранаты на боевой, затем на предохранительный взвод. Преодолеl еще метров пять, до дзота — пятнадцать метров. Сдвинув задвижки запалов, боец с силой метнул одну за другой гранаты. Взрывы сверкнули у самого дзота, но пулеметы и автоматы врага не умолкали. Рывок вперед. Метр... второй... пятый...

Что-то остро укололо в грудь, затуманилась голова, на глаза накатился черный вал. Чолпонбай споткнулся, уперся руками в колючую траву, дыхание захватило, точно чья-то сильная рука схватила горло и сдавливала его. Казалось, что степь расширилась, бугорки выросли, закачались, потом пошли на Чолпонбая, грозя смять его... А вот уже нет бугорков, нет травы — ровная дорога впереди. Кругом тихо, только в ушах сплошной шум: у-у ...

В помутившемся сознании искрой мелькнули дни подготовки к наступлению. Ему явственно слышался ласковый голос Остапа Черновола, Гайфуллы Гиллязитдинова, строгий, но проникновенный наказ старшего лейтенанта Горохова: «Береги себя»; вспомнился не по годам серьезный и деловитый комсорг Никитин, горячий в споре Серго Метровели. А вон там, сзади, неотрывно следят за ним командир роты старший лейтенант Горохов и командир взвода Герман. Они словно призывают: «Вставай, дорогой, пора, посмотри вокруг — все ждут. Вставай!» Он, Чолпонбай, снова встретится с однополчанами, увидит всех своих друзей. Стоит только преодолеть сковавшую тело тяжесть, встать, распрямиться во весь рост...

Чолпонбай приник лицом к засыхавшим кустам горькой полыни, острый запах дохнул в нос, сухие комья земли прикоснулись ко лбу, холодком обдали его. Как хорошо полежать сейчас там, у подножья Кара-Моло, где бурлит в узком ущелье неприметная речка Кара-Бура! Горьковатая полынная меловая гора, скуповатая на ласку, обдавала холодом, острый запах полыни будил сознание. Чолпонбай собрал последние силы, оперся руками о землю, согнул в коленях ноги и попытался подняться. Не сумел, снова рухнул на полынью. Может, это мать Сураке и брат Токош призывают его, просят, приказывают: встань, встань, встань...

И вдруг Чолпонбай почувствовал прилив сил, шевельнул плечами, чтобы освободиться от колеблющегося видения, больно прикусил зубами губу, стремясь этой болью заглушить другую — острую, парализовавшую все движения, боль в груди. Медленно поднялся на ноги, держа в правой руке автомат, не сгибаясь, считая каждый свой шаг, пошел на дзот. Пулеметные и автоматные очереди чеканят: «Свалить, свалить, свалить!» Остаются считанные метры. Уже видно, как от резких выстрелов дрожит в амбразуре бетонное крошево. Виден черный ствол пулемета. Шаг, второй, третий... Чолпонбай идет правее дзота, но неожиданно он делает поворот и, качаясь, шагает прямо к амбразуре. Он входит в полосу обстрела. «Только бы хватило сил дойти», — подумал Чолпонбай, зная, что он истекает кровью. Треск пулемета рядом. Выпрямился, поднял автомат над головой, и, собрав силы, какие еще оставались в израненном мужественном теле, Чолпонбай приблизился к дзоту, взялся рукой за выступ, поднялся в полный рост и повалился на амбразуру. Сколько: десять, сто, тысяча пуль прошли тело Чолпонбая? Глаза его открылись, но перед ними ничего не было — темное пространство, в котором на миг мелькнуло виденье недавнего пути.

13

— Вперед! — крикнул Горохов, как только огонь вражеского дзота прекратился. Бойцы отделения один за другим вскакивали и бежали в гору, где еще минуту назад трещали немецкие пулеметы. Это был как короткий вздох облегчения не только для старшего лейтенанта, но и для всех красноармейцев отделения. Бежали, не боясь попасть под пули, которые до этого так и дзинькали по кустам полыни.

Объятый одной волнующей мыслью — побыстрее забросать гранатами, расстрелять из автоматов засевших за бетоном дзота гитлеровцев, Горохов старался ускорить бег. Рядом с собой он слышал бешеный топот Черновола, Гиллязитдинова, Антонова и других воинов. Весь путь от берегового обрыва до дзота бойцы не отставали от командира роты.

— Гранаты к бою! — крикнул Горохов. Сам первым пружиристо прыгнул на дно широкой траншеи. Влево и вправо незнакомо вились ходы сообщения. За изгибом Горохов увидел фашистов. Один с мелово-бледным лицом, в очках, лихорадочно совал в амбразуру винтовку, силился что-то оттолк-

нуть от дула пулемета. Горохов, не задумываясь, метнул гранату. В тесной нише дзота вспыхнул огонь, затем прогремел оглушительный взрыв. Черновол и Гиллязитдинов погнались за убегающими двумя фрицами. Фашисты петляли по ходам сообщения, отстреливались из автоматов. Черновол выхватил из кармана «лимонку» и метнул в улепетывающих врагов. Грянул трескучий взрыв. Немцы больше не стреляли. Из соседнего окопа к дзоту бежали гитлеровцы. Остап и Гайфулла встретили их автоматным огнем. На помощь им подоспели Горохов и Метровели. Завязалась жаркая перестрелка. Гайфулла перевалился через бруствер окопа и кинул гранату. Земля, огонь взметнулись в воздух. Стрельба притихла.

— Разыскать Тулебердиева! — приказал Горохов Остапу Черноволу.

— Есть разыскать! — Боец взялся за край окопа и одним рывком очутился наверху. Скрылся. Послышался шелест приямой долины.

— Товарищ старший лейтенант... — издали донесся тревожный голос Черноволы, а вскоре, перевалившись через бруствер, он сам прыгнул в ход сообщения дзота, крикнул: — Тулебердиев убит!..

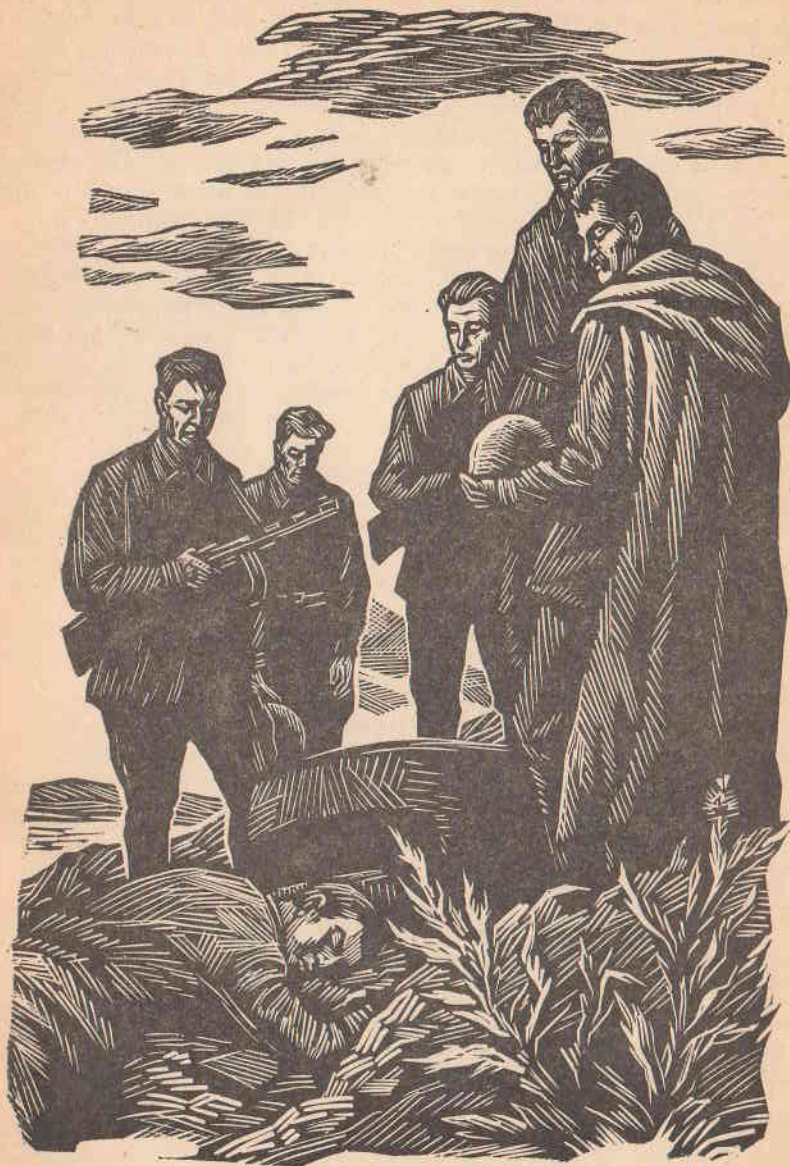
— Как убит? — волнуясь, спросил он.

— Он лежит около амбразуры дзота...

Горохов выбрался из окопа. За ним вылезли красноармейцы отделения, Метровели остался у пулемета. Спустились по насыпи вниз, туда, где виднелась амбразура вражеского дзота; командир подошел к бетонной стене и остановился. Чолпонбай лежал, вытянув вперед обе руки. Грудь изрешечена пулями, гимнастерка, вся в крови, висела клочьями, а голова склонилась в сторону Дона. В правой руке зажат автомат. Пальцы немного разжались, но автомат не упал на беловатую глину.

Старший лейтенант ощупал бойца, тело уже начинало холодеть. Он с волнением нагнулся и прижался губами к смуглому лицу Чолпонбая, потом снял каску. Бойцы обнажили головы.

— Собой закрыл амбразуру, — прошептал Черновол. Он приблизился к Чолпонбаю и посмотрел на землю. Сквозь гимнастерку еще сочилась кровь, она адела на белой насыпи, струйками стекала вниз. Из-под обшлага левого рукава тоже капала кровь и скапливалась лужицей на плоском камне. Пальцы широкой ладони были разведены.

— За Родину погиб Тулебердиев,— проговорил Горохов. Он повернулся к Дону и глянул на лес. Там ждали сигнала наши войска. А вот здесь человек отдал жизнь, чтобы сотни других бойцов остались живыми. «Какое золотое сердце было у этого бойца,— стоя перед Чолпонбаем думал Горохов. — Да ляжет на его могиле земля лебяжьим пухом!»

Черновол осторожно отстегнул нагрудный карман гимнастерки Чолпонбая и достал документы. Не поднимаясь на ноги, он протянул руку с бумагами старшему лейтенанту. Горохов развернул комсомольский билет. С маленькой фотокарточки глядели на него чуть суженные глаза, плотно сжаты четко очерченные губы, круглый подбородок приподнят. Видно, боец фотографировался, когда надел впервые военную гимнастерку и еще не успел привыкнуть к тугому воротничку. Потом Горохов разложил на ладони бумажку, хотел прочитать, но ничего не понял.

— Гиллязитдинов, прочитай!

Гайфулла взял из рук командира листок, посмотрел:

— Стихи, товарищ старший лейтенант!

— Читай.

Боец прочел стихи:

Осыпало счастьем людей,
Не может молчать Токтогул.
О воле торжественных дней,
О доле счастливой своей,
О равенстве добрых друзей
Не хочется песни кончать.
Какая счастливица ты,
Родившая Ленина мать.

— За нас, верных друзей, он не пожалел жизни,— с грустью сказал командир роты. — Эти стихи акына вдохновляли Тулебердиева...

— А вот письмо к Гульнаре, — сказал Гайфулла.

— Насколько я помню — у него в семье Гульнары не было, — тихим голосом сказал Остап Черновол.

— Наверное, невеста. Вот что он ей пишет: «Сейчас, дорогая Гульнара, готовимся идти в бой, наступать на фашистов будем. Я жду этого часа. За тебя, Гульнара, за родную Киргизию, за великую Родину пойдем мы в наступление. Верь, Гульнара, я не буду трусом...»

— Это письмо останется в части, — распорядился Горохов.

Затем он надел каску и, как бы стряхнув с лица грусть, строго сказал бойцам, показывая направление:

— Чертовым Яром — в тыл к немцам! Биться с врагом смело и без страха, как Чолпонбай Тулебердиев.

Потом, положив документы Чолпонбая в планшет, командовал:

— Вперед, товарищи! На деревню Селявное, смелее, за мной!

Горохов прыгнул с выступа и покатился вниз, увлекаемый мелкими камнями и меловой насыпью. За ним побежали остальные бойцы. Вот и мост. По нему немцы доставляют из Ореховой рощи в Селявное и Сторожевое боеприпасы. Этот мост — точка, откуда Горохов должен дать сигнал на ту сторону Дона. Там десятки глаз сейчас всматриваются в темноту, ждут — когда же в небо взлетит долгожданный зеленый огонек. Командир роты выхватил ракетницу и выстрелил. Зеленая огненная полоса потянулась вниз.

Медленно и тихо отстукивают секунды на часах старшего лейтенанта. Все смотрят на циферблат. Фосфорная стрелка бледно светится в темноте. Вот она сделала один круг, второй, третий...

Тихо. Каждый боец слышит биение не только своего сердца, но и, кажется, сердца ближайшего соседа. Послышался глухой взрыв. Потом еще и еще. А вскоре гул слился в сплошной рев.

— Началось! — с облегчением вздохнул Антонов. Горохов снял каску и рукавом вытер потный лоб.

Взметнулись косматые красные султаны — один ряд взрывов, второй, а вскоре они покрыли всю деревню Селявное. Султанов все больше и больше, взрывы ближе и ближе. Первые удары молнией сверкнули неподалеку от моста. Горохов вылез из оврага, чтобы видеть всю картину артиллерийского разгрома вражеских укреплений. Второй взрыв прогремел совсем рядом. Слышно, как визжат крупные осколки — тик-к, а мелкие выпевали по-другому — фи-у-у. Следующий снаряд заставил Горохова сползти в яр.

— Ложись! — командовал никем не услышанный старший лейтенант. Снаряды ложились то по ту, то по эту сторону оврага. Дрожала земля, казалось, небо рвалось на части. Горохов лежал на дне оврага и радовался этому артиллерийскому шквалу. Мост был спасен, а потом пламя закатало уже в деревне, на передовой гитлеровцев.

Целый час неистовствовала орудийная канонада. Если бы каждый снаряд поражал фашистов, то их давно бы не осталось в деревне. Горели дома. Дым вместе с искрами пламени плыл над селом. Но вот орудийные взрывы стали редеть. Их уже можно считать. И тогда Горохов поднялся, громко приказал бойцам отделения:

— Патронов не жалеть. Кричать, сколько голоса хватит. За мной, в деревню!

В продолжение атаки Серго Метровели старался бежать рядом с Гороховым. Он делал то же самое; что и старший лейтенант. Если тот перебегал, перебегал и Серго. Когда тот полз и останавливался, чтобы выстрелить, Серго тоже полз и одновременно с ним стрелял. В этом соседстве он находил для себя опору и уверенность, что с ним ничего не случится. Тем более, что вслед за ними бежал Остап Черновол, чей автомат безостановочно тарахтел. Чем ближе советские бойцы подходили к деревне, тем яростнее становился огонь врага.

У самой околицы деревни Серго Метровели потерял из виду и Горохова, и Петрова. Очутился рядом с сержантом Антоновым. Пробежали немного, и вдруг Серго задышал отрывисто. Боли он еще не почувствовал, однако ноги плохо повиновались ему, он стал останавливаться и жадно хватать воздух широко раскрытым ртом. Из левого плеча текла кровь.

Заметив это, Антонов понял, почему Метровели тяжело дышит.

— Тебя ранили?

— В плечо, сволочи, попали, — ответил боец сквозь затаенную одышку.

— А куда ж ты идешь? Поворачивай к Дону. Там наши сейчас переправились.

— Что вы, товарищ сержант, назад нет дороги. Тулебердиев грудью открыл нам дорогу, а я вдруг назад? Нет, кацо, не выйдет!

Сержант посмотрел на него удивленно-восхищенным взглядом и побежал, понимая, что путь у всех действительно один — деревня Селявное.

В деревне бойцы вели бой с танками противника. Серго приметил танк, что стоял за углом дома и вел прямой наводкой огонь по красноармейцам, и пополз вдоль плетня к дому. Уже хорошо видны гусеницы, выстрелы оглушали бойца, но он, преодолевая боль, приближался к железной машине. Серго приподнялся и швырнул под танк гранату. Танк

дернулся, развернулся на подорванной гусенице, уперся дулом пушки в стену дома. Открылся люк танка, Серго дал очередь, и фашистский танкист упал на землю. Второй гитлеровец выпрыгнул и бросился бежать по двору. Метровели короткой автоматной очередью сразил и его.

Бойцы роты уже бежали по улицам деревни Селявное. К двенадцати часам дня на помощь прорвавшимся частям переправились два батальона полка. Деревня уже была очищена от немецко-фашистских захватчиков, и солдаты устремились по беслесному полю к другой укрепленной позиции немцев — деревне Урыв.

* * *

К вечеру на самом мысу Лысой горы вырос холмик. Бойцы заботливой рукой сбили деревянный обелиск, на котором химическим карандашом написали бессмертные слова: «Вечная память тебе, герой киргизского народа! Верный сын Родины, Чолпонбай Тулебердиев, своим подвигом ты обессмертил себя и свой народ! Память о тебе будет жить вечно!» А через несколько дней ниже этой подписи кто-то перочинным ножом расчистил добела доску и написал стихи:

Кто скажет: что он амбразуру закрыл
И умер у огненной дверцы?
Он Родину сердцем своим защитил,
Простым человеческим сердцем.

Военный совет Воронежского фронта постановил — зачислить почетным красноармейцем Чолпонбая Тулебердиева в девятую роту шестьсот тридцать шестого полка.

За образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленное при этом геройство Президиум Верховного Совета СССР четвертого февраля 1943 года посмертно присвоил звание Героя Советского Союза Чолпонбаю Тулебердиеву.

С августовских дней сорок второго года по несколько раз в сутки гитлеровцы бросали на деревни Урыв и Селявное танки, самолеты, автоматчиков, стремясь столкнуть в Дон батальон Назарова, не дать закрепиться на плацдарме. Из трехсот пятидесяти домов деревни Селявное ни один не сохранился. Но дни проходили, а населенные пункты на высоком берегу Дона оставались в руках советских воинов. Плац-

дарм вклинился в оборону противника и разделил ее на две части. А уже с наступлением холодов гитлеровцы свыклись, что у них на флангах сидят советские воинские части. В январе 1943 года из деревни Селявное началось наступление войск Воронежского фронта.

* * *

С тех пор минуло много лет, полк прошел от берегов Дона до рейхстага. Светлый образ Чолпонбая Тулебердиева вдохновлял воинов на боевые подвиги. Когда полк сражался в Германии, сержант Архип Манита у Силезского вокзала повторил подвиг Чолпонбая. К концу войны в батальонах полка было 18 Героев Советского Союза, сотни награжденных за боевые заслуги в Отечественной войне.

Давно закончилась война, бывалые солдаты передали оружие новичкам, но память о Чолпонбае Тулебердиеве живет в сердцах солдат и офицеров. Каждый вечер, на линейке, выкликают:

— Красноармеец Чолпонбай Тулебердиев!

Старшина роты в торжественной тишине рапортует:

— Герой Советского Союза, гвардии рядовой Чолпонбай Тулебердиев погиб смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Школьные будни	3
Суровое время	30
Придонские степи в огне	54

Самохин Федор Иванович

ЧОЛПОНБАЙ

Повесть

Второе издание, переработанное и дополненное

Для среднего и старшего школьного возраста

Наборщики А. Музашова, Г. Мамбетова, верстальщик
М. Курбанбаева, цинкограф Л. С. Фельдман, печатник
Ф. И. Корженевская, переплетчики Г. А. Еремина,
Р. Н. Агранат.

Рецензент Р. Г. Деева, редакторы П. Г. Леденев,
Н. М. Болдырева, художник А. С. Осташев, художест-
венный редактор Ю. Ким, технический редактор
В. И. Комерова, корректор Л. В. Павленко.

ИБ № 2250

Сдано в набор 17. 12. 81. Подписано к печати 08. 04. 82.
Д-04638. Формат бумаги 60X84/16. Бумага типографская
№ 1. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 8,0
физич. печатных листа. 7,44 условн. печатных листа.
7,02 учетно-издательских листа. 7,73 усл. кр-отт. Тираж
11000+конкурсное 1000 экз., Переплет № 7. Заказ № 2.
Цена 25 коп. Конкурсное 55 коп.

Издательство «Мектеп».

720361, ГСП, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.

730461, ГСП, г. Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

Самохин Ф. И.

С 17 Чолпонбай: Повесть. Для сред. и ст. школ. возраста/
Худож. А. Осташев. — Перераб. и доп., 2-е изд. — Ф.:
Мектеп, 1982. — 128 с.

О Герое Советского Союза, верном сыне киргизского народа Чолпонбае-
Тулебердиеве, совершившем бессмертный подвиг в годы Великой Отечествен-
ной войны, рассказывает эта повесть. Впервые была выпущена в 1958 году,
настоящее издание выходит в переработанном виде, с дополнениями.

С 70803—322
М 452 (17)—82 181. 82. 4803010102

P2
ББК 84. 98P7

0.70 m

25 коп.